

Священник Жан-Пьер де Коссад

О всецелом предании себя Божественной воле

*Перевод, предисловие и примечания
Василия Владимировича Чернова*

Фонд переводов христианского наследия
Кранснодар
2025

Оглавление

Предисловие.....	4
Квиетизм	4
Де Коссад и его авторство	5
Основные понятия и идеи книги.....	6
Читая книгу.....	8
Книга первая. О природе и высоком совершенстве добродетели всецелого предания себя Божественной воле.....	10
Глава I. О том, что святость состоит в уповании на волю Божию и в предании себя всем ее действиям.....	10
§ 1. О сокрытых действиях Божиих.....	10
§ 2. Об обязанностях настоящего момента	10
§ 3. О деле нашего освящения.....	11
§ 4. О том, в чём состоит совершенство	12
§ 5. О том, что лишь Божественное действие может освятить нас	13
§ 6. Об употреблении умственных способностей	14
§ 7. Об обретении мира.....	15
§ 8. О том, как понять степень совершенства	16
§ 9. О простоте святости.....	17
Глава II. О том, как Божественное действие непрестанно совершает освящение душ	18
§ 1. О Божественном действии.....	18
§ 2. О том, как вера открывает действие Божие.....	19
§ 3. О том, как распознать волю Божию	21
§ 4. О Божественных откровениях.....	22
§ 5. О действии Иисуса Христа в душах человеческих	23
§ 6. Об отношении к Божественному действию	24
§ 7. О сокровенном действии Божественной любви	25
§ 8. Об опытном познании.....	26
§ 9. О том, что воля Божия в настоящий момент есть источник святости	26
§ 10. О том, как Бог открывает Свою волю через творение	27
§ 11. О действии Божиим, преображающем всё в сверхъестественное	28
§ 12. О Божественном Слове — нашем Образце.....	30
Книга вторая. О состоянии души, всецело предавшей себя Божественной воле	32
Глава I. О природе и высоком совершенстве того состояния, когда душа предает себя Божественной воле	32
§ 1. О жизни Бога в душе.....	32
§ 2. О совершеннейшем пути	33
§ 3. О том, что всецелое предание себя Богу есть залог предопределения	34
§ 4. О том, что всецелое предание себя Богу есть источник радости	35
§ 5. О великом достоинстве чистой веры.....	35
§ 6. О том, что подчинение себя Богу — это наш дар Ему.....	36
§ 7. О том, что подчинение себя Богу — это Его дар нам.....	37
§ 8. О том, что в чистом сердце воцаряется Бог	38
Глава II. Об обязанностях душ, призванных Богом к состоянию всецелого предания себя Божественной воле	40
§ 1. О жертве как основании святости.....	40
§ 2. О страдании и утешении, что приносит предание себя Божественной воле.....	41
§ 3. О различных обязанностях, вытекающих из состояния предания себя на Божественной воле	42
§ 4. О том, что в душе доброй воли Бог творит всё Сам.....	43
§ 5. Об общем пути всех душ.....	45
§ 6. О том, что единственное правило — это требование настоящего мгновения.....	46

§ 7. О доверии водительству Божию	47
§ 8. О потребности в великой вере	48
Глава III. Об искушениях, сопровождающих состояние всецелого предания себя Божественной воле	49
§ 1. О неразумности нашего вмешательства	49
§ 2. О несправедливых выводах	51
§ 3. О заниженной самооценке	51
§ 4. О недоверии к самому себе	53
§ 5. О жизни веры	54
Глава IV. О помощи, которую отеческий Божественный промысл подает душам, всецело предавшим себя ему	56
§ 1. Об уповании на Бога	56
§ 2. О разнообразном действии благодати	58
§ 3. Об изобилии даров Божиих	59
§ 4. О том, что самые простые вещи суть проводники благодати	60
§ 5. О том, что и природа, и благодать суть орудия Божии	61
§ 6. О сверхъестественном благоразумии	62
§ 7. О признании собственной немощи	62
§ 8. Об ошибочности попыток руководить самим собой	63
§ 9. О Божественной любви, каковая есть источник всякого блага	64
§ 10. О том, что нам следует видеть Бога во всех Его творениях	66
§ 11. О силе простоты	67
§ 12. О торжестве смирения	67

Предисловие

Середина XIX века была одним из сложнейших периодов в истории Европы — в 1848 году многие страны потрясли революции, в Италии шли объединительные войны, закончившиеся упразднением Папского государства (1870), великие державы сталкивались в вооруженных конфликтах. Наступал век «стали и пара» — на новом витке индустриализации континент покрывался сетью железных дорог, шахт, огромных заводов. Старая, крестьянская Европа рушилась, люди массово переселялись в города, где царили невиданные прежде нищета и моральный нигилизм. На таком фоне не могла не меняться и духовная жизнь общества. С одной стороны, это был период роста политического секуляризма, распространения безверия и религиозной апатии, утраты ориентиров. «Капитал» Карла Маркса (1848), «Происхождение видов» (1859) Чарльза Дарвина, работы Ренана, Штрауса, Риттшля бросали вызов традиционному мировоззрению не только извне, но и изнутри исторических Церквей.

Как бы в ответ на эти вызовы по всей Европе стали возникать «низовые», как сказали бы сегодня, духовные движения, позволившие многим людям вывести свою веру на иной, глубоко личный уровень. В Германии продолжал развиваться уже хорошо известный к тому времени пиетизм. По скандинавским странам ходили проповедники-лестадiane, призывавшие людей к духовному и нравственному обновлению. В англоязычном мире похожую роль играли методисты, хотя духовное возрождение тогда проповедовали представители и многих других направлений христианства, включая даже государственную Церковь Англии. В России первые оптинские старцы способствовали подъему православия и пробуждали интерес к вере у далекой от Церкви интеллигенции. Для Римско-Католической Церкви, на институциональном уровне перенесшей ряд тяжелых ударов, середина XIX века стала временем невиданного укрепления горизонтальных связей. По всей католической Европе возникали различного рода объединения мирян — молитвенные кружки, евхаристические братства, различные благотворительные общества. Многие из них в духовном смысле опирались на более раннюю традицию — примерно так же, как протестанты апеллировали к отцам-пиетистам XVII–XVIII веков. Схожую роль для католиков в этот период играли Иоанн Креста (Хуан де ла Крус), Тереза Авильская, Викентий де Поль, Франциск Сальский.

Квиетизм

Ученики Франциска (Ф. Малаваль, Ж. де Берньер-Лувињи и другие) стали фактическими основателями особого духовного движения — квиетизма, близкого к протестантскому пиетизму. Наиболее известным автором, принадлежавшим к этому направлению, часто считают испанского священника Мигеля де Молиноса (1628–1696). В своем труде «Духовный путеводитель» (1675) он проводит различие между двумя путями к Богу. Более низкий путь основан на рассудке и активной деятельности — человек стремится совершать определенные поступки, напрягать волю, предпринимать аскетические усилия над собой. Однако лучший путь предполагает отказ от всего этого в пользу чистой веры, сердечной молитвы и всецелого предания себя Божественной воле. Несмотря на популярность идей де Молиноса, в 1687 году он был осужден инквизиционным трибуналом и принес покаяние. Однако его принципы никуда не исчезли — ведь, по сути, де Молинос просто выражал гораздо более древнюю традицию. Во Франции ключевой фигурой квиетистского движения на рубеже XVII и XVIII века играла Жанна-Мария Бувье де ла Мотт Гюйон (1648–1717), широко известная как просто «мадам де Гюйон». Эта женщина, соединявшая в себе глубокую набожность, образованность, аскетизм и широкую популярность, чем-то напоминала известного немецко-голландского пиетиста Герхарда Терстегена, который был на два поколения старше ее. Достаточно отметить, что, как позже Терстеген, де Гюйон собственной кровью написала несколько искренних и пронзительных писем Иисусу Христу. Поскольку формально квиетизм был осужден католическими церковными властями, де Гюйон вряд ли смогла бы что-то предпринять без серьезного покровителя. Таким человеком для нее стал

архиепископ Камбреский и воспитатель внука Людовика XIV Франсуа де Салиньяк де ла Мот-Фенелон (1651–1715). Фенелон (как его обычно называли) был одним из любимых духовных авторов Московского митрополита Филарета (Дроздова) (1782–1867), который ввел в православную духовную практику одну из написанных епископом Камбреским молитв («Господи, не знаю, чего просить у Тебя...»).

Высокое покровительство смогло смягчить судьбу французского квиетизма, однако не смогло обеспечить ему высокого положения. После кончины де Гюйон и Фенелона квиетизм уходит в тень. Впрочем, это было вполне естественно, ведь учение о последовании Богу верой и соединению с Ним через принятие скорбей и послушание Божественной воле не слишком подходило для салонов, где собиралась скужающая знать.

Де Коссад и его авторство

Однако вернемся в середину XIX века. Франция тогда жила при «второй империи» Наполеона III, который стремился поддерживать католическую веру, но не допускать роста политического влияния Церкви. Всё это, как уже говорилось, способствовало оживлению «низовой» церковной активности. В 1861 году известный французский богослов и писатель — иезуит Анри Рамьер (1821–1884) опубликовал небольшую книгу «О всецелом предании себя Божественной воле»¹, автором которой он указал другого члена Общества Иисуса, на тот момент давно покойного Жана-Пьера де Коссада, прежде никому не известного в качестве духовного автора.

Жан-Пьер де Коссад родился 7 марта 1675 года в провинции Кагор на юге Франции. В 1693 году он вступил в Общество Иисуса и, после достаточно долгого обучения, стал преподавать в различных духовных школах. Вероятно, на этой стезе ему сперва не очень везло — начальство часто переводило его с одного места на другое. В 1720 году де Коссад сменил род деятельности — он стал посещать приходские храмы и выступать с проповедями. В 1730 году он приехал в город Нанси, а в 1733 году перебрался туда на целых шесть лет. Здесь де Коссад стал духовником местного женского монастыря, принадлежавшего к ордену Посещения Пресвятой Девы Марии (имеется в виду посещения Богородицей праведной Елисаветы, Лк. 1:39–56); по латинскому названию ордена (*Ordo visitationis beatissimae Mariae Virginis*) его монахини именуются «визитантками». Важно отметить, что данный орден был основан Франциском Сальским и являлся своего рода хранителем его духовной традиции. В дальнейшем де Коссад вернулся к педагогической работе, став ректором иезуитских коллегий в Перпиньяне (1739) и Альби (1743). Он скончался в Тулузе 8 декабря (по другим данным — 6 марта) 1751 года.

Сомнения в том, что де Коссад был подлинным автором трактата «О всецелом предании» существовали уже в момент выхода книги — хотя бы потому, что Рамьер не скрывал, что достаточно сильно отредактировал текст, включив в него, среди прочего, элементы полемики с квиетизмом. Вряд ли бы он решился проделать подобное с подлинным произведением признанного духовного писателя. Среди возможных авторов трактата называли мадам де Гюйон, однако в настоящее время эта версия в основном отвергнута. В 1960-х годах была опубликована оригинальная рукопись, с которой, как предполагают, работал Рамьер, но это лишь умножило версии. В начале 2000-х годов иезуит Жак Гажи обнаружил переписку между Рамьером и архивисткой упоминавшегося монастыря визитанток в Нанси по имени Фервель. Она сообщает Рамьеру, что опубликованная тем книга по содержанию напоминает некоторые из писем де Коссада к настоятельнице монастыря в Нанси с 1783 года Мари-Анн-Софи де Роттембур. Фервель передала имевшиеся в ее распоряжении письма Рамьеру, и он добавил их к более поздним изданиям трактата². Сравнение этих писем с трактатом «О всецелом предании» разрушило всякую возможность считать, что они могли быть написаны одним и тем же человеком. Тем не менее, вероятно, что, хотя не де Коссад «научил» монахинь

¹ *Caussade J.-P. L'Abandon à la providence divine* / Ed. P.H. Ramière. Paris, 1861.

² Например, *Caussade J.-P. L'Abandon à la providence divine. Augmentée de lettres et autres écrits encore inédits du même auteur. T. 1–2.* / Ed. P.H. Ramière. Paris, 1874⁷.

из Нанси квиетистским принципа, он воспринял от них бытовавший в обители «прото-квиетизм» Франциска Сальского и других, а затем каким-то образом содействовал его оформлению и передаче. Таким образом, называть де Коссада автором трактата можно лишь условно, в силу традиции.

Но всё сказанное никак не умаляет значения книги как таковой. Ее массово читали и простые люди, и крупные интеллектуалы вроде Анри Бремона, Ганса Урса фон Бальтазара или Симоны Вейль. «Де Коссад» бережно сохраняет и развивает общехристианскую духовную традицию, выражавшуюся по-разному в зависимости от места, эпохи, обстоятельств, но не утратившую своего внутреннего, фундаментального единства.

Основные понятия и идеи

Ключевой термин книги «де Коссада» — «совершенное предание себя» — содержится непосредственно в ее названии, которое, по его собственному признанию, придумал ее первый издатель, Рамьер. По мере переложения книги на другие языки, в первую очередь английский, переводчики отмечали сложности, связанные с этим термином. В качестве английского эквивалента французского «abandon» как правило использовалось английское «abandonment», эти два слова, не смотря на очевидный общий корень, имеют достаточно разное значение. По этой причине, например, Элла МакМаон — автор первого перевода книги на английский (1887) — вставила в заголовок необходимое пояснение: «Abandonment, or Absolute Surrender to Divine Providence». Другие переводчики, в частности, Альгар Торольд (1933), использовали слово «self-abandonment». Следует отметить, что сложность здесь заключается в основном в подборе слова; смысл термина вполне ясен — «де Коссад» говорит о предании или препоручении себя Божественной воле не в результате какое-то аскетического усилия, но, напротив, через доверие действию Бога в собственной жизни и отказ от активного поиска каких-то особых духовных путей.

У Франциска Сальского то же самое понятие обычно передается словом «indifférence». Буквально это значит «безразличие», но речь идет скорее об отказе от собственной воли в духе слов апостола Павла «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Франциск размышляет о том, что, если христианин действительно имеет полное доверие к Богу, он не нуждается в том, чтобы что-то просить у Него — ведь Богу и так известны все потребности и скорби каждого сердца. «Безразличное сердце, — пишет он, — подобно куску воска в руках Бога, легко принимающему любой отпечаток Его воли»³. Также Франциск использует понятие «détaché», «отрешенный», «не имеющий привязанностей». «Отрешенный» человек воспринимает любое дело лишь как исполнение воли Божией; само дело как таковое не имеет для него решающей важности.

Но если идеал — в отказе от конкретных устремлений, в чём же человеку открывается Божественная воля? В самых простых вещах, в естественном ходе жизни, отвечает «де Коссад». Святость, согласно ему, «состоит в том, чтобы принимать с любовью то, чему мы зачастую и так не можем воспрепятствовать, и терпеливо, без ропота переносить тяготы, которые обычно вызывают у нас усталость или неприязнь» (1.1.3)⁴. Чем же определяются эти обязанности? Для «де Коссада» это «состояние» или «положение» человека в социуме, то, кем человек является, кем он может себя назвать. «Нужно лишь выполнять свои христианские обязанности и обязанности своего положения, принимать с доверием соответствующие тяготы, и с верой и любовью подчиняться Божией воле во всём, что следует совершать или переносить, не придумывая для себя сверхдолжных подвигов» (1.1.3). Говоря проще, нужно просто позволить «потоку жизни» нести себя, избегая лишь очевидного зла: «Всё, кроме греха и делания собственной воли, ведет к единению и совершенству. Нужно лишь не препятствовать действию Божию и позволить ему совершать всё потребное» (1.2.11).

³ François de Sales. L'Amour de Dieu. Paris, 1882. P. 282.

⁴ В этой статье цифры после цитат из «де Коссада» указывают на книгу, главу и параграф трактата «О всецелом предании».

Но чтобы подчинить себя Божественной воле, нужно каким-то образом усмотреть ее в рутине бытовых дел. Как это можно сделать? Ответ «де Коссада» предельно ясен — посредством веры. Подобно тому, как в таинстве Евхаристии узреть Христа под видами хлеба и вина возможно только взором веры, в «таинстве настоящего момента» (еще одно важное понятие, встречающееся у «де Коссада») Бог также открывается лишь верующему. «Каждое мгновение жизни может быть своего рода приобщением Божественной любви, и каждое такое приобщение может приносить душе не меньше плодов, нежели таинство тела и крови Сына Божия» (1.2.7). Вера — ключ к богопознанию, святости, спасению, счастью; любые другие пути и плоды духовной жизни просто служат ей. «Всё необыкновенное, что мы находим в жизни святых — откровения, видения, внутренние голоса — лишь отблески того совершенства их состояния, которое сокрыто и заключено в действии веры. Ибо вера обладает всем этим просто потому, что способна видеть и слышать Бога во всём происходящем из мгновения в мгновение. Когда эти дары проявляются вовне, это не значит, что они прежде не были уже получены верою, — напротив, это происходит для того, чтобы сделать превосходство веры зримым и тем самым привлечь души к возрастанию в ней... Те, кто живут верой, принимают знамения не как доказательство, но как милость из руки Божией; и в этом смысле всё необычайное не противоречит состоянию чистой веры» (2.1.5).

Помимо «обязанностей состояния», которые следует выполнять, и текущих событий, которые человеку остается лишь принять, «де Коссад» называет и третий способ познания Божественной воли — внимание к «внутреннему зову» Святого Духа. Это «то, к чему Дух Божий незримо склоняет сердца, покорные Его водительству» (1.2.3). Что бы исполнять требования этого зова «не нужно ничего, кроме как всецело отдаться Богу и без мудрований повиноваться Его внушению... Сей третий род обязанностей имеет преимущество над всяким законом, формальностями и установленными правилами. Именно он делает жизнь святых особенной и не такой, как у прочих: он направляет их устную молитву, внутренние слова, деятельность их способностей, а также всё то, что делает их жизнь столь высокой — их подвиги, ревность о Боге, готовность служить ближним» (1.2.3). Зов Божий требует к себе отношения внимательного, однако без лишней мнительности. Даже желание слышать призыв Бога уже нарушает саму идею предания себя Его воле: «Забывая о рассудительности, человек поддается влиянию собственных представлений и подвергается опасности впасть в прельщение... Что касается внутренних позывов и ощущений, которые испытывает душа, — их посылает лишь Бог, и только тем, кому Он хочет. Не следует пытаться вызывать или умножать их самостоятельно — естественное усилие прямо противоположно зову благодати, которое должно приходить в мире и тишине» (1.2.3).

Но что же делать, если такая жизнь не приносит никаких видимых духовных плодов? Это, считает «де Коссад», не просто не важно, но даже и хорошо. Чем менее явственно Бог проявляет Себя в человеческой жизни, тем больше возможности имеет человек для укрепления веры. «Как непонятно для самой души это сокрытое действие... Всё, что она делает, кажется ей случайным, продиктованным естественными склонностями, и это ее глубоко оскорбляет. Когда в душе рождается слово — кажется, что говорит она сама. Душа не различает, каким духом движима. Самый Божественный голос внушает ей страх. Всё, что она делает или испытывает, кажется ей неправильным и недостойным. Другие представляются ей несравненно выше, и она чувствует себя ничтожной в сравнении с ними. Она не доверяет собственному суждению и ни в одной мысли не может быть уверена... В собственных глазах души (а также в глазах тех, кому Бог не посылает света) она выглядит движимой чувствами, противоположными добродетели: упрямством, непослушанием, строптивостью, самомнением, гневливостью — и будто бы нет лекарства от этого. Чем усерднее она старается эти состояния победить, тем больше они усиливаются — потому что именно ими Бог разрушает ее самонадеянность и готовит к союзу с Собой. Но как раз в этом мучительном испытании и скрывается главный подвиг состояния предания себя Богу» (2.3.5). Как бы дурно не оценивал человек собственное духовное состояние, покуда Он доверяет Богу и усматривает в собственном положении Его волю, он пребывает на верном пути. «Желать любить Бога —

это уже значит любить Его... Посему добрая воля ничего не должна опасаться. Если она падает, то только под всемогущей десницей, что ведет и поддерживает ее во всех ее блужданиях. Эта десница вновь обращает ее к цели, от которой она уклоняется, вновь ставит на путь, когда она сходит с него. В ней душа обретает средство против заблуждений, в которые ввергают ее слепые и погрешительные способности. Душа начинает чувствовать, что ей следует полагаться не на эти способности, но только на Бога, предавая себя безусловно Его непогрешимому водительству» (2.4.5).

«Путь чистой веры» очень прост и доступен всякому. «Сокровище рядом, — восклицает “де Коссад”, — оно везде, всегда, в любой момент жизни. Все люди и события, и добрые, и скверные, щедро изливают его. Оно пронизывает всё наше естество, все способности души и тела, достигая самого сердца. Нужно лишь открыть душу, чтобы принять его. Действие Божие наполняет всю вселенную; оно в каждой твари, оно предваряет нас, сопровождает нас и последует нам. Всё, что требуется от нас, — это позволить этому потоку нести себя» (1.1.3).

Жизнь самого простого человека с ее заурядными событиями и бедами превращается в пространство Божественного откровения, становясь для человека как бы продолжением библейской истории. «Священное Писание — таинственная речь Бога, Который Сам еще более таинственен; а события мира — тот же язык того же сокровенного и неизреченного Бога, однако еще более темный... Когда ты читаешь слово Божие, начертанное не чернилами на бумаге, а в самой твоей душе — страданиями, повседневными делами, которые тебе назначено совершать, — разве такое слово не заслуживает твоего внимания?» (1.2.4). Сам же человек, осознанно принимающий всё, происходящее с ним, как волю Божию, превращается в бытописателя Божественного откровения: «Святой Дух Божий пишет в открытой книге эту священную историю, еще не завершенную, и не завершится она до конца мира. Эта история повествует о замыслах Божиих о каждом из людей и о том, как Он ведет их. Нам предстоит занять в ней свое место и продолжить ее нить, соединив свои дела и страдания с Его волей. Нет, не ради утраты самих себя мы трудимся и страдаем, но чтобы наполнить страницы сей священной книги, что пишется день за днем» (2.4.8).

Читая книгу

Обращаясь к произведению «де Коссада» следует отметить для себя, что оно ни в какой мере не претендует на статус богословского труда. Это рассудительный, но вместе с тем эмоциональный монолог человека, который хочет помочь окружающим увидеть очевидное. Автор часто «прыгает» с одной мысли на другую, повторяет сказанное, нарушает последовательность рассуждений. Заголовки далеко не всегда соответствуют содержанию глав. Автор не предлагает какого-то набора правил, не дает советов относительно церковной жизни. Когда «де Коссад» называет предание себя Божественной воле путем простым и доступным для всех, он буквально это и имеет в виду. То, что он предлагает — это не особые дела, а особое восприятие того, что и так происходит. С одной стороны, это путь полной пассивности, абсолютного бездействия. Это своего рода постоянное участие в Евхаристии, где Бог подает Себя под видами повседневного бытия, а человеку остается лишь с верой принять Его. Но в то же время подобный подход способен наполнить человеческую жизнь смыслом и мотивацией, причем не к чему-то отвлеченному, а к вещам совершенно реальным, практическим. Читая книгу, каждый может задуматься: насколько я внимателен к своим обязанностям здесь и сейчас? Не живу ли я иллюзиями о будущем или памятью о прошлом? Способен ли я даже в бытовых неурядицах видеть руку любящего Бога и действовать соответствующим образом? Понимаю ли я, что даже те, кто прямо желает мне зла, служат для меня проводниками доброго Божественного промысла в той же степени, что и дорогие мне люди — разве что вопреки собственным намерениям?

Важно помнить, что «де Коссад» ни в коем случае не отрицает традиционных форм благочестия. Кто бы ни был автором этой книги, и исторический Жан-Пьер де Коссад, и его редактор и издатель Рамьер, были священниками и монахами, всецело верными той церковной

традиции, в которой жили. Книга относит церковную жизнь к тем «обязанностям состояния», которые каждый человек призван исполнять. Более того, отношение к видимой стороне духовной жизни как к орудию Божественной воли не позволяет человеку ни иметь в ее отношении завышенных ожиданий, ни претерпеть разочарования, когда какие-то элементы внешнего благочестия «не работают» так, как хотелось бы. То же самое относится и к другим сторонам человеческой жизни — семье, труду, общению с другими людьми.

Вообще, и сама книга, и тот путь, который она предлагает (или, скорее, описывает), несут в себе мощный, как бы сказали в наше время, «терапевтический» эффект. Она помогает человеку преодолеть множество зависимостей и невротических состояний. Для того, кто во всем усматривает руку Божию, и достижения, и неприятности носят относительный характер. Речь тут, при этом, идет не о безразличии, а именно об иерархии восприятия. Для этих людей «всё драгоценно, всё приносит им благо. Они неизъяснимо безразличны ко всему — и вместе с тем не пренебрегают ничем, почитая всё и пользуясь всем» (2.4.4).

Точно также идея «де Коссада» о том, что каждый человек призван усматривать в повседневности продолжающееся Божественное откровение ни в какой мере не преуменьшает авторитет Священного Писания. Автор книги буквально дышит Библией, постоянно цитирует ее строки, ставит в пример ее события и персонажей. Собственно, и сама идея «всецелого предания себя Божественной воле» почерпнута из Священного Писания, и вне его учения просто лишена смысла.

Наконец, читая эту книгу не стоит забывать, что перед нами — французское произведение эпистолярного жанра, созданное в первой половине XVIII века и с тех пор пережившее несколько серьезных переработок. До сих пор существует более, чем один вариант текста, и эта тема продолжает оставаться предметом исследований⁵. Понимание обстоятельств и условностей эпохи — необходимый элемент правильного восприятия этого замечательного во всех отношениях труда.

Василий Чернов

⁵ Среди интересных работ, посвященных изучению данной книги, можно отметить следующие: *De Caussade J.-P. Abandonment to Divine Providence / Translated and Introduced by J. Beevers. New York, 1975; Boland A. Le Père Jean-Pierre de Caussade, auteur mystique // Nouvelle revue théologique. 1985. Vol. 107 (2). P. 238–254; L'Abandon à la providence divine d'une dame de Lorraine au XVIIIe siècle, suivi des Lettres spirituelles de Jean-Pierre Caussade à cette dame / Ed. J. Gagey. Grenoble, 2001; Salin D. The Treatise on Abandonment to Divine Providence // The Way. Apr 2007. 46 (2). P. 21–36; Wright W.M. Jean-Pierre de Caussade and the Caussadian Corpus // A Companion to Jesuit Mysticism / Ed. R.A. Maryks. Leiden, 2017. P. 193–224; Hart K. "Mystical Revelation": On and around L'Abandon à la Providence Divine // Journal for Continental Philosophy of Religion. 2024. Vol. 6 (1). P. 87–116.*

Книга первая. О природе и высоком совершенстве добродетели всецелого предания себя Божественной воле

Глава I. О том, что святость состоит в уповании на волю Божию и в предании себя всем ее действиям

§ 1. О сокрытых действиях Божиих

Верность порядку, установленному Богом, заключала в себе всю святость праведников под законом Моисеевым, даже святого Иосифа и Пресвятой Девы Марии.

Сегодня Бог обращается к нам точно так же, как прежде, во времена отцов наших, когда не было ни духовных наставников, как теперь, ни регулярного метода духовного руководства. Тогда вся духовная жизнь заключалась в верности замыслам Божиим, ведь не существовало стройного учения, объясняющей ее подробно, ни столь многих наставлений, заповедей и примеров, как ныне. Несомненно, наши современные трудности делают это необходимым, но в первые века так не было, ибо души⁶ тогда были проще и чище.

Тогда, для тех, кто вел духовную жизнь, каждый момент предполагал некую обязанность, которую следовало тщательно исполнить. Всё внимание их сосредоточивалось лишь на этом — как стрелка часов, что указывает время, проходя известную часть циферблата. Их разум, непрестанно движимый Божественным побуждением, незаметно обращался к тому, что Бог предлагал их вниманию в соответствующее время. Именно по этому принципу поступала Дева Марии, чью простоту и преданность Богу невозможно превзойти. Ответ, что она дала ангелу, заключался в одной фразе: «*Да будет мне по слову твоему*» (Лк. 1:38), но эти слова вместили в себя всё мистическое богословие ее предков. Ведь тогда, как и ныне, главное заключалось в незамутненном препоручении своей души воле Божией, какой бы эта воля ни была.

Это возвышенное и прекрасное расположение, которое составляло самую суть духовной жизни Богородицы, лучшим образом выражается в простых словах «*да будет мне*». Заметим, что они полностью согласуются с иными словами, каковые, по волению Божию, должны непрестанно пребывать на устах и в сердце человека: «*Да будет воля Твоя*» (Мф. 6:10). Разумеется, то, чего ожидалось от Девы Марии в тот достославный миг, служило и ее великой славе; но и самая слава не была бы столь ценна для нее, если б она не видела в ней исполнения Божественной воли — единственного, что имело для нее значение. Именно Божественная воля руководила ею во всём, будь то дела житейские или нечто возвышенное, ибо и то, и другое для нее было лишь более и менее различными проявлениями действий Вседержителя, в которых Мария наблюдала совершение Его воли. Ее дух, влекомый радостью, воспринимал все предстоявшие ей свершения и скорби как дар из рук Того, Кто наполняет благами сердце, не влекомое тварным, но алчущее и жаждущее одного лишь Творца.

§ 2. Об обязанностях настоящего момента

Повседневные обязанности — тень, под которой скрывается действие Божие.

Сила Вышнего осенит тебя (Лк. 1:35), — сказал ангел Деве Марии. Эта сень, скрывающая за собою силу Божию, приводящую душу к Иисусу Христу, состоит в долге, требованиях и перенесении скорбей, сообразных каждому моменту жизни. Ибо воистину сие суть лишь тени, подобные естественным теням, что, ложась на чувственные предметы, как бы

⁶ «Де Коссад» использует слово «душа» как синоним слова «человек». (Здесь и далее все ссылки принадлежат переводчику книги).

окутывают их покровом; в нравственном же и сверхъестественном порядке эти тени, под своими смутными очертаниями, скрывают истину Божественной воли, каковая одна лишь достойна нашего внимания. Таково было всегдашнее расположение Девы Марии. И когда сии тени ложились на ее естественные способности, они отнюдь не вводили ее в прельщение, но, напротив, укрепляли ее веру в Того, Кто во веки непреложен. Удались, архангел, ибо ты — лишь тень. Твое время проходит, и ты исчезаешь. Мария же следует далее и продолжает путь, хотя ты уже далеко от нее, тогда как Святой Дух, что приступил к ней при твоём послании, не оставит ее никогда.

Во внешнем облике Богородицы мало что предстает необычным, — по крайней мере, Писание не отмечает того. Ее жизнь предстает внешне простой и обыденной: дела и переживания Марии ничем не выделяют ее из прочих людей в схожих обстоятельствах. Вот она идет навестить свою родственницу Елисавету — но точно также ее навещала и другая родня; вот Мария отправляется в Вифлеем, чтобы принять участие в объявленной переписи — как и прочие; вот она, по бедности, укрывается в вертепе; вот возвращается в Назарет, который ей пришлось покинуть из-за Ирода; вот Иисус и Иосиф живут рядом с нею, трудом добывая для Святого Семейства насущный хлеб. Но каким хлебом питается вера Марии и Иосифа, какой таинственный хлеб вкушают они в наиболее священные мгновения своей жизни? Видимой стороной их жизнь подобна тому, как живут все прочие, но невидимое, доступное лишь взору веры, — это ничто иное, как Сам Бог, совершающий великие дела. О, *хлеб ангельский* (Пс. 77:25 [78:27])⁷, небесная манна⁸, евангельская жемчужина⁹, таинство настоящего момента! Ты даешь нам Бога под видами столь ничтожными, как хлев, ясли, сено, солома. Но кому Ты, Господи, даешь Себя? *Алчущих Ты исполнил благ* (Лк. 1:53). Бог открывается малым в самом малом, а великие, привязанные лишь к внешности, не замечают Его даже в великом.

§ 3. О деле нашего освящения

Сколь проще станет достигнуть святости, если взглянуть на нее с такой стороны.

Если путь к святости кажется нам полным непреодолимых трудностей, то это потому, что мы не умеем правильно помыслить о нём. На деле святость сводится к одной-единственной вещи — к верности тем обязанностям, которые Бог поручил каждому из нас. И эта верность по силам каждому — как в том, что мы должны делать сами, так и в том, что нам нужно принимать от Бога.

Действенная сторона этой верности заключается в том, чтобы исполнять все свои обязанности: как общие — установленные Богом и Церковью, так и частные — вытекающие из того состояния жизни, которое мы приняли. Бездейственная же сторона состоит в том, чтобы с доверием и любовью принимать всё, что Бог посылает нам в каждый момент.

Разве что-то из этого выше наших сил? Конечно, нет. Во исполнении своих обязанностей от нас не требуется ничего сверхъестественного. Так, если здоровье не позволяет идти на мессу, можно и не идти. Таков общий принцип: предписания, требующие определенных действий, перестают быть обязательными, если их исполнение невозможно. Абсолютными остаются лишь запреты на то, что является злом по своей природе, потому что грех не допустим ни при каких обстоятельствах. Разве это не разумно? Разве тут есть повод для оправданий? А ведь именно сего Бог требует для освящения всякой души без исключения: великих и малых, сильных и слабых, всегда и везде. Это значит, что Бог просит нас лишь о

⁷ Здесь и далее Библия цитируется по Синодальному переводу, за исключением нескольких отмеченных особо случаев, когда другие переводы лучше соответствуют смыслу и контексту оригинала книги. В значительной части случаев библейские цитаты и аллюзии в оригинальном тексте никак не обозначены и определены переводчиком.

⁸ См. Исх. 16 гл. Отсылки к содержанию Библии отмечены переводчиком для удобства читателей.

⁹ См. Мф. 13:45–46. В этой евангельской притче Иисус рассказывает о жемчужине столь драгоценной, что ради ее приобретения можно отказаться от всего.

простом и доступном. Если просто быть верным Ему в этом, то и сего довольно, чтобы достичь высокой степени святости.

Если же Бог указывает нам на евангельские советы¹⁰ как на более совершенный путь, то всегда делает это соразмерно нашему положению и характеру. Как знак призвания к этому пути Он влагает в нас особые внутренние дары, которые делают его легким и радостным. Бог никогда не требует от человека того, что превосходит его силы или возможности. И это совершенно справедливо.

Поэтому те, кто стремится к совершенству, впадают в уныние, вспоминая жития святых или наставления из благочестивых книг; их пугают идеалы святости, которые они сами себе придумали. Таковые да ведают, что я пишу это ради их утешения. Бог, Который по Своей благодати сделал дыхание, еду и сон легкими и естественными для жизни, сделал столь же доступными для нас любовь и верность в духовной жизни. Их трудность сильно преувеличена. Взгляните на свою жизнь: разве она не состоит из бесчисленного множества небольших, будничных дел? Бог вполне доволен такими поступками — это и есть тот вклад, что человек должен внести в собственное освящение. Писание говорит об этом предельно ясно: *«Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека»* (Еккл. 12:13). В этом и заключается действенная составляющая верности. Если человек исполнит свою часть, Бог совершит прочее. Когда это условие выполнено, благодать действует так, что человек не в силах этого понять.

Бездейственная же сторона пути к святости еще проще. Она состоит в том, чтобы принимать с любовью то, чему мы зачастую и так не можем воспрепятствовать, и терпеливо, без ропота переносить тяготы, которые обычно вызывают у нас усталость или неприязнь. Вот в чём суть святости. Это подобно зерну горчичному¹¹ — самому малому из всех, плоды которого невидимы и незаметны. Это и есть евангельская драхма¹², сокровище, которое никто не ищет, потому что думают, будто оно слишком далеко. Не спрашивайте, где его найти: тут нет никакой тайны. Сокровище рядом — оно везде, всегда, в любой момент жизни. Все люди и события, и добрые, и скверные, щедро изливают его. Оно пронизывает всё наше естество, все способности души и тела, достигая самого сердца. Нужно лишь открыть душу, чтобы принять его. Действие Божие наполняет всю вселенную; оно в каждой твари, оно предваряет нас, сопровождает нас и последует нам. Всё, что требуется от нас, — это позволить этому потоку нести себя.

О, если бы цари и вельможи, владыки церковные и мирские, священники и воины, крестьяне и ремесленники — словом, все люди — поняли, как легко им достичь высокой степени святости! Им нужно лишь выполнять свои христианские обязанности и обязанности своего положения, принимать с доверием соответствующие тяготы, и с верой и любовью подчиняться Божией воле во всём, что следует совершать или переносить, не придумывая для себя сверхдолжных подвигов. Именно так жили и освящались патриархи и пророки, задолго до появления множества духовных наставников с их особыми подходами к духовной жизни. Это — путь святости всех времен и всех состояний. Нет такого положения в жизни, которое можно было бы освятить более возвышенным, чудесным и одновременно простым образом, чем через верное исполнение того, что Бог посылает нам в каждый момент — делать или принимать.

§ 4. О том, в чём состоит совершенство

Совершенство состоит в том, чтобы исполнять волю Божию, а не в том, чтобы понимать Его замыслы.

¹⁰ Евангельские советы — в католическом (и иногда в православном) нравственном богословии указания Иисуса Христа, необязательные для всех верующих, но представляющие собой более совершенный путь христианской жизни (например, добровольная бедность).

¹¹ См. Мф. 13:31–32, Мк. 4:30–32, Лк. 13:19.

¹² См. Лк. 15:8–10.

В духовной жизни Божественные замыслы, благоволение, воля, действие и дар Его благодати — это, по сути, одно и то же. Бог действует в душе, чтобы сделать ее подобной Себе. Совершенство — это не что иное, как верное соработничество души с действием Бога. Оно начинается, растет и достигает полноты в душе тайно и незаметно.

В богословии мы видим рассуждения и объяснения чудес подобного состояния в каждой душе — в зависимости от ее способностей. Можно прекрасно знать все эти теории, говорить и писать о них, наставлять других и руководить душами. Но если всё это остается лишь на уровне ума, то по сравнению с теми простыми людьми, которые, не зная никаких теорий, принимают Божию волю с доверием и исполняют ее, то поступающий так подобен больному врачу рядом со здоровыми людьми. Замыслы Бога и Его воля, принятые верной душой с простотой, производят в ней это Божественное состояние так же естественно, как лекарство, принятое без рассуждения, исцеляет больного, хотя тот может ничего не знать, да и не хотеть знать о медицине.

Подобно тому как тепло дает непосредственно огонь, а не разговоры об огне и не знание его свойств, так и в душе совершают дело освящения не рассуждения о Божественных замыслах и состоянии души, а сами эти замыслы и воля Божия, будучи приняты и исполнены. Когда человек испытывает жажду, он утоляет ее не чтением книг о питье, а тем, что идет и пьет. Желание больше знать о воде лишь усиливает жажду. Точно так же, когда человек жаждет святости, стремление сперва понять святость лишь отдаляет утоление этой жажды.

Следует отложить излишние рассуждения и с простотой принимать всё то, что Бог устраивает в нашей жизни — и в делах, и в страданиях. Всё, что происходит с нами в каждый момент по Его воле или попущению, — это и есть самое святое, самое лучшее и самое полезное для нас.

§ 5. О том, что лишь Божественное действие может освятить нас

Никакое чтение и никакие духовные упражнения не могут освятить человека сами по себе — они действуют лишь в той мере, в какой становятся проводниками Божественного воздействия.

Всё наше духовное знание должно преследовать лишь одну цель: распознавать волю и замыслы Бога в настоящий момент. Любое чтение, которое Бог не предназначил для нас, может быть вредным. Мы обретаем благодать, исполняя волю Божию и следуя Его водительству. Именно эта благодать действует в наших сердцах — и через чтение, и через любую другую деятельность. Если Бога в этом нет, чтение останется пустым и бесплодным: оно насыщает ум, но опустошает сердце, потому что лишено живительной силы Божественного действия.

Когда Божественная воля действует в душе простой, необразованной девушки — и через страдания, и через самые обыкновенные дела, — она порождает в ней состояние сверхъестественной жизни, не наполняя при этом ее ум самодовольными помыслами. А гордый человек, который изучает духовные книги из одного любопытства, получает лишь мертвую букву. Поскольку его чтение не связано с волей Божией, его сердце постепенно черствеет и иссыхает.

Порядок, установленный Богом, и Его святая воля — это подлинная жизнь души, как бы и через что бы они ни действовали. Всё, к чему прикасается воля Божия, питает душу и внутренне расширяет ее, даруя в каждый момент именно то, что для нее лучше всего. Сами по себе ни чтение, ни какое-либо занятие не производят подобных плодов; они рождаются лишь из того, что Бог определяет для человека в каждый момент его жизни. То, что было лучшим вчера, перестает быть таковым сегодня, потому что Божия воля нынче проявляется через другие обстоятельства, указывая нам новый долг настоящего момента. Именно то, что Бог предлагает нам сейчас — в любой форме, — и является самым действенным средством освящения души.

Если сейчас воля Божия побуждает нас читать, то такое чтение принесет душе нужный плод. Если же Он призывает оставить чтение ради созерцания, то именно это и будет служить делу Божью, а чтение стало бы в таком случае бесполезным и даже вредным. Если же Бог призовет душу оставить созерцание и заняться, скажем, слушаением исповеди или каким-то делом, — даже на продолжительное время, — то именно это и станет средством союза души со Христом; а сладость созерцания, будь она сохранена наперекор воле Божией, только повредила бы этому союзу.

Когда мы исполняем волю Божью, каждый момент становится плодотворным. Эта воля открывается нам бесчисленными путями через каждое конкретное дело настоящего момента. Именно так в нас формируется, возрастает и достигает полноты новый человек — до той меры, которую от вечности определила Божественная мудрость. Это таинственное возрастание *в меру полного возраста Христова* (Еф. 4:13) в душе есть и цель, установленная Богом, и плод Его благодати и благодати.

Как уже было сказано, этот плод рождается, питается и умножается через исполнение обязанностей, что по воле Божией становятся для нас первоочередными в каждый момент времени. Именно эта воля делает их действенными и плодотворными.

Исполняя эти обязанности, мы можем быть уверены, что выбрали *благую часть* (Лк. 10:42). Ведь сама воля Божия и есть эта *благая часть*. Она требует лишь одного: позволить ей действовать и с полным доверием, без колебаний вручить себя ей. Она бесконечно мудра, всемогуща и благостна для тех, кто безоговорочно доверяется ей, любит и ищет только ее, кто с непоколебимой верой пребывает в убеждении, что всё, что она устраивает в каждый момент, — это самое лучшее. Такой человек не ищет ни большего, ни меньшего и не оценивает, как внешние обстоятельства укладываются в Божественные замыслы. Подобные попытки были бы лишь тонкой формой самолюбования.

Ничто не имеет подлинной ценности и смысла, если совершается не по повелению Бога, Который распоряжается всем и обращает всё во благо души. Вне Божией воли — пустота, бессмыслица, ложь, тщета, смерть. Воля Божия, каким бы образом она не являлась, — это спасение, здоровье и жизнь души и тела. Посему не следует чрезмерно исследовать, насколько то или иное занятие подходит нашему уму или телу, чтобы судить о его ценности. Это несущественно. Воля Божия проявляется через любые обстоятельства, наполняя их действенной благодатью, которая обновляет в нас образ Христов. Мы не можем диктовать условия или поставлять пределы этой воле, ибо она всемогуща.

Какие бы мысли ни переполняли ум, какие бы чувства ни тяготили тело, даже если разум рассеян и смущен, а тело страдает от болезни или утомления — воля Божия останется в каждый момент источником жизни для души и тела. И ни то, ни другое не может быть поддержано какой-либо иной силой.

Только Божественное действие может освятить нас. Без него хлеб может обернуться ядом, а с ним и яд станет целебным средством. Без него чтение лишь помрачает ум, а с ним даже мрак становится светом. Оно — источник всякого блага и истины во всём. Через всё оно соединяет нас с Богом, Который, будучи безграничным во всех совершенствах, не оставляет душе, обладающей Им, ничего, чего можно было бы желать сверх имеемого.

§ 6. Об употреблении умственных способностей

Польза от ума и других способностей есть только тогда, когда они становятся орудиями Божественного действия.

На первый взгляд, ум со всеми плодами своей деятельности мог бы занять главное место среди орудий, которыми пользуется Бог. Но на деле его приходится ставить на последнее место — как неверного слугу. Ум может быть очень полезен, если им пользоваться правильно, но становится источником опасности, если не держать его в повиновении.

Когда душа начинает искать внешней опоры, Бог дает ей понять, что в этом качестве довольно Его одного. Если же душа, напротив, безосновательно отказывается от внешней

помощи, Божественное действие показывает ей, что такую помощь следует принимать и использовать с простотой, повинаясь установленному Богом порядку. Пользоваться этой помощью нужно как орудием, не ради нее самой — как будто мы ей и не пользуемся вовсе; и, наоборот, если этой помощи нет, следует считать, будто нам ничего и не нужно.

Божественное действие, хотя и обладает бесконечным могуществом, может в полной мере действовать в душе лишь тогда, когда та полностью отказывается от опоры на свои собственные силы. Уверенность в себе, основанная на ложном представлении о своих возможностях, препятствует действию Бога. Это — самое серьезное препятствие, ибо пребывает оно внутри самой души. Внешние препятствия Бог, если захочет, может обратить в средства для нашего возрастания. Для Него нет разницы: всё может быть одинаково полезным или одинаково бесполезным. Без Его действия всё — ничто, а с Ним даже самая незначительная вещь может принести плод.

Не важно, чем ты занимаешься — богомыслием, созерцанием или молитвой, пребываешь ли в тишине или трудишься. Сколь бы ценными и возвышенными эти вещи ни казались сами по себе, самым лучшим всегда остается то, чего Бог хочет от тебя именно в данный момент. Всё остальное, помимо Его воли, не имеет ценности для души. Видя Бога во всём, душа должна принимать или отвергать всё так, как угодно Ему; не желать ни жизни, ни возрастания, ни надежды иначе, как по Его воле, и не полагаться ни на какие средства, которые не обладают силой сами по себе, а лишь от Него.

На каждом шагу, при каждом обстоятельстве душа должна говорить вместе с апостолом Павлом: *«Господи! что повелишь мне делать?»* (Деян. 9:6) — не выбирая то или иное, а принимая всё, что Бог захочет. Ум предпочитает одно, тело — другое, но душа говорит: *«Господи, я желаю только исполнить Твою святую волю»*.

Труд, созерцание или молитва — устная или внутренняя, действенная или бездейственная; молитва веры или разумного созерцания; особые виды духовного делания или всеобщие дары благодати — всё это ничтожно, Господи, если не освящено и не оживлено Твоей волей. Тебе, Твоей святой воле я посвящаю себя, а не этим занятиям, какими бы благими и возвышенными они ни были. Ведь благодать дается для совершенства сердца, а не для развития ума.

Божественное присутствие, освящающее душу, — это пребывание Пресвятой Троицы в глубине сердца, последующего воле Божией. Особое действие присутствия Божия в созерцании приводит к сему внутреннему единению не более, чем любое иное делание, совершаемое в согласии с установленным Богом порядком.

Следовательно, нет ничего предосудительного в любви и уважении, которые мы питаем к созерцанию или другим благочестивым упражнениям, если эта любовь и почитание направлены исключительно к Богу, источнику всякого блага, Который охотно пользуется сими средствами, чтобы соединить душу с Собою.

Тот, кто почитает свиту государя, тем самым почитает и самого государя. Больше того, если кто-то, под предлогом почитания одного лишь государя, станет пренебрегать его приближенными, государь сочтет это оскорблением.

§ 7. Об обретении мира

Истинный и прочный мир возможен только в покорности Божественному действию.

Душа, что не опирается всецело на волю Божию, не обретет ни удовлетворения, ни освящения ни в каких иных средствах — сколь бы высокими они ни казались. Если тебя не удовлетворяет то, что Сам Бог избрал для тебя, то от кого же ты надеешься получить желаемое? Если тебе противна пища, что приготовила для тебя сама Божественная воля, никакое иное яство не придется тебе по вкусу — ведь твое чувство вкуса испорчено.

Ни одна душа не может по-настоящему насытиться, укрепиться, очиститься, обогатиться и освятиться иначе, как через верное исполнение обязанностей текущего момента.

Чего же еще ты ищешь? Разве в этом уже нет всего потребного? Зачем искать в другом месте? Разве ты знаешь лучше Бога? Если Он распоряжается именно так, почему ты желаешь иного? Разве Его мудрость и благодать могут ошибаться? Если ты видишь, что происходящее соответствует этой мудрости и благодати, не должен ли ты признать, что оно по необходимости превосходно?

Как надеешься ты обрести мир, противясь Вседержителю? Напротив, именно это внутреннее сопротивление — которое мы зачастую оказываем даже бессознательно — и является источником всех наших тревог. Справедливо, что душа, недовольная тем, как Бог действует в каждый данный момент, наказывается тем, что не может найти покоя никаким иным способом.

Если чтение духовных книг, пример святых или благочестивые разговоры не приносят душе мира, а только наполняют ум, не насыщая его, — это верный признак, что человек сошел с пути чистого доверия и препоручения себя Божественному действию, и вместо этого ищет удовлетворения у самого себя. Такое занятие мешает Богу приступить и действовать. Подобное нужно устранить, ибо это — препятствие для благодати.

Если же воля Божия предписывает пользоваться этими средствами, тогда душа принимает их, как и всё прочее, — как средства, установленные Богом: спокойно, без привязанности, используя их в их время и оставляя, когда приходит следующий момент и новая обязанность.

На самом деле всё подлинно доброе имеет своим источником Божественное изволение. И ничто, каким бы добрым оно ни выглядело само по себе, не подходит для освящения души и обретения мира лучше, чем то, что Бог назначает нам в настоящий момент.

§ 8. О том, как понять степень совершенства

Совершенство души и степень ее духовного роста можно определить по ее следованию порядку, установленному Богом.

Воля Божия придает всему, с чем соприкасается душа, сверхъестественную и Божественную ценность. Обязанности, которые она накладывает, и всё, что входит в их число, становится святым и совершенным. Поскольку сила воли Божией безгранична, всё, чего она касается, приобретает ее Божественный характер.

Чтобы не уклониться ни вправо, ни влево, душе следует обращать внимание только на те внутренние побуждения, которые она считает исходящими от Бога. Отличительным признаком оных является то, что они не отвлекают душу от обязанностей ее состояния. Эти обязанности — самый ясный и надежный знак воли Божией, и ничто не должно занимать их место. В них нет ничего опасного, ничего лишнего, ничего, что нужно было бы выбирать или отвергать. Время, отданное их исполнению, драгоценно и полезно для души по самой очевидной причине: оно посвящено исполнению святой воли Божией.

Вся ценность того, что мы называем святым, заключается в его соответствии сему Божественному порядку. Посему следует не отвергать или искать чего-либо произвольным образом, но лишь принимать всё, что Бог определяет, и воздерживаться от всего, что Ему противно.

Книги и мудрые советы, устная молитва и внутренние чувства — всё это полезно и назидательно, если соответствует воле Божией; эти дела помогают душе следовать верным путем и хранить собранность. Пренебрегать этими средствами под предлогом духовности — ошибка, к которой нередко склоняется квиетизм¹³: ведь есть души, которых Бог наставляет именно такими средствами, на что ясно указывают их образ жизни и внутреннее устройство.

¹³ Квиетизм (от лат. *quies* — «покой») — духовное движение в католичестве XVI–XVII веков, возникшее в Испании и распространившееся во Франции и Италии. Характерной чертой квиетизма был акцент на отказе от активных, самовольных духовных усилий в пользу доверительного последования воле Божией и ее принятия в своей жизни. К основным деятелям квиетизма относят Франциска Сальского, Мигеля де Молиноса и Жанну-Марию Гюйон. В протестантизме сходных с квиетизмом принципов придерживались представители таких

Бессмысленно представлять себе такой вид препоручения себя Богу, при котором личное действие полностью исключается. Если Бог требует делания, то именно в делании и будет святость. Помимо обязанностей, связанных с тем или иным образом жизни, Бог может призывать душу к дополнительным действиям, не противоречащим этим обязанностям. Внутреннее влечение и расположенность в таких случаях служат знаком Божественного одобрения. Души, которых Бог ведет таким образом, достигнут большей полноты духовной жизни, если будут соединять внутренние побуждения и особые Божии указания с исполнением своих обычных обязанностей, действуя рассудительно, чтобы эти особые действия не входили в противоречие с постоянными обязанностями и не мешали тому, что Бог определил через Свой промысл.

Бог производит святых так, как Ему угодно, но всегда в соответствии со Своим замыслом и в повиновении Своей воле. Именно это повиновение и есть подлинное и совершенное предание себя в руки Божии.

Не стоит думать, что те, чья добродетель проявляется необычайным образом — через особые внутренние побуждения и действия Божественной благодати, — продвигаются по пути доверия Богу меньше, нежели другие. С того момента, как эти побуждения становятся для них долгом по воле Божией, ограничиваться только исполнением обычных обязанностей своего состояния для них означало бы противиться Богу, лишать Его воли власти над всяким текущим моментом и отказываться от добродетели полного упования на Него.

Наши обязанности должны соответствовать замыслам Божиим и следовать тому пути, который Он указывает. Когда внутренние побуждения становятся выражением Его воли, их исполнение также становится долгом, которому нужно последовать. Есть души, для которых вся обязанность определяется внешними законами — они не должны выходить за их пределы, потому что такова воля Божия. Есть и другие, которые, помимо внешних обязанностей, должны с верностью следовать внутреннему закону, запечатленному в их сердцах.

Было бы праздным и бесполезным любопытством пытаться определить, какой из этих путей более соответствует святости. Каждому предназначен свой путь. Совершенство заключается не в сравнении путей, а в полном подчинении Божественным замыслам и в наилучшем исполнении своего долга. Сравнить разные состояния и формы служения бесполезно: совершенство не в количестве дел и не в их виде, но в степени согласия души с волей Божией.

Если наши действия исходят из самолюбия или если это самолюбие не подавляется едва его заметили, то внешнее изобилие дел оборачивается духовной нищетой — потому что в нём нет послушания воле Божией.

Говоря кратко, святость измеряется любовью к Богу и желанием угодить Ему. Чем больше Его воля становится для человека руководящим принципом, чем глубже он принимает и любит Его замыслы, тем выше его святость — независимо от того, какими средствами она достигается. Это мы видим в жизни Иисуса, Марии и Иосифа: в их жизни больше любви, чем внешнего величия, больше духа, чем формы. Как мы знаем, они искали святости не в самих делах — лишь в том, с каким устроением сердца они их совершали.

Отсюда не следует, что один путь совершеннее другого. Самый совершенный путь — тот, который точнее всего соответствует установленному Богом порядку, будь то исполнение внешних обязанностей или следование внутреннему движению сердца.

§ 9. О простоте святости

Заключение первой главы: о том, как легко достичь святости, если правильно понять учение о ней.

Я убежден: если бы души, стремящиеся к святости, получали должное наставление, как им поступать, они избежали бы множества трудностей. Я говорю не только о людях,

движений, как немецкий и голландский пиетизм или англо-американский методизм. Несмотря на антиквиелистские пассажи, данное произведение вполне соответствует основным установкам этого движения.

пребывающих в уединении или в монашеских общинах, но и о тех, кто живет в миру. Если бы они могли осознать, какое сокровенное достоинство заключено в простых делах каждого дня — я имею в виду обычные обязанности их жизненного состояния — и если бы поверили, что именно на этом, а не на необычайных подвигах, основана святость, они были бы по-настоящему счастливы.

Если бы, кроме того, они поняли, что для достижения высочайшей степени совершенства самый надежный и верный путь — это принимать с доверием все испытания, которые нам в каждый момент времени посылает Божественный промысл, — если бы они увидели, что подлинный «философский камень»¹⁴ состоит в покорности воле Божией, что превращает в духовное золото все их дела, заботы и страдания, — какое утешение наполнило бы их сердца! Какую силу они черпали бы из сознания, что для того, чтобы стать другом Божиим и достигнуть вечной славы, им нужно лишь продолжать делать то, что они уже делают, и терпеть то, что уже терпят; что именно то, что они считают незначительным и бесполезным, достаточно, чтобы привести их к высокой святости — даже большей, чем та, что достигается через необыкновенные состояния и чудесные дела!

Боже! Как желал бы я быть проповедником Твоей святой воли — научить всех людей, что нет ничего более простого, достижимого, близкого и возможного для каждого, нежели святость. Как хотелось бы мне, чтобы люди поняли: подобно тому, как добрый и злой разбойники страдали на одинаковых крестах, так и два человека — один, живущий мирской жизнью, и другой, ведущий жизнь внутреннюю и духовную — делают и переносят одно и то же; но первый освящается и достигает вечного счастья, покорно принимая Твою волю в тех же самых обстоятельствах, в каковых второй погибает, думая о себе и перенося страдания с ропотом и противлением.

Таким образом мы ясно видим, что различие лежит не в делах как таковых, а в сердце.

О вы, читающие эти строки! Вам не нужно ничего, кроме того, что вы уже делаете и переносите. Просто делайте всё это свято, — и довольно с вас. Не дела нужно менять, а сердце — под сердцем же я разумею волю.

Святость, следовательно, заключается в том, чтобы желать всего того, чего желает для нас Бог. Именно так: святость сердца — это наше простое «да будет», то есть согласие воли человеческой с волей Божией.

Что может быть проще — и кто сможет отказать в любви воле столь доброй и милосердной? Возлюбим же ее, и одна эта любовь сделает всё в нас Божественным.

Глава II. О том, как Божественное действие непрестанно совершает освящение душ

§ 1. О Божественном действии

Божественное действие, будучи невидимо для телесных глаз, присутствует всюду и всегда.

Всё созданное пребывает в руках Божиих. Поступки тварей воспринимаются чувствами, но вера видит во всём действие Творца. Она знает, что во Христе Иисусе всё живет и что Его Божественное промысление простирается до конца времен, наполняя каждый миг и каждую мельчайшую частицу творения своей скрытой жизнью и тайным действием.

Действие твари — это завеса, скрывающая глубокие тайны Божественного промысла. После воскресения Христос являлся Своим ученикам в разных образах, внезапно открывая Себя и столь же внезапно исчезая. Тот же самый Иисус, живой и деятельный, во все времена так же неожиданно является и тем душам, чья вера слаба и непостоянна.

¹⁴ Философский камень — легендарный алхимический реактив, способный превращать любой металл (или даже вообще любое вещество) в золото. В переносном смысле — нечто, способное наделять что угодно величайшей ценностью и смыслом.

Нет ни единого мгновения, когда бы Бог не являлся нам под видом какого-то страдания, которое нужно принять, утешения, которым следует воспользоваться, или долга, который потребно исполнить. Всё, что происходит в нас, вокруг нас и через нас, вмещает и несет в себе Его Божественное действие.

Его присутствие незримо, однако же вполне реально, так что мы всегда бываем застигнуты врасплох и узнаём руку Божию лишь когда действие уже завершилось. Если бы нам удалось приподнять эту завесу, если бы мы были внимательны и бодрствовали, Бог непрестанно открывался бы нам, и мы видели бы Его действие во всём, что с нами происходит, и радовались бы ему. При каждом событии мы бы восклицали: «*Это Господь!*» (Ин. 21:7) — и принимали бы всякое новое обстоятельство как дар Божий. Мы смотрели бы на людей и на вещи как на простые орудия в руках великого Мастера и с легкостью осознали бы, что у нас нет недостатка ни в чём: непреложный промысл Божий заботится о том, чтобы в каждый момент давать нам всё необходимое.

Если бы у нас была вера, мы относились бы с доброжелательностью ко всем созданиям, дорожили бы ими и внутренне благодарили их, как орудия, через которые Бог содействует нашему возрастанию. Проводя жизнь веры, мы бы пребывали в непрестанном общении с Богом, в постоянном внутреннем разговоре с Ним. Что воздух для передачи наших слов и мыслей, то дела и страдания — для действий Божиих: они стали бы живым выражением Его речи, и во всех внешних событиях мы видели бы лишь доброе и святое.

Такое единение совершается на земле верой, а на небесах — славой; различие лишь в способе действия. Бог постигается через веру. Без света веры напрасно то, что может сказать нам творение: это будет письмо, написанное неведомыми знаками, где мы увидим лишь путаницу и беспорядок, и не сможем расслышать голос Божий. Но, так же как Моисей увидел пламя Божественной любви в горящей купине, вера открывает нам смысл этого письма и раскрывает в хаосе видимых вещей чудеса Божией премудрости.

Вера преображает лик земли: через нее сердце возвышается, пленяется и начинает жить небесным. Вера — свет нашей жизни. Через нее мы обладаем истиной, без того, чтобы схватить ее; касаемся того, что нельзя ощутить; видим незримое для телесного зора. Вера являет нам мир так, как будто его вовсе нет. Она — ключ к сокровищнице Божественной мудрости, к бездне богопознания. Вера учит нас тщетности всего тварного; через нее Бог открывает и являет Себя во всех вещах. Вера срывает завесу, позволяя узреть вечную истину.

Всё, что мы видим, — лишь суэта и обман; истина — лишь в Боге. Какое различие между мыслями Божиими и человеческими умозрениями! Почему же, несмотря на постоянные напоминания, что всё происходящее — лишь тень, образ, тайна, требующая веры, мы смотрим только на внешнее и не видим сокрытого смысла? Неразумные, мы впадаем в эту ловушку, вместо того чтобы возвести взор к первоисточнику — к Началу и Основанию всего, в Коем всё имеет свое подлинное имя и меру, в котором все — сверхъестественно, Божественно и свято. Здесь всё — часть полноты Иисуса Христа; каждое обстоятельство — как камень в стене Небесного Иерусалима; всё содействует возведению нашего жилища в этом чудесном городе.

Мы живем тем, что видим и чувствуем, и блуждаем, как безумцы, в лабиринте сумрака и обмана лишь потому, что нам недостает света веры, который один мог бы безопасно провести нас. Верой мы могли бы стремиться к Богу и жить лишь для Него, оставив позади всё внешнее и преходящее.

§ 2. О том, как вера открывает действие Божие

Чем глубже скрыто Божественное действие под внешним обликом, кажущимся грубым или отталкивающим, тем явственнее оно становится для очей веры.

Душа, просвещенная верой, смотрит на всё совершенно иначе, нежели тот, кто судит по одному лишь чувственному восприятию и не догадывается о сокровище, сокрытом под видимой оболочкой. Тот, кто знает, что человек в бедном платье — это на самом деле переодетый царь, ведет себя с ним совсем не так, как тот, кто видит в нём лишь обычного

человека. Так и душа, различающая волю Божию во всех событиях — и в самых малых, и в самых тягостных и страшных, — принимает всё происходящее с одинаковым радостным доверием, любовью и благоговением. Она распахивает все двери, чтобы с честью встретить то, от чего другие с ужасом бегут. Внешне событие может казаться жалким и ничтожным, но под этим смиренным видом сердце узнаёт и чтит величие Царя. И чем глубже Его унижение, тем большей любовью наполняется сердце.

Невозможно описать, что ощущает душа, принимая волю Божию, скрытую под видом бедности, немощи и унижения. О, как ясно сердце Марии видело Бога, когда Он был нищим и беспомощным, лежащим на соломе, дрожащим и плачущим в хлеву! Спроси жителей Вифлеема, что они думали об этом Младенце. Они ответят, что с готовностью поклонялись бы Ему, появившись Он на свет в высоком чертоге, окруженный блеском и славой. А теперь спроси Марию, Иосифа, волхвов и пастухов — и в ответ услышишь, что именно в крайней бедности они обрели неизреченную милость и величие, достойное Божества.

Вера укрепляется, растет и украшается именно через то, что ускользает от чувств: чем меньше доступно взгляду, тем больше открывается вере. Не требуется большой веры, чтобы почтить Иисуса, сияющего на Фаворе или принимать волю Божию в необычных, возвышенных обстоятельствах. Но настоящая вера — в том, чтобы возлюбить волю Божию в обыкновенных вещах и поклоняться Иисусу, висящему на кресте. Вера становится подлинной, живой лишь когда она прошла испытание и победила всё, что могло бы ее разрушить. Борьба с чувственными впечатлениями дает вере возможность одержать славную победу. Уметь видеть Бога в равной мере благим и в малом, и в великом — значит обладать верой не заурядной, а возвышенной, необыкновенной.

Довольствоваться настоящим моментом — значит радоваться и поклоняться воле Божией во всём, что нужно совершить или претерпеть, во всей череде событий, наполняющих каждый миг нашей жизни. Души, расположенные таким образом, удваивают свою любовь и почтение к Богу в каждом новом унижительном или тяжком обстоятельстве: ничто не может скрыть Его от взора их веры. Чем громче чувства вопрошают: «Где здесь Бог твой?» (Пс. 41:4 [42.3]), тем крепче они прижимают к груди *мировый пучок* (Песн. 1:12) — то есть то самое страдание, где Он сокрыт. Ничто не пугает, не отталкивает их.

Когда апостолы бежали прочь, Мария осталась стоять у подножия креста. Она видела в своем израненном, поруганном, запятнанном грязью Сыне того же Иисуса. И те самые раны, что обезобразили Его тело, делали Его в материнских глазах еще более любимым и почитаемым. Чем ужаснее гремели хулы и поношения, тем глубже становились ее благоговение и любовь.

Жизнь веры — это постоянное стремление к Богу через всё то, что Его скрывает, искажает, унижает, делает как бы несуществующим. Это подлинное приобщение жизни Марии, которая — от Вифлеемского вертепа и до креста — пребывала в неразлучном единстве с тем самым Богом, Которого весь мир не понял, покинул и отверг. Так же и верные души проходят через непрерывную череду испытаний. Бог скрывается от них под покровом тьмы и зыбких видений, затрудняющих распознавание Его воли; но, несмотря ни на что, они следуют за Ним и любят Его *даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2:8). Они знают: чтобы не заблудиться в этой мгле, нужно не останавливаться, а поспешать за светом Божественного Солнца, которое сквозь любые тучи от восхода до заката озаряет, согревает и воспламеняет сердца тех, кто благословляет, славит и созерцает Его на всём протяжении Его таинственного пути.

Следуйте же без усталости, верные души, за своим возлюбленным *Женихом*, Который, *как исполин*, шествует *от края небес и до края их* (Пс. 18:5–7 [19:4–6]). Если вы будете настойчивы и неутомимы, ничто не сможет скрыть Его от вас. Он проходит и над самыми тонкими травинками, и над кедрами ливанскими; под Его ногами и песчинки, и горы. Куда бы вы ни обратились — везде Его следы; и, если вы будете настойчиво идти по ним, вы найдете Его повсюду.

О, какое сладостное спокойствие приходит, когда мы научаемся верой обретать Бога во всех Его созданиях! Тогда *тьма* становится *светом* (Ис: 42.16), а *горечь* — *сладостью* (Исх. 15:23–25). Вера, обнаруживая истинный смысл вещей, обращает безобразное в прекрасное, злое — в доброе. Она — мать кротости, доверия и радости. Она не может не чувствовать сострадания даже к врагам — ведь через них она получает величайшие дары. Чем суровее и грубее люди, тем большую пользу душе приносит действие Божие, совершаемое через них: человеческое орудие стремится вредить, но Божественный Мастер, в Чьих руках оно пребывает, самую злобу человеческую обращает во благо, очищая душу от всего, что могло бы ей повредить.

Воля Божия несет лишь благодать, милость и изобилие даров тем, кто ей покоряется; невозможно довериться ей чрезмерно, невозможно отдаться ей слишком полностью. Она всегда действует для нашего блага и желает того, что больше всего содействует нашему совершенству — если только мы позволяем ей действовать. Вера не знает сомнения. Чем сильнее мнутся чувства, тем тверже звучит голос веры: «Всё хорошо, такова воля Божия». Нет ничего, куда не проникал бы взор веры, как нет ничего, чего она не могла бы преодолеть. Вера пронизывает самую мрачную тьму и, какие бы ни тучи не набегали, она следует прямо к истине — держась за нее крепко и никогда не отпуская.

§ 3. О том, как распознать волю Божию

Божественное действие в каждый момент ставит перед нами вещи бесконечной ценности — и дарует их в той мере, в какой позволяет наша вера и любовь.

Умей мы заметить в каждом мгновении проявление воли Божией, мы бы находили в нём всё, чего только может желать сердце. Ведь нет ничего более разумного, совершенного и Божественного, чем воля Божия. Разве перемена времени, места или обстоятельств могут уменьшить или увеличить ее ценность, которая бесконечна?

Если вы владеете тайной — распознавать волю Божию в каждом мгновении и в каждой вещи — вы уже обладаете самым драгоценным из всех сокровищ. Чего же еще ищете вы, стремящиеся к совершенству? Не ограничивайте себя: вашим желаниям не нужны ни мера, ни предел. Сколь бы ни велика была ваша жажда, я покажу, как ее утолить, даже если она безмерна. Нет ни единого мгновения, для которого было бы невозможно указать путь к обладанию всем, чего вы можете желать.

Любое мгновение полно бесконечных сокровищ — больше, чем вы способны вместить. Мера сего — вера: веруйте, и *по вере вашей да будет вам* (Мф. 9:29). Мера сего также и любовь: чем больше сердце любит, тем сильнее оно желает, а чем сильнее желает, тем больше получает.

Воля Божия — это ежесекундно открывающийся перед нами безбрежный океан, неизмеримый, неисчерпаемый, — но никто не может почерпнуть из него более, чем способен вместить. Однако способность вмещать возможно расширить — верой, надеждой и любовью.

Всё творение не может насытить человеческое сердце, а ведь оно превышает всего, кроме Бога. Ничто вещественное не может удовлетворить сердца, ибо оно принадлежит иному, более высокому порядку бытия. Воля Божия — бездонная бездна, а вход в нее — настоящий момент. Если ты погрузишься в эту бездну, то обнаружишь, что она безмерно превосходит все твои желания.

Не льсти людям, не поклоняйся собственным иллюзиям — они не могут ничего тебе дать и ничего у тебя отнять. Ищи полноты только в воле Божией, она не оставит тебя ни с чем. Поклонись ей, поставь ее превыше всего. Сорви покровы с обманчивой видимости, отвергни ее, и следуй прямо к единственному подлинному.

Царство веры — это смерть для чувств, их упразднение и конец. Чувства поклоняются тварному, вера же поклоняется воле Божией. Разрушь идолов чувств — они восстанут, будут роптать и стенать; но вера восторжествует, потому что воля Божия неуничтожима. Когда

чувства трепещут, когда они лишены опоры, истощены или надломлены — тогда вера питается, крепнет и полнится жизнью.

Вера смеется над этими бедствиями, как военачальник в неприступной крепости смеется над бессмысленными нападениями врага. Когда душа узнаёт волю Божию и готова без остатка ей покориться, тогда Бог отдает такой душе Самого Себя и посылает ей действенную помощь при любых обстоятельствах. В этом пришествии Божиим душа обретает великое блаженство, и тем глубже ощущает его, чем полнее может вверить себя Его святой воле в каждый момент времени.

§ 4. О Божественных откровениях

Бог открывает Себя нам в самых обыденных обстоятельствах столь же таинственно, истинно и величественно, что и в великих событиях истории или Священного Писания.

Писаное слово Божие исполнено тайн; не меньше тайн содержится и в Его слове, воплощенном в событиях мира. Это две запечатанных книги, и о каждой можно сказать: «*Буква убивает*» (2 Кор. 3:6). Бог — сердцевина веры, и всё, что исходит из сей сердцевины, лежит в глубочайшей тайне. И слово, и события — лишь слабые лучи солнца, скрытого за облаками. Напрасно ожидать, что смертные глаза смогут увидеть свет сего солнца; даже очи души слепы, когда речь идет о Боге и Его делах. Здесь свет сменяется тьмой, знание — неведением, и человек ни видит, ни понимает¹⁵.

Священное Писание — таинственная речь Бога, Который Сам еще более таинственен; а события мира — тот же язык того же сокровенного и неизреченного Бога, однако еще более темный. И то, и другое суть лишь капли из океана ночной тьмы, несущие в себе природу своего источника.

Падение ангелов и Адама, нечестие и идолопоклонство людей до и после потопа, вплоть до времени патриархов, которые знали и передавали потомкам историю сотворения и еще свежие воспоминания о спасении от всемирной гибели — все эти библейские рассказы полны загадок. Может показаться невероятным, что в эпоху пришествия Мессии лишь горстка людей сохранила веру посреди всеобщего отступления и упадка, так, что безбожие возвеличивалось, а последователи истины оказались малочисленны, гонимы и унижаемы. Но подумайте, как поступили с Самим Христом. Вспомните язвы Апокалипсиса¹⁶: ведь и это — слова Божии, Его откровение. Он Сам изрек их, и действие этих грозных тайн, продолжающееся до конца времен, есть живое слово, возвещающее Его мудрость, силу и благость.

Все события мировой истории свидетельствуют об этих Божественных свойствах; каждое говорит то же самое великое слово. Мы не можем сомневаться в этом, хотя и не видим сами. Зачем существуют турки¹⁷, еретики и все враги Церкви? Разве не затем, чтобы громко возвещать величие Божие? Фараон и все нечестивцы, идущие его путем, существуют лишь для этой цели — но если смотреть не глазами веры, всё предстанет ровно наоборот. Чтобы узреть тайны Божии, нужно закрыть глаза на внешнее и перестать выдумывать что-то свое.

Ты говоришь, Господи, с человеческим родом в целом через великие общественные события. Каждое из них — как волна моря Твоего промысла, возмущающая умы тех, кто дерзает исследовать Твое сокровенное действие. Но Ты говоришь также и с каждой отдельной душой через обстоятельства ее жизни, через всё, что с ней происходит в каждый миг. Вместо того чтобы слышать Твой голос в этих событиях и с благоговением принимать сокрытое и таинственное в словах Твоих, люди видят в них лишь внешнюю сторону, случай, произвол других — видят и осуждают. Им хотелось бы прибавить, убавить, изменить, позволить себе

¹⁵ См. Ис. 6:9–10.

¹⁶ См. Откр. 16 гл.

¹⁷ В 1685 году большая армия Османской империи дошла до Вены и два месяца осаждала ее. Нашествие турок воспринималось многими европейцами — католиками и протестантами — как Божественная кара за грехи и призыв к исправлению жизни.

полную свободу — и уже малейшее Твое вмешательство видится им преступлением и неслыханным святотатством.

Между тем они читают Священное Писание, не позволяя прибавить к нему ни единой запятой. «Это слово Божие, — говорят они, — оно всецело свято и истинно. Если мы не понимаем его, тем чудеснее оно, и мы должны славить Бога и воздавать должное глубинам Его мудрости». Всё так. Но когда ты читаешь слово Божие, начертанное не чернилами на бумаге, а в самой твоей душе — страданиями, повседневными делами, которые тебе назначено совершать, — разве такое слово не заслуживает твоего внимания? Почему здесь ты не усматриваешь волю Божию? Напротив, ты постоянно ропщешь и ничем не доволен. Разве не понимаешь ты, что меришь всё чувствами и рассудком, а не верой — единственной истинной мерой? И что, читая слово Божие в Писании глазами веры, ты поступаешь неправильно, если пытаешься читать Его слово, явленное в делах промысла, глазами одного лишь разума?

§ 5. О действии Иисуса Христа в душах человеческих

Божественное действие продолжает запечатлевать в сердцах людей то, что было начато в Священном Писании, — но письма сего таинственного труда станут видимы лишь в день Суда.

«Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8), — говорит апостол. С начала мира Он, как Бог, был первой причиной бытия душ. А с первого мгновения Своего воплощения Он участвовал в этом Божественном деле и как человек. На всём протяжении нашей жизни Христос действует в наших душах. Время, что пройдет до конца мира, — словно один день, и этот день исполнен Его действия. Иисус Христос жил и живет. Он начал жизнь в Самом Себе и продолжает ее в Своих святых — жизнь, которая никогда не кончится.

О, жизнь Иисуса, объемлющая и превосходящая века! Жизнь, совершающая новые дела благодати каждое мгновение! Если никто не в силах постичь всего, что могло бы быть написано о земной жизни Иисуса — о том, что Он делал и говорил, — если Евангелие лишь кратким образом говорит о ней¹⁸, то сколько бы Евангелий потребовалось, чтобы описать всю историю этой таинственной жизни Иисуса Христа, в которой чудеса умножаются до бесконечности и до вечности! Если начало Его земной жизни было столь сокрыто и в то же время столь богато духовными плодами, то что сказать о Божественном действии в Его Божественной жизни, историю которой составляют все века?

Дух Святой запечатлел в непогрешимых и несомненных строках Священного Писания лишь некоторые мгновения целого океана времени. В нём мы видим, какими тайными и дивными путями Он привел Иисуса в мир. Среди смешения человеческих родов различим источник, племя и родословие Первенца¹⁹. Весь Ветхий Завет — лишь набросок глубокого таинства сего Божественного дела: в нём содержится только то, что нужно для повествования о пришествии Христовом. Всё же прочее Дух Святой сокрыл в сокровищах Своей премудрости.

Из этого океана Божественной деятельности Он позволил истечь лишь тонкому ручью, и этот ручей, дойдя до Иисуса, продолжил свое течение через апостолов и погрузился в бездну Апокалипсиса. Так что история сего Божественного делания — жизни Иисуса в душах праведных до конца времен — может быть постигаема лишь верой.

Как истина Божия возвещалась в слове, так любовь Его является в действии. Дух Святой продолжает дело Спасителя: помогая Церкви возвещать Евангелие Иисуса Христа, Он пишет Свое Евангелие в сердцах праведников. Все их дела, каждое мгновение их жизни — это Евангелие Духа Святого. Души святых суть пергамент, а их страдания и поступки — чернила. Дух Святой пером Своей силы пишет живое Евангелие — но это Евангелие невозможно

¹⁸ См. Ин. 21:25.

¹⁹ Имеется в виду Иисус Христос, который в Новом Завете неоднократно называется «первенцем из умерших» (1 Кор. 15:20 и др.).

прочесть, покуда оно не выйдет из печати этой жизни и не будет возведено всенародно в день вечности.

О, великая история! О, книга, творимая Духом Святым в настоящем! Она всё еще лежит под печатным прессом. Ни дня не проходит, чтобы не складывались строки, не наносилась краска, не печатались страницы. Мы всё еще живем в темной ночи веры. Бумага кажется темнее чернил, а в шрифтах царит неразбериха. Всё писано литерами иного мира, понять которые можно лишь на небе.

Если бы мы могли видеть жизнь Божию — созерцать творения не такими, каковы они сами по себе, но как они существуют в своей Первопричине; если бы могли видеть жизнь Бога во всех созданиях и понять, как Божественное действие оживляет их, побуждая каждого своим путем идти к единой цели, — мы бы поняли, что всё этом великом деле Божиим имеет свой смысл, меру и внутреннюю связь.

Но как прочесть книгу, письма которой нам чужды, буквы неисчислимы, строки перевернуты, а страницы залиты краской? Если даже перестановка двадцати пяти букв²⁰ — уже тайна, достаточная, чтобы составить бесчисленное множество книг, каждая из которых по-своему чудесна, — кто же способен объяснить дела Божии во вселенной? Кто способен прочесть и понять смысл столь необъятной книги, где нет ни одной буквы без значения, и каждая в своем видимом ничтожестве заключает глубочайшие тайны?

Эти тайны нельзя ни видеть, ни осязать — они предмет веры. Вера судит об их силе и истинности лишь по их происхождению, ибо они столь сокровенны, что всё, открытое через них, служит лишь тому, чтобы скрыть их от тех, кто судит одним разумом.

Научи меня, Божественный Дух, читать в этой книге жизни! Я хочу быть Твоим учеником и, как дитя, верить тому, чего не могу ни понять, ни увидеть. Мне довольно знать, что говорит мой Учитель. Он сказал — значит, так и есть. Он изрекает это слово, Он пишет эти знаки, Он делает Себя слышимым — и этого довольно. Я уверен, что всё именно так, как Он сказал. Я не разумею причины, но Он — непогрешимая истина; значит, всё, что Он говорит и делает, истинно. Он соединяет буквы, чтобы сложить слово; берет другие, чтобы сложить иное. Их может быть три, или шесть, — больше не нужно, меньше разрушило бы смысл. Один Он, читающий *помысления сердечные* (Евр. 4:12), способен соединять эти буквы и писать слова. Всё имеет значение, всё исполнено смысла. Эта строка кончается здесь, потому что Он так хочет. Нет ни одной пропущенной запятой, ни одной лишней точки. Сейчас я верую, а в славе грядущей, когда откроется столько тайн, я увижу ясно то, чего нынче почти не понимаю.

Тогда всё, что теперь кажется мне запутанным, нелепым, противоречивым, воображаемым, станет дивным и будет вечно улаживать меня своей красотой, порядком, знанием, премудростью и невыразимыми чудесами, которые тогда будут открыты.

§ 6. Об отношении к Божественному действию

Многие христиане встречают Божественное действие, проявляющееся в повседневных событиях, с не меньшей небрежностью и жестокосердием, чем то, как иудеи поступали со святым телом Иисуса.

Мир полон неверия. Как недостойны его помыслы о Боге! Он постоянно ропщет на Божие действие — так, как не осмелился бы говорить с самым простым ремесленником о его работе. Мир хотел бы втиснуть Бога в границы и правила своего жалкого разума, воображая, будто способен улучшить Его дела. Везде звучат лишь жалобы и недовольство. Мы удивляемся, как жестоко иудеи обращались с Иисусом Христом; но, о, Божественная Любовь, преславная Воля, непогрешимая Истина, — разве не тем же образом обращаются с Тобой теперь собственные Твои дети?

Может ли воля Божия быть не ко времени? Может ли она ошибаться?

²⁰ Во французском и латинском алфавитах, как они известны сегодня, по 26 букв. Вероятно, «де Коссад» не учитывал букву «w».

«А как же моё дело? Мне нужно то или другое! Мне недостает необходимых средств! Такой-то человек мешает всем моим добрым начинаниям — разве это не дурно? Болезнь приходит именно тогда, когда здоровье мне нужнее всего!»

На всё это есть один ответ: воля Божия — единственно необходимое, и, значит, то, чего она не дает, — излишне.

Добрые души, чего вам недостает? Если бы вы знали, что на самом деле несут события, которые вы именуете бедами, случайностями, неудачами, и в которых видите только помеху и нелепость, — вы бы устыдились своего ропота, как богохульства. Но вы и не помышляете, что всё это — воля Божия. И вот Его преславная воля хулится самими Его детьми, которые отказываются признать ее.

Когда Ты, Господи Иисусе, был на земле, иудеи называли Тебя бесноватым и самарянином²¹; и теперь, когда люди признают, что Ты *жив* и действуешь *во веки веков* (Откр. 1:18), — как встречают они Твою волю, достойную всякого благословения и вечной хвалы? Разве был хотя бы один миг от начала мира доньше, и будет ли таковой до Судного дня, когда святое имя Божие не заслуживало бы хвалы? Им исполнены все века, и всё, что в веках совершается, освящается им.

Как же воля Божия может повредить мне? Почему я должен ее бояться или бежать от нее? Если я страшусь того, что мне может сотворить мой Бог, если жалею о последствиях Его воли — то где мне искать что-то лучшего?

Мы должны внимательно прислушиваться к словам, которые звучат в глубине сердца каждое мгновение. Если чувство и разум не понимают их истинности и доброты, то разве не потому, что они неспособны воспринять Божественное? Разве стоит удивляться, что разум смущается перед тайной? Когда говорит Бог, это всегда тайна — и потому это всегда смерть для чувств и рассудка. Суть тайны — требовать жертвы того и другого. Тайна питает душу верой, потому что всё остальное лишь противится ей.

Божественное действие одним и тем же прикосновением *умерщвляет* и *оживляет* (1 Цар. 2:6). Чем полнее умирают чувства и разум, тем ярче оживает душа. И чем непостижимее для нас тайна, тем больше света она в себе заключает. Поэтому простая душа яснее всего видит Божественный смысл именно там, где на первый взгляд нет никакого смысла. Жизнь веры есть непрестанная борьба с чувствами.

§ 7. О сокровенном действии Божественной любви

Божественная любовь подается нам через всё творение — однако неявно, подобно тому, как Сам Христос сокрыт под видами Евхаристии.

Как велики истины, которые остаются сокрыты даже от тех христиан, что мнят себя просвещенными! Многие ли из них понимают, что всякое испытание, всякое действие, всякое внутреннее побуждение, согласное с Божественным замыслом, — всё это дарует нам Самого Бога, и ничто не может объяснить этого лучше, чем сравнение с величайшей тайной — Евхаристией. А между тем такое сопоставление вполне справедливо.

Разве не открывают нам и разум, и вера реальное присутствие Божественной любви во всех созданиях и во всех событиях жизни — столь же достоверно, как слова Иисуса Христа и Церкви свидетельствуют о реальном присутствии тела Господня под видами хлеба и вина? Разве не знаем мы, что через каждое создание и каждое событие Божественная любовь стремится соединить нас с Собой, что всё вокруг нас установлено, устроено или попущено Богом с этой целью? Это высшая цель всех Божественных деяний — достичь такого соединения. Ради него Он употребляет как лучших, так и худших из Своих созданий, как отрадные, так и тягостные обстоятельства.

И чем более противоестественны для нас эти средства, тем более плодотворным становится наше общение с Богом, ибо оно совершается вопреки природе. Если это так, то

²¹ См. Ин. 8:48.

каждое мгновение жизни может быть своего рода приобщением Божественной любви, и каждое такое приобщение может приносить душе не меньше плодов, нежели таинство тела и крови Сына Божия. Конечно, одно совершается действительным и таинственным образом, а другое — духовно; но зато это другое может повторяться несравненно чаще и приносить тем больше плодов, чем совершеннее становится внутреннее расположение души принимающего его человека. Посему справедливо будет сказать, что чем ближе жизнь души к святости, тем сокровеннее и непостижимее становится она, даже если на первый взгляд предстает простой и ничтожной.

О, великая трапеза! О, присносушный пир! Бог, подаваемый и принимаемый под самыми малоценными и простейшими видами, что только есть на свете!

Бог избирает то, что противно природе и отвергается человеческой рассудительностью; из сего Он творит тайны любви и через то, что кажется гибельным для души, вновь и вновь преподает ей Самого Себя — столько раз и в той мере, как она желает Его принять.

§ 8. Об опытном познании

Посылаемое нам в настоящий момент — полезнее всего, ибо предназначено именно для нас.

Истинно научиться мы можем лишь тем словам, которые Бог обращает непосредственно к нам. Никто не обретает навыка в богопознании через чтение книг или любопытствующее исследование истории. Знание, добытое таким образом, суетно и туманно; оно несет гордость. Настоящее же научение — это то, что совершается с нами от мгновения к мгновению, рождая в нас опытное познание, которое Сам Иисус Христос пожелал приобрести прежде, чем наставлять других.

И действительно, это была единственная *премудрость*, в которой Он мог *возрастать* (Лк. 2:52), — как сказано в святом Евангелии, — ибо, будучи Богом, Он обладал всеми степенями знания умозрительного. Посему если даже Само воплощенное Слово нуждалось в таком опытном познании, то для нас оно тем более необходимо, если мы хотим затронуть сердца тех, кого Бог посылает на нашем пути. Совершенно невозможно постичь в совершенстве то, чему мы не научились на собственном опыте — или через совершение дел, или через перенесение страданий.

Такова школа Святого Духа: в ней Он говорит душе *глаголы жизни* (Ин. 6:68). И слова, которые мы слышим от других, имеют силу лишь потому, что исходят из того же источника.

Чтение и наблюдение приносят плод, обретают свет и действенность только тогда, когда соединяются с этим Божественным познанием. Без него они подобны тесту без закваски, или пище без соли опыта, которая одна дает вкус. Ибо без этой соли у нас остаются лишь смутные представления, на основании которых мы и действуем, — подобно мечтателю, который вроде бы знает дорогу в любой город, но теряется, идя к собственному дому.

Мы должны слушать Бога из мгновения в мгновение, чтобы сделаться учениками богословия добродетели, всецело практического и опытного. Не внимай тому, что сказано другим, но слушай то, что сказано тебе и для тебя. Этого достаточно, чтобы вера утверждалась; ведь внутренний язык Бога самой своей сокровенностью испытывает ее, очищает и умножает.

§ 9. О том, что воля Божия в настоящий момент есть источник святости

***Жаждающие! Узнайте, что вам не нужно идти далеко, чтобы найти источник живой воды*²².**

Живая вода течет совсем рядом, прямо в настоящем моменте. Поспешите же узреть его! Почему, когда источник так близко, вы утомляете себя, бегая за каждой маленькой струйкой?

²² См. Ис. 55:1.

Эти ручейки только усиливают жажду, давая всего несколько капель, тогда как источник — неиссякаем.

Если вы желаете мыслить, писать и говорить, как пророки, апостолы и святые, — отдайте себя, как и они, зову Божию. О, Любовь неизреченная! Кажется, будто чудеса Твои завершились, и людям остается лишь переписывать древние дела Твои и повторять речи минувших времен. Но мало кто понимает, что Твоя неисчерпаемая сила и любовь продолжают рождать новые мысли, новые страдания и новые дела; что Ты и ныне воздвигашь новых патриархов, апостолов, пророков и святых, живущих не подражанием, но доверием к Твоему тайному действию?

Со всех сторон только и слышишь, что про «первые века», «время святых»... Что за ерунда! Разве вся протяженность времени не есть непрерывная цепь деяний Божиих, совершаемых в каждом мгновении, наполняющих, освящающих и преображающих эти мгновения? Разве существует некая якобы древняя форма предания себя Божественному действию, которая ныне утратила силу? Разве святые первых веков знали иной секрет, кроме того, чтобы из мгновения в мгновение становиться тем, чем сила Божия пожелала их сделать? И неужели эта сила перестала изливать славу свою на души, которые без остатка ей предаются?

О, Любовь вечная, безмерная, вечно плодоносная и вечно чудесная! Божественное действие Господа моего да станет моей книгой, моим учением, моей мудростью. В нём — мои мысли, слова, дела, страдания. Не изучая древние труды Твои, но принимая Тебя во всём, что исходит из рук Твоих, — вот как стану я тем, кем Ты хочешь меня видеть. Этой древней дорогой, единственным царским путем, стезей отцов наших, буду я просвещен и стану говорить так, как говорили они. Так я стану подражать им, так я последую за ними и пройду их путем.

§ 10. О том, как Бог открывает Свою волю через творение

В каждом настоящем мгновении являются имя Божие и пришествие Его Царства.

Настоящее мгновение — вестник Божий, возвещающий Его волю. Сердце внемлет и произносит свое «да будет» (Лк. 1:38). Так душа, ведо́мая Им, движется вперед, к своему средоточию, к своей цели; она не останавливается, но плывет, влекомая всяким ветром. Какой бы путь ни избрать, он ведет к одному и тому же берегу — к беспредельности. Всё без исключения служить ей в помощь, превращаясь в орудие освящения. Всё необходимое для души всегда содержится в настоящем мгновении.

Ей больше не приходится выбирать между молитвой и молчанием, уединением и общением, чтением и сочинением, размышлением и безмолвием ума, поиском или отвержением духовных утешений, изобилием и недостатком, немощью и здоровьем, жизнью и смертью; всё, что по воле Божией подает ей настоящий момент, всё это — одно и то же. В этом — самоотречение, отвержение себя, отказ от всякого обладания, как действительный, так и внутренний: не удерживать ничего для себя, но во всём быть покорным воле Божией и угождать Ему, находя единственное удовлетворение в том, чтобы принять настоящее мгновение как единственную надежду и единственную действительность.

Если всё, что происходит с преданной Богу душой, — это действительно то, что ей необходимо, значит, она ни в чём не испытывает недостатка и не должна жалеть себя. Ведь подобное было бы проявлением неверия, жизни по разуму и чувствам, которые никогда не ничем не довольствуются, ибо не способны усвоить полноту благодати, уже данной душе.

Произносить слова «да святится имя Твое» (Мф. 6:9, Лк. 11.2) — значит, по Писанию, признавать святость Бога во всём и любить и почитать Его во всём. Всё сущее исходит из уст Божиих, подобно словам; всякое действие Божие есть Божественная мысль, выраженная в тварной вещи. Следовательно, всё, через что Он выражает Свою волю, суть как бы имена и слова, которыми Он открывает Свои намерения.

Воля Божия едина и имеет одно имя — невыразимое и непостижимое. Но в своих действиях она бесконечно многообразна, как если бы это были различные знаки и буквы, в

которых она себя проявляет. Святить имя Божие — значит познавать, почитать и любить Того, Кого это имя обозначает, а также познавать, почитать и любить Его святую волю во всякое мгновение и во всём, что она повелевает, видя в этом знаки и образы сей вечной воли. Она свята во всех делах, свята во всех словах, свята во всех своих проявлениях, свята во всех именах, какие только носит.

Потому Иов благословил имя Божие²³ в полной нищете своей: вместо того чтобы видеть в своём состоянии гибель, он назвал его «именем Божиим»²⁴ и, благословляя его, засвидетельствовал, что Божественная воля, под каким бы видом ни являлась — даже в виде величайших бедствий, — остается святой. Давид также благословлял это имя всегда и везде.

Итак, постоянное памятование о том, что воля Божия проявляется и раскрывается во всём, — это то, как Бог царствует в нас, как совершается Его воля *на земле, как на небе* (Мф. 6:10), и как питаются души. Вся суть той великой молитвы, которой научил нас Сам Христос, заключается в этом предании себя воле Божией. По повелению Бога и Церкви мы произносим ее устами много раз в день, но если мы любим исполнять или претерпевать всё, что предначертано Божией волей, то в сердце сия молитва совершает непрерывно.

То, что на словах требует времени, сердце произносит в каждый миг. Так простые души благословляют Бога — и всё же им кажется, что они не в силах благословлять Его столько, сколько хотелось бы; и сие чувство собственной немоги становится для них новой благодатью. Ибо именно через то, что кажется лишением, Бог обогащает верные души, наполняя их тем больше, чем сильнее они ощущают собственную пустоту. Такова тайна Божественной мудрости.

События каждого мгновения несут на себе печать воли Божией и Его пресвятого имени. Сколь свято оно! Посему нужно благословлять его и почитать как таинство, которое своей силой освящает души, если только они не воздвигают препятствий для благодати. Всё, что несет в себе сей Божественный знак, должно быть принято с глубочайшим благоговением. Это небесная манна, приносящая постоянное умножение даров Божиих. Да, это — царство святости в душе, *хлеб ангельский* (Пс. 77:25 [78:27]), вкушаемый на земле, как и на небе. Мы уже не можем считать мгновения чем-то незначительным — в каждом из них заключено целое царство святости и пища ангелов.

Да придет, Господи, Царствие Твое в сердце мое, да освятит, напоит, очистит его и да дарует ему победу над всеми врагами его. О, драгоценное мгновение! Как ничтожно оно в глазах невежд, но как велико в глазах тех, кто просвещен верой! Если же оно велико и в очах Отца моего небесного, как могу я считать его незначительным? Всё, что исходит из руки Его, по самой природе своей — благо, и носит на себе печать своего Божественного истока.

§ 11. О действии Божиим, преображающем всё в сверхъестественное

Божественное действие побуждает души стремиться к высшей святости; от души требуется одно — предать себя сему действию.

Увы, но многие христиане не знают, как воспользоваться действием Божиим. Оттого они проводят жизнь в беспокойных поисках различных средств, которые, вероятно, могли бы послужить к их пользе, будь они освящены Богом, но, препятствуя простому единению с Ним, средства сии несут вред. Всё их многообразие не дает того, что обретается только в источнике всякой жизни — в том, что вечно присутствует с нами, что освящает каждое орудие, придавая ему свой образ и силу.

Иисус послан к нам как Учитель, но мы мало внимаем Ему. Он говорит каждому сердцу — каждому изрекает слово жизни, единственное нужное ему слово, — но мы не слышим. Мы хотим знать, что Он говорил другим, и затворяем слух, когда Он обращается к нам. Мы не признаём действия Божия во всём — действия, делающего всё сверхъестественным. Нужно

²³ См. Иов. 1:21.

²⁴ «Де Коссад» толкует слова Иова (Иов. 1:21) таким образом, что Иов «благословил» свое бедственное состояние, назвав его «именем Божиим».

принимать всё с уверенностью и открытостью, достойной Его воли, — ведь ничто не повредит душе, которая так поступает. Сие безмерное действие, одно и то же от начала мира до его конца, непрестанно изливает свою силу на души, которые Его чтут, любят и радуются лишь в Нём.

Ты говоришь, что желал бы умереть за Бога или отдать жизнь за других, — но я, Господи, славлю Твою волю во всём. В ней я нахожу радость всякого мученичества, всех подвигов и всех добрых дел. Совершается воля Твоя — и довольно мне. Что еще нужно мне, кроме как жить и умереть так, как Тебе угодно? Твоя воля для меня выше всех видов духовного делания и их плодов, ибо проникает во всё, всё делает Божественным, всё претворяет в Себя. Всё становится для меня небесным, и каждое мгновение моей жизни — действие Божие. Жив ли я или умираю — сего довольно мне. О, Божественная Любовь, я не буду выбирать ни времени, ни путей, но приму тебя всегда и во всём.

Знаю, о, Божественная воля, ты открыла мне свою безмерность, — и потому не сделаю шага вне твоей беспредельности, ибо ты та же *вчера, и сегодня, и во веки* (Евр. 13:8). Ты — источник непрестанных благодатей; из тебя они исходят, тобой движутся и совершаются. Потому не в книге, не в жизненных примерах святых, не в великой мысли нужно искать тебя: всё это — лишь капли океана, что объемлет всё творение. Я не буду искать Твоего действия в мыслях набожных людей; не буду просить хлеба от двери к двери, но буду жить как дитя бесконечно доброго, премудрого и всемогущего Отца, Которого хочу радовать.

Зачем мне искать помощи у творений, если всё, что со мною происходит, — дело Твоей нетварной десницы? Творения бессильны и холодны; я бы умер от жажды, переходя от одного ручья к другому, тогда как я окружен как бы безбрежным морем. Всё происходящее — для меня и пища, и питье, и огонь очищения, и сосуд благодати. Всё, чего я искал бы иными путями, само ищет меня и подается через всякую тварь.

О, Любовь Божия! Как жаль, что не всякое творение ведаёт, сколь щедро Ты изливаешь Себя и Свои дары на людей, которые ищут тебя в тупиках, где Тебя нет! Глупо отказываться дышать чистым воздухом и искать тропы под ногами, когда перед тобой вся земля; глупо жаждать, когда вокруг словно бы потоп благодати. Добрые люди, вы ищете скрытые пути к Богу, но есть лишь один — принимать всё, что Он посылает. Всё, кроме греха и делания собственной воли, ведет к единению и совершенству. Нужно лишь не препятствовать действию Божию и позволить ему совершать всё потребное. Всё, что есть, служит возрастанию души и хранит ее в руке Божией, действие которой обширнее стихий земли, воздуха и воды.

Бог может проникнуть в душу и через чувства, если они употребляются по Его воле, ибо всё противное ей следует отвергнуть. Во всём нашем существе до мозга костей нет ни единой частицы, которая не была бы образована этой силой. От нее всё происходит, ею всё творится. Жизнь течет в наших жилах движением, которое дает она. Все переходы — между силой и немощью, бодростью и усталостью, жизнью и смертью — суть орудия благодати. Под ее рукой благодать действует даже через телесные состояния.

Из сей невидимой длани исходят все идеи и мысли — о чём бы они ни были. Что произведет это действие в тебе, ты узнаешь по собственному опыту; никакое тварное сердце или ум не научит такому. Жизнь твоя непрерывно течет в этой бездне, где каждое мгновение заключает всё наилучшее для тебя — и потому должно быть любимо и почитаемо. Нужно иметь совершенное доверие к сему действию, ведь оно по природе своей не может творить ничего, кроме добра.

О, Божественная Любовь! До какой высоты сверхъестественной и непостижимой добродетели вознеслись бы все души, если бы только последовали Твоему действию и не искали иного! Воистину, если бы они предоставили всё Твоей деснице, то достигли бы высочайшего совершенства, ибо оно предлагается всем и совершается само. Каждая душа имеет в Тебе образ безмерного совершенства, и Твое действие непрестанно приводит ее в соответствие сему образу. Если бы все души были верными такому воздействию, они бы жили, говорили и действовали, подражая Богу, а не друг другу. Им можно было бы узнать по тому, что их обычные и повседневные дела были бы преображены Тобою.

Боже мой! Как убедить творения понять, сколь великий дар им дан? Должен ли я, имея сокровище, способное обогатить весь мир, видеть, как души гибнут в нищете, сохнут, как растения в пустыне, когда я могу показать им источник живой воды?

Придите, души простые, не ведающие, как правильно чтить Бога, не причастные учености, не понимающие языка духовных рассуждений, — придите! Через эти слова вам откроется тайна, которая вознесет вас над мудрецами. Вы увидите, как совершенство становится доступным — вы найдете его повсюду. Душа, следуя сему наставлению, соединяется с Богом и идет с Ним рука об руку, начиная жить так, как велит Божественное действие: не изучая карту духовной страны, а владея этой страной; не рассуждая о благодати, а позволяя ей действовать. Вам не нужно понимать, что благодать говорила другим: вы сами услышите, что она скажет вам.

§ 12. О Божественном Слове — нашем Образце

Одно лишь Божие действие может освятить нас, ибо одно оно способно уподобить нас Божественному образу нашего совершенства.

С течением времен замысел, каковой вечная премудрость имеет обо всем, совершается через Божественное действие. Всё имеет свой первообраз в Боге и познаётся в нём Божественной премудростью. Так что, даже если бы ты и знал всё то, что тебе не предназначено, это знание не послужило бы тебе руководством.

Божественное действие созерцает в Слове²⁵ тот образ, по которому ты должен быть создан, и этот образ всегда пред Его взором. В Слове оно видит всё необходимое для освящения каждой души. Священное Писание содержит лишь часть этого дела — то, что Бог совершил и открыл вовне; а внутренние действия Божии в душе завершают то же самое дело, по примеру, начертанному Словом.

Единственный способ воспринять печать сей вечной Мысли — спокойно и смиренно позволить Ей действовать в себе. Никакие усилия, рассуждения и размышления не могут совершить сего. Очевидно, что такое дело не совершается ни ловкостью, ни разумом, ни тонкостью ума, но только в пассивном пути предания себя Богу — как металл в литейной форме, как полотно под кистью художника, как камень в руках ваятеля.

Очевидно, что знание всех тайн Божиих никоим образом не делает нас подобными Его образу — тому образу, который Слово замыслило о нас; ибо это подобие в нас создается не через умозрительные идеи, но через предания себя Божественной воле, которая запечатлевает нас своим действием.

Мудрость праведной души состоит в том, чтобы довольствоваться тем, что ей предназначено, держаться в пределах своего пути и не переступать меры. Она не ищет разумения всех путей Божиих вообще, но довольствуется тем, что установлено для нее самой; не старается разгадать общий смысл происходящего через сравнения и догадки, но желает лишь уразуметь, что каждое мгновение открывает именно ей. Она слушает голос Слова, когда тот звучит в глубине сердца, не спрашивает, что Жених сказал другим, но довольствуется тем, что получает сама, — так что, мгновение за мгновением, обоживается²⁶, сама того не зная.

Так Божественное Слово беседует со своей невестой²⁷ — через живые плоды Своего действия, которые душа принимает с любовью и благодарностью, не предаваясь любопытству. Такова внутренняя жизнь таковой души: совершенно простая, крепкая и пронизывающая всё ее существо. Ее дела исходят не из умозрения или словесных нагромождений, питающих гордость. Благодетельные люди часто слишком уповают на ум, тогда как усилие ума приносит мало пользы и даже противно истинному благочестию. Нужно пользоваться лишь тем, что Бог

²⁵ Имеется в виду Бог-Слово, Иисус Христос (см. Ин. 1:1–2). При этом следует помнить, что у «де Коссад» и многие другие понятия, такие как Божественная воля, Божественное действие, Божественный замысел, десница Божия, любовь Божия и т.п. почти всегда также являются либо эпитетами Бога, либо синонимами слова «Бог».

²⁶ Фр. divinise.

²⁷ Здесь и в иных местах «де Коссад» под «невестой Слова» подразумевает душу верующего.

посылает — будь то труд или страдание, — и не покидать этой реальности ради бесплодных размышлений о бывших в прошлом чудесах Божиих, вместо того чтобы возрастать в благодати через верность настоящему.

Мы, безумцы, восхищаемся Божественным действием, читая о нём в книгах, но мешаем ему писать такую же книгу в наших сердцах. Желая подглядеть, что же такое Божественное действие совершает вокруг нас, мы словно выдергиваем лист бумаги из-под его пера. О, Божественная Любовь, прости нас, заблудших! Я вижу нечто подобное и в себе самом: я сам пока что не научился вполне доверять Твоему действию. Я метался по Твоим мастерским, дивился Твоим творениям, но так и не позволил себе быть отлитым в форму Твоей воли; не дал Твоей кисти начертать во мне даже первой линии. И всё же я нашел в Тебе доброго Учителя, Врача, Отца, возлюбленного Друга. Теперь я стану Твоим учеником и не пойду ни в какую иную школу, кроме Твоей. Как блудный сын²⁸, возвращаюсь, алча Твоего хлеба. Отвергаю знания, питающие лишь любопытство ума. Не побегу больше за учителями и книгами, но буду пользоваться ими, как и всем прочим, что встречается на пути, — не ради себя, а по действию Твоему и в послушании Тебе. Ради любви к Тебе, и чтобы исполнить долг перед Тобою, я сосредоточусь лишь на одном — на деле настоящего мгновения, — и так предам себя на волю Твоего действия.

²⁸ См. Лк. 15:11–32.

Книга вторая. О состоянии души, всецело предавшей себя Божественной воле

Глава I. О природе и высоком совершенстве того состояния, когда душа предает себя Божественной воле

§ 1. О жизни Бога в душе

Бывает время, когда душа живет в Боге, и бывает время, когда Бог живет в душе.

То, что подходит для одного состояния, несовместимо с другим. Когда же душа живет в Боге, она обязана тщательно и упорядоченно искать все возможные средства, какие только может придумать, чтобы достичь союза с Богом. Весь ее путь расписан заранее: чтение, испытание совести²⁹, обещания исправить жизнь³⁰. Духовник всегда рядом, всё делается по правилам, определены даже часы для бесед.

Но когда Бог живет в душе, в ней не остается ничего собственного — лишь то, что Дух, движущий ею, сообщает ей каждый миг. Путь не предначертан, планов на будущее нет: душа — как дитя, которое взрослые ведут куда хотят, а оно различает лишь то, что они ему показывают. У такой души больше нет книг с отмеченными местами, а порой ей не стоит иметь даже постоянного духовника, ибо единственный ориентир, который ей дает Бог — это Он сам. Ее жилище — мрак, забвение, оставленность, смерть и ничто. Она остро чувствует свои нужды и немощи, не зная, откуда и когда придет утешение. Она ждет помощи свыше, но ждет спокойно, без тревоги, со взором, устремленным к небу.

Бог, видя в Своей невесте таковое полное самоотречение ради жизни благодати, действующей в ней по Божественному водительству, Сам посылает ей нужные книги, мысли, озарения о самой себе, советы, наставления и мудрые примеры. Всё то, что другие добывают с великим трудом, такая душа находит в предании себя Богу, и то, что другие бережно хранят, чтобы не потерять, она получает лишь тогда, когда это ей действительно нужно, и тотчас отпускает, чтобы оставить в себе только то, что Бог желает ей дать — дабы жить Им одним.

Та душа, что живет деятельно, совершает множество добрых дел во славу Божию; эта же часто отброшена на задворки мира, как осколок разбитого сосуда, который никому не кажется нужным. Но там, забытая и оставленная всеми людьми, она живет Богом — любовью живой, истинной и действенной — действенной даже в покое. Она не предпринимает ничего по своей воле; она знает лишь то, что должна забыть о себе и оставаться в руках Божиих, чтобы Он мог поступать с нею так, как Ему угодно. Часто душа не знает, что именно ей уготовал Бог, но Бог знает. Мир считает ее бесполезной — и внешне это так и выглядит. Однако несомненно, что тайными путями, через невидимые каналы, она распространяет неизмеримое богатство благодати на души, о которых даже не помышляет и которые сами не догадываются об этом.

В душах, преданных Богу, всё становится действенным, всё делается проповедью и апостольским служением. Бог придает ее молчанию, покою, отрешенности, словам и движениям особую силу, которая, неведомая даже самой этой душе, действует на сердца окружающих. И как другие люди, движимые благодатью, невидимо наставляют эту душу, так и она, сама того не зная, становится орудием Божиими для укрепления и руководства прочих.

²⁹ В католичестве, испытание совести — духовная практика, когда человек внутренне сопоставляет свои мысли и поступки с заповедями, своего рода самоанализ. Может служить подготовкой к исповеди или же просто частью домашней молитвы.

³⁰ Во многих направлениях христианства, обещание или «решимость» исправить жизнь (лат. *resolutio*) — важная часть покаяния, как сакраментального (исповеди), так и личного. «Внутреннее раскаяние есть радикальная переориентация всей жизни, возврат, обращение к Богу всем сердцем нашим, разрыв с грехом, отвращение от зла и от дурных поступков, которые мы совершили. В то же время, в нём содержится желание и решение изменить свою жизнь» (Катехизис Католической Церкви, 1431).

Ведь в такой душе действует Сам Бог — неожиданными и часто неосознанными побуждениями. Потому таковые души подобны Иисусу, от Которого исходила тайная сила, исцеляющая других³¹. Разница лишь в том, что они, в отличие от Иисуса, часто не замечают исходящего от них действия этой силы и сами никак ей не содействуют: это — как скрытый бальзам, чей аромат разливается невидимо, и который сам не ведает своей силы.

§ 2. О совершеннейшем пути

В состоянии всецелого предания себя Богу душа бывает ведома Божественным действием через всякую тьму.

Когда душа подвижима Божественным влиянием, она оставляет все дела, духовные упражнения, средства, книги, идеи и духовных наставников, чтобы быть ведомой только Богом, предаваясь той движущей силе, что становится единственным источником ее совершенства.

Подобно святым, она пребывает в Его руках, разумея, что лишь Божественное действие может вести ее верным путем, и что если бы она искала иных средств, то неизбежно заблудилась бы в том неведомом, через каковое Бог понуждает ее пройти.

Именно Божественное действие ведет и направляет души путями, которые ведает лишь оно. Для душ это — словно перемена в направлении ветра. Куда дует ветер можно знать лишь в настоящий момент. Последствия следуют за причинами по воле Божией, которая проявляется через них, ибо она ведет души, побуждая их действовать либо через внутренние, несомненные побуждения, либо через обязанности, связанные с их состоянием.

В этом и состоит духовная жизнь таких душ: в *видениях и откровениях* (1 Кор. 12:1), в *мудрости и совете* (Ис. 11:2), так что они ни в чём не испытывают недостатка. Вера убеждает их, что читают ли они, говорят ли, пишут ли — хорошо. Если они и ищут совета, то лишь для того, чтобы яснее разуметь Божественное действие.

Всё это определено для них Богом, и они принимают это так же, как и прочие вещи, созерцая за явлениями движущую силу Божию. Они не останавливают внимания на внешних формах или событиях, но используют или оставляют их по воле Бога, в каждый момент доверяя Его непогрешимому, тихому, неизменному и вечно плодоносному действию. Души воспринимают Божественное действие и наслаждаются им как в малом, так и в великом, ибо оно рядом с ними в любое мгновение.

Они используют все вещи не ради самих вещей и не для собственной пользы, а в послушании Божественному устройству и внутреннему действию Бога, которое, даже когда проявляется через трудности или внешне неблагоприятные обстоятельства, они распознают с легкостью и уверенностью. Их жизнь проходит не в любопытстве или стремлениях, не в усталости или унынии, а в твердой уверенности, что они следуют лучшим из путей.

Каждое состояние тела или души и всё, что происходит внутри или вокруг них в каждый момент, для этих людей есть проявление полноты Божественного действия и источник их радости. Тварные вещи воспринимаются ими лишь как несчастья и лишения; единственной истинной и справедливой мерой для них остается действие Божие. Так, если оно отнимает мысли, слова, книги, пищу, людей, здоровье или даже жизнь, это точно так же, как если бы оно, напротив, подавало бы всё это. Душа любит Божественное действие и находит его в равной мере освящающим во всяком его проявлении. Она не рассуждает о том, как действует Бог, ибо ей довольно знать, что всё происходящее послано Богом.

³¹ «Де Коссад» имеет ввиду евангельский рассказ об исцелении кровоточивой женщины, которая тайком прикоснулась к одежде Иисуса (Лк. 8:43–48); при этом Иисус сказал: «Я почувствовал силу, исшедшую из Меня».

§ 3. О том, что всецелое предание себя Богу есть залог предопределения

Состояние души, всецело предавшей себя Божественной воле, несет в себе чистую веру, надежду и любовь.

Это состояние представляет собой некое слияние веры, надежды и любви в одном акте, который соединяет душу с Богом и с Его действием. В этом соединении три добродетели становятся одним духовным движением: сердце возносится к Богу, а душа полностью предается Его действию.

Но как объяснить это Божественное слияние, эту духовную общность? Как подобрать слово, которое передало бы его сущность и сделало бы понятным единство этой троицы? Объяснить это можно так: только посредством сих трех добродетелей возможно достичь обладания и наслаждения Богом и Его волей. Это очевидная и достойная цель, ибо от Него мы ожидаем всего. Любую из этих добродетелей можно с равным правом назвать чистой любовью, чистой надеждой или чистой верой; и если состояние, о котором идет речь, чаще обозначается последним именем, это не значит, что тем самым отвергаются другие богословские добродетели³²; напротив, они присутствуют в этом состоянии, хотя и сокровенно.

Среди дел Божиих нет ничего надежнее состояния предания себя Божественной воле, как нет и ничего бескорыстнее сердца, пребывающего в нём. Со стороны Бога — абсолютная уверенность веры; со стороны сердца — та же уверенность, но смягченная страхом и надеждой. О, желанное единство троицы святых добродетелей! Веруй, надейся и люби простым чувством, которое Святой Дух, дарованный тебе Богом, пробуждает в твоей душе. Именно там, во глубине сердца, изливает Святой Дух миро имени Божия. Это слово, это мистическое откровение, это залог предопределения со всеми его счастливыми последствиями: *«Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцем!»* (Пс. 72 [73]:1).

Когда Святой Дух запечатлевает души, воспламененные Его любовью, эта печать называется чистой любовью — потому что она наполняет всё существо потоком радости, света и полного доверия. А когда та же Божественная печать ложится на души, переживающие скорбь и внутреннюю тьму, она называется чистой верой — потому что в этом состоянии нет никакого утешения, и душа идет вперед во мраке, без света и чувств. Чистая любовь — это вера, которая видит и чувствует; чистая вера — это любовь, которая верит, не видя и не ощущая. Внешне это два разных состояния, но, по сути, они едины. Состояние чистой веры не лишено любви, а состояние чистой любви не лишено веры и предания себя Богу. Эти слова — лишь разные обозначения одного и того же внутреннего действия Божия, различающиеся только тем, какая из добродетелей в данный момент сильнее проявляется.

Различные степени проявления этих добродетелей под действием Святого Духа создают всё многообразие сверхъестественных и возвышенных состояний. А так как Бог способен сочетать их в бесконечном разнообразии, нет ни одной души, которая не получила бы эту бесценную печать таким образом, который ей в большей мере соответствует. Но различия несущественны: вера, надежда и любовь присутствуют во всех. Предание себя Богу — это всеобщий путь, через который каждая душа получает особые добродетели в том виде, который определен Богом именно ей. Души могут отличаться между собою обликом или состоянием, но каждая из них способна соединиться с Богом, отдаться Его действию, получить печать, что подойдет именно ей, жить под владычеством Бога и участвовать в Его правде со всеми ее благами.

В этом царстве каждая душа может стремиться к своему венцу — будь то венец любви или венец веры; ведь в любом случае это венец, это участие в Царстве Божием. Различие лишь во внешнем: один сияет в свете, другой пребывает во мгле. Но что это значит, если душа принадлежит Богу и покоряется Его воле? Мы не ищем ни названия этого состояния, ни его признаков, ни меры его совершенства — мы ищем только Бога и Его действия. Каким образом душа обретает искомое, ей должно быть безразлично.

³² Богословские добродетели — схоластическое наименование веры, надежды и любви.

Не будем более говорить душам о состоянии чистой любви или совершенной веры, о пути наслаждений или страданий, ибо это нельзя передать всем в одинаковой степени или одинаковым образом. Поговорим лучше о предании себя Божественному действию — просто и ясно для всех простых душ, боящихся Бога, ибо этим путем они достигнут того особого состояния, от вечности избранного и предначертанного для них Божественным действием. Не будем унывать, отвергать или отталкивать кого-либо от той высшей святости, к которой Иисус призывает каждого, требуя покориться воле Небесного Отца и делая их членами Своего мистического Тела. Он является их Главой лишь в той мере, в какой их воля согласна с Его волей.

Вновь и вновь напомним всем душам, что призыв нашего всеблагого и любящего Спасителя не требует от них ничего чрезмерно трудного или необычного. Христу не нужны достижения и ухищрения; всё, чего желает Христос, — чтобы у человека была добрая воля³³ и стремление соединиться с Ним и позволить Ему направлять человека и помогать ему в меру сего соединения.

§ 4. О том, что всецелое предание себя Богу есть источник радости

Состояние предания себя Богу включает в себе высшую, подвижническую силу духа.

Нет ничего более великодушного, чем то, когда верующая душа принимает самые страшные опасности и испытания, видя в них проявление Божественной жизни. Когда нужно выпить яд, закрыть собой брешь в строю, трудиться в чумном бараке — во всё этом такие души находят полноту Божественной жизни, изливающейся на них не по капле, а потоком, который мгновенно захватывает и наполняет их целиком.

Если бы некое войско обладало тем же духом, оно было бы непобедимо. Ибо инстинкт веры — это возвышение и расширение сердца выше и дальше всего, что воспринимают чувства. Жизнь веры и сердечной чувство веры — одно и то же: это вкушение Божиих благ и уверенность, основанная на ожидании Его защиты, делающая всё приятным и легко принимаемым. Это равнодушие к любому месту, состоянию или человеку — и вместе с тем готовность ко всему.

Вера никогда не бывает несчастна, даже когда чувства оказались в полном унынии. Живая вера всегда пребывает в Боге, всегда — в Его действии, выше всех внешних противоречий, которыми туманится чувственное суждение. Когда чувства, объятые ужасом, восклицают душе: «Несчастливая! У тебя не осталось надежды, ты погибла!» — в тот же миг вера отвечает с большей силой: «Стой твердо, иди вперед и не бойся ничего!»³⁴.

§ 5. О великом достоинстве чистой веры

Пребывая в состоянии предания себя Богу и чистой веры, душа приобретает больше заслуг, нежели самыми достойными добрыми делами»³⁵.

Всё необыкновенное, что мы находим в жизни святых — откровения, видения, внутренние голоса — лишь отблески того совершенства их состояния, которое сокрыто и заключено в действии веры. Ибо вера обладает всем этим просто потому, что способна видеть и слышать Бога во всё происходящем из мгновения в мгновение. Когда эти дары проявляются

³³ «Добрая воля» у «де Коссада» означает волю, устремленную к Богу. Он использует понятия «душа доброй воли» и «душа в состоянии предания себя Богу (или Божественной воле)» как синонимичные.

³⁴ Обе фразы представляют собой отсылки к Священному Писанию. Первая намекает на испуганное восклицание пророка Исайи во время его видения: «Горе мне! погиб я...» (Ис. 6:5) Вторая — парафраз слов Бога, обращенных к Иисусу Навину: «Будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь Бог твой везде, куда ни пойдешь» (Ис. Нав. 1:9).

³⁵ Речь идет о «заслугах» и «добрых делах» в том смысле, как это понималось католическим богословием эпохи де Коссада, когда «дела» означали конкретные предписываемые Церковью поступки, а «заслуги» служили средством сокращения времени пребывания в чистилище.

вовне, это не значит, что они прежде не были уже получены верою, — напротив, это происходит для того, чтобы сделать превосходство веры зримым и тем самым привлечь души к возрастанию в ней. Подобно тому как слава Фавора и чудеса Иисуса Христа не означали увеличения Его внутреннего совершенства, но были лишь светом, что время от времени прорывался из темного облака Его человеческого естества³⁶, дабы сделать Его предметом почитания и любви для других.

То, что действительно чудесно в святых, — это постоянство их веры при любых обстоятельствах; без этого не было бы святости. В любящей вере, которая заставляет их радоваться о Боге, пребывающем во всём, святость их не нуждается ни в каких необычайных проявлениях: такие проявления могут быть полезны лишь другим, нуждающимся в чудесных доказательствах. Но душа, пребывающая в таком состоянии, счастлива в своей сокрытости и ничуть не полагается на внешнее сияние. Она позволяет свету просиять вовне — на пользу другим, а себе сохраняет общее для всех: волю Божию и Его благоволение. Ее вера утверждается не в проявлении, а в сокрытии, ведь чем больше кто нуждается в доказательствах, тем меньше у него веры. Те, кто живут верой, принимают знамения не как доказательство, но как милость из руки Божией; и в этом смысле всё необычайное не противоречит состоянию чистой веры.

С одной стороны, есть множество святых, которых Бог являет миру для спасения душ, и от лиц их изливаются лучи славы — для просвещения самых слепых. Таковы были пророки и апостолы и все те святые, которых Бог избрал, чтобы поставить на подсвечник Церкви³⁷. И такие всегда были и всегда будут.

Но также есть и бесчисленное множество других святых, которые, будучи призваны Богом к тому, чтобы сиять на небесах, не дают света на земле, но живут и умирают в глубокой безвестности.

§ 6. О том, что подчинение себя Богу — это наш дар Ему

Состояние предания себя Богу объемлет собою заслуги каждого отдельного деяния.

Совершаемое в сердце предание себя Богу объемлет всё возможное множество действий, ибо когда душа отдает себя на волю Божию. Это самоотвержение, рожденное чистой любовью, распространяется и на все прочие проявления человеческой воли. Так, душа непрестанно возрастает в предании Себя без меры и границ, и в этой добродетели заключены все прочие добродетели и возможности. Следовательно, душе вовсе не нужно самой решать, в чём именно должна проявляться ее покорность Богу; ее единственное дело — всегда и во всём подчиняться Его воле.

Бог требует от души самой сути отдачи себя: добровольного дара самоотречения, послушания и любви. Всё остальное — Его дело. Если душа добросовестно исполняет свои обязанности, спокойно следует за склонностями, вложенными в нее Божественной благодатью, и покорно принимает то, как Бог поступает с нею, — она тем самым непрерывно совершает внутренний всеобъемлющий акт предания себя Ему. Этот акт не ограничен временем и не связан с каким-то отдельным делом: он имеет перед Богом всю полноту заслуги, которая проистекает из искреннего доброго намерения, — даже если от него самого не зависит, к какому результату это приведет. То, что душа лишь желала бы исполнить, в очах Божиих уже совершилось.

Даже если Божий промысл сдерживает проявление отдельных сил души, то стремление воли к Богу остается безграничным. Божие благоволение, бытие и сущность Бога суть предмет любви; в ее действии единение с Богом не знает ни меры, ни различия, ни конца. Если эта любовь проявляется через внешние способности, то лишь потому, что такова воля Божия: она

³⁶ «Де Коссад» сравнивает человеческую природу Иисуса, скрывавшую Его Божественную природу, с облаком, скрывавшим Бога от взора людей на Синайской горе (Исх. 19–24 гл.).

³⁷ Аллюзия на слова Иисуса из Нагорной проповеди: «Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5:15).

как бы сжимается, приспособляясь к нуждам настоящего момента, переходя от внешних действий к сердцу.

Находя сердце чистым, свободным и лишенным всяких привязанностей, Бог полностью сообщает Себя ему — по той безмерной всеохватности, которую дарует любовь, опустошающая сердце от всего тварного и делающая его способным к единению с Богом.

О, небесная чистота! О, блаженное освобождение себя от себя! О, полное предание себя в руки Божии! Через вас Бог влечется в самую глубину сердца. Пусть способности будут какими угодно — лишь бы Ты, Господи, был во мне. Делай с малым сим существом всё, что угодно: вдохновляй, действуй, наполняй — всё едино. Всё Твое, всё от Тебя и для Тебя³⁸. Мне больше не о чем думать, нечего делать: ни единым мгновением моей жизни я не распоряжаюсь сам. Всё — Твое дело. Не следует мне ни прибавить, ни убавить, ни искать, ни размышлять. Тебе надлежит управлять всем. Духовное руководство, умерщвление плоти, освящение жизни, совершенство души и самое спасение — всё это Твое, Господи; мое же дело — довольствоваться Твоим действием и ничего не оставлять за собою — ни поступка, ни состояния, — но всё предоставлять Твоей святой воле.

§ 7. О том, что подчинение себя Богу — это Его дар нам

Каждая душа призвана вкусить бесконечные блага, которые объемлет сие состояние.

Вот почему я говорю не столько о состоянии преданности себя Богу, сколько о самом акте предания Ему себя. Мне безразлично, Господи, что именно сделает с моею душой Твоя благодать — итог всё равно будет один и тот же. Я учу универсальному способу, которым каждая душа может достичь именно того состояния, которое Ты для нее определил. Мне не нужно ничего, кроме воли, то есть желания отдаться Твоему водительству. Тогда Ты Сам непременно приведешь мою душу к тому состоянию, которое будет для нее наилучшим.

Вот о какой вере, самоотречении, доверии и преданности я веду речь. Я говорю о желании быть орудием Твоего действия, о вере в то, что Твоя сила действует в каждом обстоятельстве и в каждый момент, если только душа сохраняет хоть немного доброй воли. Это и есть вера, о которой я говорю: не особая, не исключительная, а всеобщая вера, через которую всякая душа может узреть Бога во множестве обличий и сама принимать тот образ, который определила ей Его благодать.

Я говорил душам, находящимся в скорби, а теперь обращаюсь ко всем без различия. Это естественное побуждение моего сердца — заботиться о всех, возвещать повсюду спасительную тайну, сделаться *всем для всех* (1 Кор. 9:22). Из этого внутреннего позыва рождается легкость в послушании заповеди: *радоваться с радующимися, плакать с плачущими* (Рим. 12:15), говорить с простыми по-простому, а с учеными — по-ученому.

Я хочу, чтобы все поняли: даже если у вас нет особых даров, вы можете достичь той же любви, того же самоотречения, того же Бога и Его действия — и, следовательно, той же высшей святости. Те дары благодати, которые называются «особыми», даны не потому, что Бог скуп на даяние, но потому, что так мало душ верно откликаются на Него и становятся достойными принять их³⁹.

Это делается явным в Судный день. Тогда станет ясно, что Бог никого не лишал Своих милостей — сами души лишили себя их, не последовав Его воле. Скольких благ они бы достигли, если бы только доверились Богу с твердой и непреложной доброй волей!

³⁸ Аллюзия на слова ап. Павла о Боге: «Ибо все из Него, Им и к Нему» (Рим. 11:36).

³⁹ Католическое богословие проводит различие между «обычными» («ординарными») дарами благодати (каковы, например, дары, получаемые в церковных таинствах, как-то способность священника отпускать грехи), и «особые» («экстраординарными») дарами (например, способность некоторых святых творить чудеса) (см. Катехизис Католической Церкви, 2003). «Де Коссад» в разных местах своей книги говорит, что «особые» дары нужны лишь как подспорье человеческому маловерию; вместе с тем он отмечает, что такие дары даются лишь немногим, потому что люди в целом не готовы их принять.

Что говорится о Божественном действии, можно сказать и о Христе: если кто-то не получает даров, которые Он предлагает всем без различия, то причина — в неверии со стороны этих людей и в их нечувствительности к Нему. Да, не все могут достичь одинаковых высот и даров, но если бы каждый был верен благодати и в свою меру последовал бы ей, то все были бы довольны — каждый достиг бы той полноты благодати и совершенства, которая действительно способна удовлетворить его стремления. И природа, и благодать — обе стремятся к сему бесценному единению с Богом и обе могут обрести в Нём свое совершенство.

§ 8. О том, что в чистом сердце воцаряется Бог

Все сокровища благодати — плод чистоты сердца и совершенного упования на Бога.

Кто желает обрести полноту всех благ, тому довольно лишь одного: очистить своё сердце, отрешив его от земных привязанностей, и всецело предаться Богу. В этой чистоте и преданности он обретет всё, чего может желать.

Пусть другие, Господи, просят у Тебя разных даров и умножают молитвы; я же прошу лишь одного — даруй мне чистое сердце.

О, чистое сердце! Как блаженно ты, ибо живостью своей веры ты видишь Бога таким, каков Он есть Сам в Себе. Ты видишь Его во всех вещах и во всяком мгновении — действующего в тебе и вокруг тебя. Во всём ты — Его орудие, которое Он направляет. Тебе не нужно думать — Он думает за тебя. Что бы с тобой ни случилось, если это воля Божия, — достаточно, что и ты желаешь того же. Он знает меру твоей готовности. В твоей спасительной слепоте ты можешь не находить в себе довольно решимости, но Он видит ее в тебе совершенно ясно. Как же ты неразумен! Благорасположенное сердце — это такое сердце, в котором пребывает Бог. Видя добрые устремления такого сердца, Бог ведаёт, что оно всегда останется послушным Его воле; и зная, что ты не просто не разумеешь своей пользы, Бог Сам принимает попечение о тебе.

Для Него безразлично, встречаешь ли ты препятствия или нет. Ты думаешь плыть на восток — Он ведет тебя на запад; ты вот-вот разобьёшься о скалу — Он поворачивает руль и вводит тебя в гавань. Без карты, без компаса, без ветра и прилива — и всё же твое плавание всегда благополучно. Даже если покажутся пираты, внезапный порыв ветра мгновенно уносит тебя от опасности.

О, добрая воля! О, чистое сердце! Иисус знал, куда вас поместить, когда причислил вас к блаженствам⁴⁰. Что может быть выше счастья — обладать Богом, если и Он Сам обладает тобой? Это состояние полно тихого счастья: душа отдыхает в лоне Божественного промысла, как дитя — на груди матери, радостно играя с Премудростью Божией⁴¹ и не тревожась о пути, который, несмотря на бури и подводные скалы, ведет ее всё дальше — к миру и радости.

О, чистое сердце! О, добрая воля! Вы единственное основание всякого духовного состояния! Вам дарованы твердая вера, святая надежда, совершенное упование и чистая любовь — и через вас они приносят плод. На ваших ветвях расцветают цветы пустыни — те драгоценные дары, что распускаются в душах, полностью отрешившихся от мира, где Бог поселяется как в прибранном доме, в котором более никто не живет. Из вас источаются потоки, орошающие сад Небесного Жениха и Его избранницы⁴². Ваш голос⁴³ вызывает ко всем душам:

⁴⁰ «Де Коссад» имеет ввиду слова Иисуса «блаженны чистые сердцем» (Мф 5:8). В христианской традиции соответствующая часть Нагорной проповеди именуется «Блаженствами» или «Заповедями блаженства» (фр. Béatitudes).

⁴¹ Аллюзия на слова Божественной Премудрости из библейской книги Притчей Соломоновых: «Я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время» (фр. J'étais à l'oeuvre auprès de lui, et je faisais tous les jours ses délices, jouant sans cesse en sa présence) (Прит. 8:30).

⁴² Имеется в виду душа.

⁴³ Фр. votre voix, т.е. у чистого сердца и доброй воли — один общий голос. Далее в монологе этот голос говорит о себе также в единственном числе, но при этом речь идет и о сердце, и о воле как о едином целом.

«Взгляните на меня! Это я рождаю чистую любовь — ту, что избирает и удерживает лучшее. Это я произвожу тот тихий и действенный страх, что внушает отвращение к злу и делает уклонение от него легким. Я рождаю тонкое видение, в котором открывается величие Бога и ценность добродетели. Наконец, от меня исходят пламенные желания, возжигаемые святой надеждой. Это я побуждаю к добродетели в ожидании обещанной награды — Божественного Возлюбленного, обладание Которым станет вечным счастьем верных душ.

Придите ко мне все, чтобы обогатиться моими неисчерпаемыми сокровищами. Все духовные пути и состояния восходят ко мне. От меня они получают всё прекрасное, светлое и сладостное, ибо всё проистекает из моих глубин. Те дивные плоды благодати и добродетели, что питают душу, — мои порождения. Земля моя источает мед и молоко⁴⁴; груди мои изливают молоко, и *мировый пучок у грудей моих пребывает* (Песн. 1:12[13]) — из него от прикосновения рук струится аромат благодати».

Пойдем же скорее, поспешим, воспарим к тому океану любви, что влечет нас! Чего мы ждем? Начнем немедленно — утратим себя в Боге, в самом сердце Его, чтобы упиться вином Его любви. В Его сердце мы найдем ключ от небесных сокровищ. Начнем ныне же свое восхождение к небу: ничто не затворено перед нами — ни сад, ни сокровищница, ни виноградник. Если захотим мы вдохнуть свежий воздух полей, то да последуем и да возвратимся, когда пожелаем.

С сим ключом Давидовым⁴⁵ мы можем входить и выходить: это ключ познания, и бездна, где сокрыты все тайные сокровища Божественной премудрости. Тем же ключом открываются врата мистической смерти и ее священной мглы⁴⁶. Им мы спускаемся в глубины вод и в логовище львов⁴⁷. Им души вводятся в мрачные темницы, откуда они выходят невредимыми. Иж же мы проходим в радостное место, где обитают свет и разумение, где Жених отдыхает в полдень⁴⁸ под открытым небом и открывает тайны Своей любви верным душам.

О, Божественные тайны, невыразимые ни единым смертным словом! Если всё доброе, что только может быть даровано, дается любящим, — будем же любить, чтобы обогатиться добром; ведь любовь рождает святость со всеми ее плодами. Она струится повсюду — направо и налево — в сердца, открытые для сего Божественного течения.

О, Божественная жатва вечности! Невозможно воздать тебе должную хвалу. И к чему столько слов? Ведь лучше обладать тобой в молчании, чем славить тебя одними лишь словами. Но что я говорю? Тебя довольно прославить лишь за то, что ты овладеваешь нами: ибо с того мгновения, как ты поселяешься в сердце, исчезает различие между чтением и письмом, речью и молчанием. Можно принять или отвергнуть что угодно, жить в уединении или среди людей, быть здоровым или больным, немым или красноречивым — всё равно, лишь бы то было твое хотение.

Всё, что ты, любовь, внушаешь, — сердце, твой верный отголосок, передает всем способностям души. В этом сложном соединении духа и вещества, где сердце есть твое царство, ты царствуешь безраздельно: и, не имея иных влечений, кроме тех, что ты внушаешь, оно с одинаковой радостью принимает всё, что ты предлагаешь. Всё, что пытается подменить тебя, будь то природа или диавол, вызывает лишь отторжение и ужас. Если ты позволяешь сердцу быть побежденным на короткое время, то лишь для того, чтобы сделать его мудрее и

⁴⁴ «Земля, где течет молоко и мед» — многократно повторяющаяся в Библии характеристика Обетованной земли, в которую евреи должны были вступить после исхода из Египта (Исх. 3:8, Лев. 20:24, и др.).

⁴⁵ Библейский образ ключа, действие которого никак нельзя превозмочь: «Ключ дома Давидова возложу на рамена его; отворит он, и никто не запрет; запрет он, и никто не отворит» (Ис. 22:22, ср. Откр. 3:7).

⁴⁶ Аллюзия на библейские слова царя Соломона: «Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле» (2 Пар. 6:1). Образ мистического мрака как места встречи Бога и души встречается у многих западных мистиков, например, у св. Иоанна Креста.

⁴⁷ Библейский образ (Дан. 6:16–23), означающий, что Бог хранит верующих в Него посреди любых опасностей.

⁴⁸ Отсылка к словам Песни Песней: «Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень?» (Песн. 1:6).

смирнее; но как только оно осознаёт свою ошибку, то возвращается к тебе с новой любовью и держится тебя крепче, чем прежде.

Глава II. Об обязанностях душ, призванных Богом к состоянию всецелого предания себя Божественной воле

§ 1. О жертве как основании святости

Первейшая и главная обязанность душ, призванных Богом к этому состоянию, — это полное и безусловное предание себя Ему.

Приносите жертвы правды и уповайте на Господа (Пс. 4:5[6]). Иными словами, прочное основание духовной жизни — это принесение самого себя в жертву Богу, полное подчинение Его благой воле во всём — внутреннем и внешнем, — до полного забвения себя, так что душа уже не принадлежит себе, но стала как бы вещью, проданной и врученной своему Владыке, над которой сама она более не имеет власти. Тогда благое Божие благоволение становится всей ее радостью, а Его счастье, слава и бытие — единственным благом. Когда это основание положено, душе остается только радоваться тому, что Бог есть Бог, и предаваться Его воле с такой полнотой, что ей одинаково приятно всё, что Он делает через нее, не размышляя о цели, к каковой Ею стремится Его благоволение.

Итак, предавать себя на волю Божию есть главная обязанность души. Верное же исполнение всех обязанностей своего состояния — часть сего предания себя. Степень совершенства, с которой они исполняются, и есть мера святости каждой души.

Святая душа — это душа, свободно покорствующая, при содействии благодати, воле Божией. Всё, что совершается вслед за ее свободным согласием, — уже дело Божие, а не человеческое. Душа должна слепо предать себя и быть безразличной ко всему остальному: в этом состоит всё, чего Бог требует от нее. Прочее — дело Его выбора и замысла, как архитектор сам отбирает и располагает камни для строения.

Главное, следовательно, — любить Бога и Его волю, любить ее в какой бы форме она ни проявлялась, не желая ничего иного. Душа не должна вмешиваться в выбор предметов — это Божие дело; и всё, что Он дает, — для нее лучшее.

Вся духовная жизнь сводится к одному правилу: «Полностью предай себя водительству Божию, и через забвение себя вечно трудись в любви и служении Ему — без тех страхов, рассуждений, испытаний и тревог, которые порой вызывает забота о собственном спасении и совершенстве».

Так как Бог хочет всё совершить в нас Сам, отдадим Ему всё сразу и навсегда, предоставив всё Его бесконечной мудрости, и не будем более заботиться ни о чём, кроме Него Самого.

Итак, душа моя, — вперед! — с главою, поднятой над земными вещами, всегда довольная Богом и всем, что Он делает или побуждает тебя делать. Берегись неосторожно впустить в себя рой тревожных помыслов, которые, как беспутные тропы, уведут наши шаги всё дальше, покуда мы не собьемся с пути. Пройди через лабиринт самолюбия — не блуждая в нём, но перескочив через него. Иди, душа моя, сквозь уныние, болезнь, сухость, переменчивость настроения, слабость натуры, козни бесовские и людские, через подозрения, ревность, злые образы и предвзятые мнения; пари, как орел, над всеми этими облаками, с очами, всегда устремленными к солнцу — к Богу и к Его путям, которые суть твои обязанности.

Мы должны всё это чувствовать, — но помнить, что жизнь наша не состоит в одних чувствах, и что не в нашей власти — чувствовать или нет. Живи в высших областях души, где Бог и Его воля образуют вечность, всегда неизменную и непреложную. В этой духовной обители, где Несозданный, Безмерный и Невыразимый держит душу на бесконечном расстоянии от всего ограниченного, от теней и частиц творения, душа пребывает в покое, даже

когда чувства ее метутся. Она более не зависит от них: тревоги и тысячи перемен не трогают ее, как облака, на миг затеняющие небо, не затрагивают солнца.

Мы знаем, что всё преходит, как облака, гонимые ветром; ничто не стоит прочно, всё в непрестанном изменении. В состоянии веры, как и в состоянии славы, Бог и Его воля — вечный предмет, пленяющий сердце и составляющий его истинное блаженство. И это славное состояние души, наконец, преобразит и вещественную ее часть, ныне отданную на растерзание чудовищам и зверям. Но даже в их ужасающем облике действует Божественная сила, готовя сей вещественной части долю в небесной славе, которая сделает ее сияющей, как солнце. Ибо способности души чувственной и самого тела предуготовляются здесь, на земле, как золото или железо, как полотно для картины, как камни для здания. Вещество этих способностей не достигнет чистоты и блеска, покуда не пройдет через многие превращения, не перенесет многих лишений и не поднимется после многих неудач. Всё, что души претерпевают от руки Божией в мире сем, служит этой цели.

Душа, пребывающая в состоянии веры и знающая тайны Божии, всегда имеет в себе мир. Всё, что с нею происходит, не пугает, а утешает ее. Глубоко убежденная в Божественном руководстве, она принимает всё как благодать, и, не взирая на те средства, через которые действует Бог, видит лишь Его дело. Побуждаемая любовью, она верно и точно исполняет все свои обязанности. Всё, что происходит в душе, преданной Богу, есть действие благодати, за исключением разве что малых несовершенств, — но и их благодать обращает во благо.

Те внутренние движения, которые производят в душе ощутимое чувство — скорби или утешения — под действием Божией воли, непрестанно обращенные к возрастанию души, я бы назвал «особыми». Но и в них вера видит лишь Бога и заботится только о том, чтобы быть в согласии с Его волей.

§ 2. О страдании и утешении, что приносит предание себя Божественной воле

Душа должна отрешиться всего тварного, чтобы всецело предать себя Богу.

Состояние препоручения себя Божественной воле исполнено утешения для тех, кто его достиг, но путь к нему лежит через великую скорбь. Учение о чистой любви может быть преподано только действием Бога, но никак не усилием человеческого ума. Бог наставляет душу через страдания и препятствия, а не через вещи умозрительные.

Эта наука есть практическое познание, посредством которого Бог воспринимается как единственное благо. Чтобы овладеть ею, потребно освободиться от всякого личной привязанности, а чтобы приобрести такое освобождение, нужно действительно стать лишенным всего. Потому только постоянное крестоношение, долгая череда всевозможных самоограничений⁴⁹, испытаний и лишений утверждает в душе чистую любовь. Это должно продолжаться до тех пор, пока всё сотворенное не станет как бы несуществующим, а Бог — *всем во всем* (1 Кор. 15:28).

Чтобы привести душу к такому состоянию, Бог борется со всеми ее личными привязанностями, какую бы форму они ни имели — будь то благочестивая мысль, помощь в молитве, или представление, будто совершенства можно достичь каким-то способом, по какому-то пути, под руководством какого-то человека. Едва душа к чему-либо привязывается, Бог разрушает ее замыслы и попускает, чтобы она обретала не успех, а лишь смятение, тревогу, пустоту и бессмысленность. Едва душа говорит: «Мне следует идти таким-то путем; посоветоваться с таким-то человеком; поступить так-то», — как Бог немедленно говорит ей прямо противоположное и отнимает всякую силу у избранных ею средств. Так, находя во всем лишь обман и пустоту, душа вынуждена обратиться непосредственно к Самому Богу и довольствоваться Им одним.

Блаженна душа, которая с любовью принимает столь суровое Божественное попечение и верно отвечает на него. Она воспаряет над всем преходящим и покоится в неизменном и

⁴⁹ Фр. mortifications, букв. умерщвлений (плоти).

бесконечном. Она более не растрчивает себя среди тварного и не склонна дарить ему ни любви, ни доверия, но обращается к тварям лишь когда того требует долг или когда на то есть прямое повеление Божие и Его воля явно проявляется в данном деле. Она обитает в области, лежащей выше земного изобилия или нужды, — в полноте Бога, Который есть ее непреходящее благо.

Бог находит такую душу совершенно свободной от самой себя — лишенной собственных устремлений, движений, выбора. Она как бы умерла и упокоилась в безразличии ко всему. Тогда всё Божественное Существо, наполняя сердце, заставляет все творения казаться как бы ничем, что лишает смысла различия между ними. Душа более не видит ни силы, ни привлекательности ни в чём тварном; сердце ни к чему не влечется и ни к чему не склоняется, ибо величие Бога наполняет его целиком. Живя в Боге, сердце становится мертвым для всего прочего, а всё прочее — мертво для него.

Лишь Бог, дающий жизнь всему существу, может вновь оживить душу по отношению к творению и дать всем вещам новый облик в ее очах. Эта жизнь состоит в Божественном порядке⁵⁰. Следуя сему порядку, сердце обращается к творению лишь настолько, насколько это сердцу необходимо или полезно. Со своей стороны, творение приближается к душе и принимается ею также согласно этому порядку. Без этой Божественной силы — благого произволения Бога — душа не допускает к себе сотворенные вещи, и сама не тянется к ним.

Подобное полное уничтожение всего тварного по отношению к душе, а затем — по воле Божией — его новое восстановление заставляет душу видеть Бога во всех вещах и в каждом мгновении. Каждый миг она живет лишь затем, чтобы угодить Ему, всецело отвергая себя во всём, что касается сотворенных вещей — существующих, возникающих или тех, которым лишь могут появиться по повелению Божию. Потому каждое мгновение содержит в себе всё.

§ 3. О различных обязанностях, вытекающих из состояния предания себя на Божественной воле

Деятельная сторона упования проявляется в послушании заповедям и в чуткости к Божественному зову⁵¹.

Хотя души, призванные Богом к состоянию предания себя Божественной воле, в большей мере бездеятельны, им всё же не следует ожидать, что им не придется ничего делать. Это состояние есть не что иное, как добродетель предания себя Богу, практикуемая с постоянством и с высокой мерою совершенства. И подобно самой этой добродетели, из него следуют два вида обязанностей — деятельное исполнение воли Божией и смиренное принятие всего, что Ей угодно посылать.

Как уже говорилось, суть этого состояния — во вручении самого себя Богу, чтобы Он распорядился нами по собственному промыслу. Итак, благое произволение Божие распоряжается нами двояко: либо понуждая нас к определенным действиям, либо действуя в нас само. Мы, следовательно, также должны подчиняться ему двояко: либо верным исполнением Его ясно выраженных повелений, либо простым и пассивным приятием Его действий — радостных или скорбных. Предание себя Божественной воле подразумевает и то, и другое, ибо оно не есть ничто иное, как совершенное подчинение Божию порядку, как он открывается нам в данный момент. Для души не имеет значения, в чём именно состоит это

⁵⁰ Под «Божественным порядком» (фр. l'ordre de Dieu; в русскоязычном католическом богословии также употребляется термин «упорядоченность») в данном случае имеется в виду такое отношения человека к прочим творениям, которое согласно с замыслом Божиим о них, т.е. с тем, какую именно роль Бог назначил тому или иному творению в жизни человека в целом. Любовь человека к творениям нормальна, однако если человек любит творения более Творца, это образует «неупорядоченную привязанность»; т.е. грех здесь не в самой любви, а в нарушении задуманного Богом порядка (см. Катехизис Католической Церкви, 1472).

⁵¹ Фр. inspiration (букв. вдохновение). У «де Коссада» это понятие означает Божий зов, проявление Божественной воли, которое человек ощущает внутри себя независимо от внешних предписаний, а порой и вопреки им.

подчинение и что содержит настоящий момент: всё, что необходимо, — это чтобы она предала себя Богу без остатка.

Таким образом, существуют обязанности по предписанию — то, что следует исполнять; обязанности по необходимости — то, что следует принимать; и, наконец, третий род обязанностей, также относящихся к действенной верности, хотя и не составляющих собственно исполнения заповедей. К нему принадлежат обязанности по Божественному зову — то, к чему Дух Божий незримо склоняет сердца, покорные Его водительству. Исполнение этих обязанностей требует великой простоты, кротости и радостной готовности души, чуткой ко всякому дыханию направляющей ее благодати. Ведь здесь не нужно ничего, кроме как всецело отдаться Богу и без мудрований повиноваться Его внушению. А чтобы душа не впала в прельщение, Бог никогда не оставляет ее без разумного руководства, указывающего, с какой мерой свободы или осторожности следует следовать подобному зову.

Сей третий род обязанностей имеет преимущество над всяким законом, формальностями и установленными правилами. Именно он делает жизнь святых особенной и не такой, как у прочих: он направляет их устную молитву, внутренние слова, деятельность их способностей, а также всё то, что делает их жизнь столь высокой — их подвиги, ревность о Боге, готовность служить ближним.

Так как всё это принадлежит внутреннему закону Святого Духа, никто не должен стремиться получить такие дары, воображать, будто они ему уже даны, желать их или сожалеть, что не имеет благодати, необходимой для подобных дел и добродетелей, — ибо они становятся действительно заслуженными лишь тогда, когда совершаются по водительству Божию. Забывая о рассудительности, человек поддается влиянию собственных представлений и подвергается опасности впасть в прельщение.

Следует помнить, что некоторые души Богу угодно оставлять в безвестности и ничтожестве — как в их собственных глазах, так и в глазах других. Вместо того чтобы дать им явные дары, Его замысел для них состоит в том, чтобы они пребывали в смиренной безвестности. Если они попробуют выйти из этого состояния, то непременно прельстятся. Однако если такие души получают достаточное наставление, они поймут, что для них оставаться в таковом ничтожном состоянии и есть истинный путь, и так обретут мир в своей малости. Единственная разница между их путем и путем душ как бы более богатых дарами заключается в мере любви и покорности воле Божией. Если они превосходят других в этих добродетелях, то, несомненно, и святость их выше, хотя внешне их жизнь выглядит гораздо проще.

Так мы видим, что каждая душа должна довольствоваться обязанностями своего состояния и Божественным промыслом, что руководит всем, ибо сего Бог явным образом требует в равной мере от всех.

Что касается внутренних позывов и ощущений, которые испытывает душа, — их посылает лишь Бог, и только тем, кому Он хочет. Не следует пытаться вызывать или умножать их самостоятельно — естественное усилие прямо противоположно зову благодати, которое должно приходить в мире и тишине.

Голос Божественного Жениха сам пробуждает душу: она должна лишь следовать зову Божию. Если же она действует, исходя из собственных представлений, то не приобретет ничего. Потому, если душа не чувствует ни влечения, ни благодати для совершения тех подвигов, благодаря которым святыми восхищались окружающие, она должна сказать себе: «Бог пожелал сего для святых, но не для меня».

§ 4. О том, что в душе доброй воли Бог творит всё Сам

О поведении души, всецело предавшей себя Божественной воле, в отношении двух способов действия Божественного произволения.

Души, призванные Богом к жизни в полном предании себя Ему, в этом уподобляются Самому Господу, Его Пречистой Матери и святому Иосифу. Для них воля Божия была полнотой жизни. Целиком подчиняясь этой воле — и как заповеди, и как внутреннему влечению, — едва

только она становилась им явной, они во всём последовали лишь одному: воле Божественного промысла.

Их жизнь, несмотря на высоту совершенства, внешне ничем не отличалась от жизни других людей и казалась вполне обыкновенной. Они исполняли религиозные обязанности и долг своего состояния так же, как и все прочие, — внешне тем же образом. Даже при самом внимательном рассмотрении в их поступках не обнаружится ничего необычного, что выделяло бы их на общем фоне: вся их жизнь проходила чередой обыкновенных событий. То, что делает их особенными, оставалось невидимым — это полное последование верховной воле Божией, устрояющей для них всё и составляющей среду их постоянного пребывания. Именно эта воля Божия сообщает им совершенное владычество над собой, проистекающее из постоянного смирения сердца.

Души, о которых идет речь, как бы одновременно прибывают и в строгом затворе⁵², и на свободе: они отрешились от всего, чтобы принадлежать Богу, любить Его в мире и спокойно исполнять свой подлинный долг согласно Его явленной воле. Они не позволяют себе предаваться размышлениям, нерадению, страху за последствия, — им достаточно просто идти вперед, исполняя свои очевидные обязанности, как если бы для них не существовало ничего, кроме настоящего долга и служения Богу.

Настоящее мгновение становится для них подобием пустыни, где душа видит только Бога, наслаждается Им и занята лишь тем, чего Он требует от нее, — оставляя и забывая всё остальное, вручая это промыслу Божию. Такая душа, подобно орудию, не делает ничего, кроме того, что делает использующий сие орудие Бог, и не проявляет вовне ничего, кроме того, что Его действие в ней производит.

Это внутреннее действие сопровождается свободным и деятельным соучастием, которое, однако, остается мистическим, основанным на Божественном зове. Ибо Бог, находя в душе все необходимые условия для того, чтобы действовать в ней по Своим законам, и довольный ее доброй волей, избавляет ее от труда, даруя плоды, которые могли бы быть лишь результатом ее усилий или доброго намерения.

Это можно уподобить случаю, когда твой друг, видя, что ты собираешься в трудное путешествие, идет вместо тебя: ты сохраняешь намерение идти, но избавлен от самого труда пути. Это путешествие будет свободным, ибо происходит из добровольного решения исполнить волю друга, который берет на себя заботы и тяготы; оно будет деятельным, потому что прохождение пути действительно совершается; внутренним — потому что оно совершается без внешнего действия; и, наконец, мистическим — благодаря своему сокровенному источнику.

Но чтобы вернуться к этому соучастию, которое я пояснил на примере воображаемого путешествия, нужно заметить, что оно совершенно отличается от простой верности в исполнении обязанностей. Исполнение долга само по себе есть не нечто мистическое или основанное на Божественном зове, но нечто свободное и деятельное в обычном смысле. Следовательно, предание себя благу произволению Божию соединяет в себе и деятельность, и бездеятельность. В нём нет ничего от собственного «я», но есть постоянная добрая воля, подобная орудию, которое действует не само, а лишь откликается на прикосновение мастера, исполняя всё, для чего было создано.

Сознательное и твердое повиновение воле Божией выражается в простых формах духовной сосредоточенности, заботливости, внимания, рассудительности и благоразумия — хотя и эти естественные усилия ощутимо поддерживаются и предваряются действием благодати.

Итак, предоставив Богу всё остальное, оставь себе на настоящий момент лишь любовь и послушание — те добродетели, которые душа будет совершать вовеки. Любовь, безмолвно изливаемая в душу, и есть подлинное действие, ставшее для нее постоянным долгом. Душа должна хранить его верно и непрестанно поддерживать в себе состояния, им порождаемые, —

⁵² Фр. solitaires, букв. уединение.

а это, очевидно, невозможно без внутреннего труда. Однако этот труд отличается от исполнения внешних обязанностей: он совершается не действием сил самой души, а готовностью исполнять волю Божию, являемую душе извне, без того, однако, чтобы ожидать при этом чего-то необыкновенного.

Божественная воля для души — это и ориентир, и руководство, и прямой, верный путь. Это неизменный закон, действительный во всякое время, в любом месте и при всяком состоянии. Это прямая дорога, по которой душа должна следовать с мужеством и верностью, не отклоняясь ни вправо, ни влево и не сходя с нее прочь. Всё, что сверх того, должно приниматься бездейтельно, как нечто, совершаемое в состоянии предания себя Богу. Итак, душа деятельна во всём, чего требует подлинный долг, но бездейтельна и покорна во всём прочем, где не должно быть никакой собственной воли, а лишь терпеливое ожидание действия Божия.

§ 5. Об общем пути всех душ

Душа, стремящаяся к единению с Богом, должна ценить все действия Его благодати, но привязываться — лишь к тому, что совершается в настоящий момент.

Именно через единение с волей Бога мы блаженствуем в Нём и обретаем Его. Было бы заблуждением искать сего Божественного общения какими-либо иными средствами. Единение с волей Божией — всеобщее средство: оно действует не единым способом, но освящает собой все пути и способы. Воля Божия соединяет Бога с душою множеством различных путей, и тот из них, что избран для нас, всегда — наилучший. Все пути достойны любви и уважения, ведь в каждом из них можно усмотреть, как Бог сообразует Свое действие с каждой отдельной душой, избирая для нее тот способ, который наиболее подходит для ее соединения с Ним.

Обязанность души — покорно принять этот выбор и не делать своего собственного, не переставая, однако, любить и почитать сию благую волю в ее действии в других. Так, если воля Божия удерживает меня от устной молитвы, от видимых дел благочестия или от принятия света таинств, — значит, именно эту тишину и внутреннюю пустоту, что она вызывает во мне, я и должен любить, видя, однако, при этом и веру других. Но для себя я должен пользоваться настоящим мгновением, чтобы в нём соединиться с Богом.

Мне не следует, подобно квиетистам⁵³, сводить всю религию к личному бездействию и презрению ко всем иным средствам: ведь совершенство состоит в повиновении закону Божию, который делает всякое средство, которое Он употребляет, полезным для души. Нет, я не должен ставить преграды или пределы воле Божией, не должен искать вместо нее чего-то иного, но должен принимать ее в каком бы виде она ни являлась мне и благоговеть пред нею в тех формах, в которых она соединяется с другими.

Так все души, живущие в устроении благодати, имеют один общий путь, но каждая идёт им своим, особенным образом, составляя вместе многообразие таинственного одеяния Церкви. Все они взаимно признают и уважают друг друга, говоря: «Мы идем к единой цели, хотя и различным образом, но путь у нас общий, как общие и средства, установленные Богом, хотя для каждого они могут отличаться».

В этом смысле нам следует разуметь жития святых и духовные книги, используя их не для того, чтобы менять свой путь, но чтобы укрепляться на нём. Потому и духовное чтение, и духовная беседа должны быть у нас лишь тогда, когда этого хочет Бог; ибо если это — долг настоящего мгновения, душа, вместо того чтобы уклониться, лишь укрепитесь в своем пути — будь то через вещи, созвучные ее собственному деланию, или даже через то, что ему противоположно. Но если воля Божия не вменяет такого чтения или духовной беседы нам в долг здесь и сейчас, то всё сие принесет нам лишь смущение и беспорядок мыслей, за чем последуют и разные потрясения. Ведь без участия воли Божией порядка не может быть уже ни в чём.

⁵³ Вероятно, полемика с квиетизмом представляет собой нарочитую вставку в текст, призванную обезопасить его от обвинений в распространении этого течения, осужденного Римско-Католической Церковью.

Так с каких же пор мы стали так озабочены своими тревогами и внутренними беспокойствами, не относящимися к нашему настоящему долгу? Когда же, наконец, Бог станет для нас *всё во всём* (Кол. 3:11)?

Пусть тварное действует согласно своей природе, но ничто да не удерживает нас: шагнем же за предел всего сотворенного и будем жить всецело для Бога.

§ 6. О том, что единственное правило — это требование настоящего мгновения

От душ, достигших сего состояния, Бог требует высочайшей чуткости к действию Своей благодати.

Чтобы следовать этим путем, нужно полностью отрешиться и от своих ощущений, и от своих дел, пребывая единственно в Боге и в долге текущего мгновения. Всё, что выходит за его пределы, следует отсечь как излишнее. Нужно ограничиться лишь требованиями настоящего момента, не размышляя ни о прошедшем, ни о том, что будет.

Представь, что закон Божий всегда пред твоими глазами, а привычка к преданию себя воле Бога сделала твою душу открытой Его действию. И вот вдруг ты ощущаешь побуждение, которое заставляет тебя сказать: «Меня влечет к такому-то человеку»; или «Мне хочется прочитать такую-то книгу, принять или дать совет, пожаловаться на что-то, открыть сердце другому, принять доверие, пожертвовать вещь, совершить поступок». Если так, подчинись сему побуждению согласно внушению благодати, не останавливаясь на размышлениях, рассуждениях или усилиях. Предавайся тому, что совершается, ровно настолько, насколько этого хочет Бог, — без малейшей примеси собственной воли.

В этом состоянии воля Божия открывается нам потому, что Сам Бог пребывает в нас. Эта воля должна заменить все привычные опоры. Каждое мгновение требует от нас какого-либо добродетельного действия, и послушная душа остается верна этому призыванию. Она ничего не забывает из того, чему научилась — ни из прочитанного, ни из услышанного; и самая строгая послушница не могла бы исполнить своих обязанностей с большей верностью.

Именно поэтому такие души обращаются то к одной книге, то к другой; побуждаются сделать замечание или задуматься о, казалось бы, незначительном случае. Порой Бог внушает им стремление к знанию, которое лишь позже окажется опорой в практике добродетели. Всё, что они совершают, совершается по внутреннему влечению, хотя цель сего может быть им и не ведома. Всё, что они могли бы сказать о себе, сводится к следующему: «Я чувствую побуждение писать, читать, спрашивать, размышлять об этом; я следую этому влечению — и Бог, который его посылает, сохраняет в моей душе то, что впоследствии станет зерном других побуждений, полезных мне и другим».

Вот почему такие души должны быть просты, кротки, уступчивы и внимательны к самому тихому слову едва различимого зова Божественной воли.

Итак, в состоянии предания себя Богу единственным правилом остается требование настоящего момента. В этом состоянии душа легка, как перо, текуча, как вода, проста, как дитя, и подвижна, как мяч в том, что касается слышания голоса благодати и следования ему.

Такие души не имеют ни жесткости, ни определенности ибо они подобны расплавленному металлу. Как он принимает любую форму, в какую его зальет мастер, так и эти души податливы и восприимчивы к любой форме, какую пожелает придать им Бог. Их внутренний строй подобен воздуху, который колеблется от малейшего дуновения ветра, или воде, наполняющей любой сосуд и принимающей его очертания.

Перед Богом они подобны безупречному, чистому холсту: они не думают и не ищут узнать, что именно Ему будет угодно начертать на нем, ибо всецело доверяют Ему, предаются Ему и, поглощенные своим делом, не думают ни о себе, ни о том, чего им может не хватать и как это обрести. И чем усерднее они занимаются своим скромным делом — таким простым, сокровенным, неприметным и внешне мало важным, — тем ярче Бог украшает сей холст сиянием Своих красок. На поверхности сего простого полотна любви и послушания Его рука

начерчивает узор прекраснейший, изящнейший, исполненный Божественного совершенства: *«Господь сделал дивным преподобного Своего»* (Пс. 4:4, перевод Юнгера).

И действительно: холст, всецело и без раздумий отданный руке художника, чувствует лишь движение кисти, мазок за мазком. Каждый удар молота по резцу оставляет лишь болезненный след, и камень, на который падают эти удары, не видит и не знает, какой образ из него рождается. Он только ощущает, что его постоянно бьют, режут, истончают и изменяют. А если бы камень, предназначенный стать крестом или статуей, мог ответить на вопрос: «Что с тобой происходит?», он сказал бы: «Не спрашивайте. Я знаю одно — оставаться неподвижным в руках моего мастера, любить его и переносить всё, что он делает со мною. Для чего я предназначен и какой будет итог — не мое дело; я не знаю, что он творит, но знаю, что его работа — совершеннейшая из возможных. Я принимаю каждый удар резца как величайшее благо, хотя, с моей точки зрения, эти удары лишь рушат, уничтожают и уродуют меня. Но это не мое дело: довольствуясь настоящим мгновением, я думаю лишь о своем долге и терпеливо переношу труд своего искусного мастера, ничего не ведая о замысле».

Так и душа: отдавай Богу то, что принадлежит Ему, и пребывай любяще-бездеятельной в Его руках. Будь уверена, что всё, что происходит — внешне или внутренне, — лучшее для тебя.

Позволь Богу действовать, предай себя Ему. Пусть резец исполняет свое дело, пусть игла вышивает, пусть кисть покрывает полотно красками, которые поначалу кажутся лишь пятнами. Отвечай на все эти Божественные действия простым и постоянным послушанием, забвением себя и усердным исполнением своего долга. Иди своим путем, не вглядываясь в его повороты и изгибы, не исследуя, куда он стремится и как зовутся те места, через которые он проходит. Следуй вслепую — и тебе откроется, что должно быть дальше. Ищи лишь *Царствия Божия и правды Его* — любовью и послушанием, — и всё остальное *приложится* тебе (Мф. 6:33).

Мы встречаем много душ, встревоженных и озабоченных: «Кто направит нас, чтобы мы умерли для себя, стали святыми и достигли совершенства?» Пусть они ищут в книгах описания сего великого дела, его свойств и признаков, ты же оставайся в мирном единении с Богом через любовь, следуя вслепую ясной и прямой дорогой своего долга. Ангелы пребудут рядом с тобой в сие темное время — они поддержат тебя. Если же Бог потребует от тебя большего, Он Сам даст тебе знать дыханием Своего Духа.

§ 7. О доверии водительству Божию

Смиренная душа не ищет знать, каким путем ведет ее Бог.

Когда Бог становится вождем души, Он требует от нее совершенного доверия — безо всякого беспокойства о том, каким именно образом Он ее направляет. Такая душа следует вперед, даже не видя перед собою тропы. Она не подражает ни тому, что видела, ни тому, что читала, но действует сама по себе — иначе она не может поступить без великого риска.

Божественное действие всегда ново, оно не повторяет пройденного, но постоянно открывает новые пути. Души, ведомые им, никогда не знают, куда они идут; их пути нельзя найти ни в книгах, ни в собственных мыслях. Действие Божие несет их шаг за шагом, и они движутся лишь его движением.

Когда путник идет ночью через незнакомую местность по бездорожью под водительством проводника, который сам знает дорогу, но при том не ищет совета и не открывает своих планов, — что остается тому путнику, как не предаться всецело его водительству? Что пользы озиаться, расспрашивать прохожих или сверяться с картами и описаниями? Ведь намерения проводника, требующего доверия, не позволят этого. Он хочет победить тревогу и недоверие души и настойчиво добивается, чтобы та отдала себя в его руки. Если ты уверен, что проводник добр и опытен, — нужно верить ему и отдаться на его попечение.

Божественное действие по самой своей природе благо; оно не нуждается ни в исправлении, ни в надзоре. Оно началось при сотворении мира и доныне являет неослабевающую силу. Его сила безгранична, его творческая способность неисчерпаема. Оно проявляет себя каждый день по-разному. Это одно и то же действие, совершающееся во всякий момент и рождающее всегда новые плоды, оно простирается от века и до века.

Оно произвело Авеля, Ноя, Авраама со всею их разностью; Исаака — также отличного от прочих; Иакова — безо всякого подобия меж людей; Иосифа — и он тоже не кому не подражает. У Моисея нет предшественников, на которых он походил бы. Давид и пророки — не похожи на патриархов. Иоанн Креститель не имеет подобного себе. Иисус Христос — Первородный⁵⁴; и даже апостолы действуют, не столько подражая Его делам, сколько следуя водительству Его Духа.

Иисус Христос не поставил Себе пределов, и не во всё буквально следовал собственным изречениям. Святой Дух непрестанно исполнял Его святую душу, и, будучи всецело преданной каждому движению Духа, она не имела потребности обращаться к прошедшему, чтобы знать, как поступить в будущем. Дыхание благодати созидало каждый новый миг согласно с вечной истиной, пребывающей в незримой и бездонной премудрости Пресвятой Троицы. Душа Иисуса Христа каждый миг внимала сему Божественному зову и воплощала его в действии. Евангелие говорит нам, что в жизни Иисуса Христа Божественные истины открывались последовательно, одна за другою; и этот же Иисус, живущий и действующий во веки, продолжает жить и действовать в душах Своих святых.

Если хочешь жить по Евангелию, — предайся просто и всецело действию Божию. Иисус Христос — его высший глашатай. *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13:8); Он продолжает Свою жизнь, а не начинает ее заново каждый раз. Что Он сделал — то сделано; что еще потребно сделать — делается в каждом мгновении. Каждый святой получает свою долю в этой Божественной жизни, и в каждом Иисус Христос иной, хотя Сам в Себе Он *Тот же веками*. Жизнь каждого святого — это жизнь Иисуса Христа, новое Евангелие.

*Щеки супруги*⁵⁵ — *цветник ароматный, гряды благовонных растений* (Песн. 5:13); Божественное действие — садовник, чудесно располагающий эти гряды. Сей сад не ведает повторов, и среди всех его цветов нет двух одинаковых: их единственное сходство — в верности, с какой они откликаются на действие Творца, позволяя Ему действовать свободно и, со своей стороны, следуя законам, вложенным в их природу. Пусть Бог действует, а мы станем делать то, что Он от нас потребует: в этом — Евангелие, в этом — и Писание, и естественный закон.

§ 8. О потребности в великой вере

Всецелое предание себя на волю Божию столь же просто, сколь велики его плоды.

Вот прямой путь к святости. Вот состояние совершенства и долг, который оно накладывает. Вот великая и неподобная тайна предания себя Богу, хотя в действительности это тайна без тайны, искусство без искусства.

Бог, Который требует сего от всех, ясно объяснил, чего именно Он желает, и сделал это доступным и предельно простым. На пути чистой веры душа не обязана постигать всё, что остается скрытым; для жизни по вере достаточно ясного и простого. Истинная тайна — в деяниях Бога, а не в том, что требуется понять.

Нечто подобное происходит в таинстве Евхаристии. Предметы, слова и действия, потребные, чтобы хлеб преложился в тело Христово, настолько ясны и просты, что Евхаристию способен совершить даже самый невежественный священник; и вместе с тем это тайна тайн, где всё скрыто, неведомо и непостижимо, так что чем более человек сведущ и

⁵⁴ Фр. le premier-né. Это слово несколько раз употребляется в Новом Завете по отношению к Иисусу, однако в данном случае «де Коссад» имеет в виду, что в Иисусе, как и в каждом из других праведников, действие Божие проявилось совершенно уникальным образом.

⁵⁵ Имеет в виду душа, т.е. человек.

исполнен духа, тем больше веры требуется ему, чтобы принять это. Путь чистой веры предлагает множество подобных сравнений. Его действие заключается в том, чтобы находить Бога в каждый момент; именно это делает его возвышенным, таинственным, ведущим к блаженству. Он заключает в себе неисчерпаемый источник в мысли, слова, книжности; в нём — сокровищница и начало чудес.

Для того чтобы привести к столь дивному итогу, требуется лишь одно: позволить Богу действовать и совершать всё, что Он желает, в соответствии с твоим состоянием. В духовной жизни нет ничего проще и доступнее каждому, но, вместе с тем, нет ничего более чудесного, и потому сей путь остается наиболее непостижимым. Чтобы идти по нему, душе нужна великая вера, тем более что разум всегда сомневается и подыскивает доводы против. Все его представления смутны. Здесь нет ничего, что разум когда-либо знал, о чём читал, чем привык восхищаться. Это нечто всецело новое. «Пророки были святы, а сей Иисус — чернокнижник»⁵⁶, — говорили иудеи. Если душа, следуя их примеру, соблазняется, это показывает, что вера ее слаба, и делает ее недостойной тех чудес, которые Бог столь охотно творит в верной душе.

Глава III. Об искушениях, сопровождающих состояние всецелого предания себя Божественной воле

§ 1. О неразумности нашего вмешательства

Первое искушение состоит в осуждении и недовольстве со стороны людей, считающихся мудрыми и благочестивыми.

Нет пути надежнее, чем путь предания себя воле Божией; нет пути легче, приятнее, яснее и менее подверженного возможности заблуждения. На этом пути человек истинно любит Бога и исполняет свой христианский долг. Он приступает к таинствам и неукоснительно совершает общеобязательные дела внешнего благочестия; он повинует начальникам, выполняет обязанности своего состояния; он терпеливо отражает нападки плоти, мира и дьявола. Никто не бывает внимательнее и рассудительнее в исполнении всех своих обязанностей, чем человек, идущий этим путем.

Но если это так, почему же человека, вставшего на сей путь, преследуют многочисленные противоречия? Чаше всего происходит следующее: когда такой человек, подобно прочим христианам, исполняет всё, что мог бы потребовать самый строгий богослов, от него всё равно ожидают соблюдения еще и дополнительных, не подходящих ему духовных деланий, к которым Церковь совершенно его не обязывает; если же он отказывается, его обвиняют в заблуждении. Но позвольте спросить: можно ли считать заблуждающимся христианина, который ограничивается исполнением Божиих заповедей и предписаний Церкви? Да, он, сверх положенного, не занимается ни богомыслием, ни созерцанием, ни духовным чтением, ни какими-то особыми делами благочестия, — но при этом содержит в порядке свои мирские дела и исполняет обязанности частной жизни? Можно ли сомневаться в чистоте его веры или подозревать его в заблуждении? Конечно нет. Напротив, такого христианина следует оставить в покое. И тем более недопустимо тревожить душу, которая не только исполняет заповеди не хуже других, но еще и совершает дела внешнего благочестия, которым другие либо не придают значения, либо вовсе о них не знают.

Предубеждение против подобных людей доходит до того, что утверждает: такая душа обманывает сама себя, потому что, выполнив всё, что предписывает Церковь, считает себя вправе свободно отдавать оставшееся время внутреннему действию Божию — внимать голосу благодати в те часы, когда никакая другая обязанность прямо тому не препятствует. Иными словами, ее осуждают за то, что она посвящает Богу то время, которое другие тратят на

⁵⁶ Парафраз слов из Евангелия: «Некоторые же из них говорили: Он изгоняет бесов силою веельзевула, князя бесовского» (Лк. 11:15, ср. Мф. 9:34, 12:24, Мк. 3:22).

развлечения и житейские занятия. Разве это не вопиющая несправедливость? Об этом следует заявить ясно и твердо.

Если человек живет обычным порядком, ходит к исповеди раз в год — никто не говорит ему ни слова, разве что иногда советуют, и то не слишком настойчиво, сделать немного больше. Но стоит ему изменить жизнь и устремиться к большему совершенству, как его тут же начинают осыпать указаниями, советами, предложениями. Если он не хочет строго следовать этим предписаниям, его записывают в заблудшие, подозревают во всём худшем, и не стесняются говорить, что он-де плохо кончит.

Разве не ясно, что эти практики, как бы добры и святы ни были, в конце концов представляют лишь путь к единству с Богом? Зачем держаться пути, когда цель уже достигнута?

Тем не менее именно этого требуют от души, которую полагают заблуждающейся. Эта душа, как и другие, шла своим путем с самого начала; она знала, что делать, и делала это верно. Так зачем теперь связывать ее прежними практиками? С того момента, как Бог, в ответ на ее усилия, привел ее к счастливому единству с Собою, когда душа достигла состояния всецелой преданности Его воле и любви к Нему, прежние подходы утратили всякую ценность и остались лишь пройденным путем. С того часа, когда Бог всей Своей благостью сделался источником поступков души и освободил ее от всех трудов и забот, прежние пути стали лишними. Требовать вернуться к прежним путям и постоянно следовать им — значит заставлять душу оставить достигнутую цель и вновь вступить на путь, который к ней привел. Но если душа уже приобрела хоть немного опыта, всякая попытка наставлять ее извне оказывается бесплодной. Напрасно спешат за ней с громкими советами: она, затворив слух, останется непоколебимой и спокойной в той внутренней тишине, внутри которой она спокойно и плодотворно отдает себя любви к Богу. Это — средоточие, в котором она пребывает, или, если угодно, прямая линия, начертанная рукой Божией. Душа следует по этой линии: все ее обязанности ясны, и она исполняет их спокойно, без суеты. Всё остальное она оставляет в полной свободе, всегда готовая внимать малейшему зову благодати и предаться заботе Божественного промысла.

Бог открывает этой душе, что Он намерен быть ее Владыкой и направлять ее Своею благодатью. Он открывает ей, что она не может ограничивать собственную свободу, не посягая на верховные права Создателя. Душа ощущает, что, последуя она правилам тех, кто живет лишь собственными усилиями, вместо того чтобы поступать по внушению благодати, она лишилась бы многого из того, что потребно для исполнения предстоящего долга. Но поскольку никто сего не знает, ее судят за простоту. Хотя такая душа не осуждает других, одобряет все состояния и умеет различать степени духовного совершенства, самозванные мудрецы презирают ее, не будучи в силах оценить тихую и искреннюю преданность замыслу Божию.

Мирская мудрость не в силах принять постоянных странствий апостолов, которые нигде не имели долгого пристанища. Обычное понимание духовности не приемлет, чтобы души направлялись исключительно Божественным промыслом. Лишь немногие одобряют их. И всё же Бог, который наставляет людей через их ближних, никогда не оставляет сии души без встреч с теми, кто также предается Ему с простотой и верностью. Кроме того, такие души меньше зависят от духовного руководства, так как на предыдущих этапах они уже достигли своего состояния с помощью добрых наставников. Если они порой остаются предоставлены самим себе, это происходит потому, что промысел Божий сам лишает их духовных руководителей — посредством кончины оных или иного события. Тем не менее, такие души всегда готовы следовать совету, спокойно ожидая момента, назначенного Божественным промыслом.

Во время лишений они также порой встречаются людей, которым, по внутреннему внушению Божию, могут доверять, хотя ничего о них не знают. Это знак того, что Бог использует их, чтобы дать такой душе некий совет, пусть и даже имеющий лишь временную ценность. Поэтому такие души испрашивают совета и следуют ему с наибольшим послушанием. Когда текущего совета нет, они следуют тем принципам, которые получили от своих первоначальных наставников. Так душа всегда получает надежное руководство — либо

опираясь на прежние наставления, либо следуя совету новых наставников — и использует всё это, пока Бог не пошлет тех, кому она сможет довериться и кто откроет ей Его волю.

§ 2. О несправедливых выводах

Второе искушение пребывающих в состоянии предания себя Богу состоит в том, что они порой выглядят бесполезными и имеют поущенные Богом внешние недостатки.

Второе попускаемое Богом искушение душ, предавших себя Его воле, состоит в их кажущейся бесполезности и внешних недостатках. В их служении, скрытом и часто кажущемся миру совершенно бесполезным, нет ни чести, ни награды. Хотя, без сомнения, даже те, кто занимает высокое положение, могут достигнуть состояния предания себя Богу. Не противоречит таковое состояние какой-то заметной добродетели или тому роду святости, что вызывает всеобщее почитание. И всё же у большинства душ, вознесенных к сему возвышенному состоянию, их добродетель известна одному Богу.

В этом состоянии души практически свободны от всех внешних обязанностей. Они мало приспособлены к мирским делам, к сложным заботам и ведению хозяйства; кажется, что они совсем бесполезны. В них заметны лишь слабость тела, ума, воображения и страстей. Они мало обращают внимание на происходящее, и в некотором смысле глупы, ибо не обладают потребным, по общему разумению, уровнем ума, образованности и культуры. Они подобны детям природы, еще не попавшим в руки наставников, которые воспитают их. У них есть заметные недостатки, которые, будучи простительны им, как детям, вызывают большее раздражение, ибо они всё-таки взрослые.

Бог отнимает у таковых душ всё, кроме невинности, чтобы у них не оставалось опоры, помимо Него самого. Но мир, не ведая сего тайного смысла, судит лишь по внешнему и не находит в них ничего в своем вкусе, что он мог бы оценить. Потому мир отвергает и презирует их, и кажется, что они подвергаются всеобщему порицанию. Чем больше присматриваются к этим душам, тем меньше их ценят и тем сильнее с ними спорят; никто толком не может составить о них ясного мнения. И хотя словно некий потаенный голос выступает в их защиту, люди предпочитают следовать своим предубеждениям, вместо того чтобы прислушаться к нему или хотя бы воздержаться от осуждения. Их поступки изучают, пытаясь вывести из них взгляды⁵⁷, и, подобно фарисеям, не выносившим действий Иисуса, к ним относятся с таким предубеждением, что всё, что они делают, кажется либо смешным, либо преступным.

§ 3. О заниженной самооценке

Третье искушение пребывающих в состоянии предания себя Богу состоит в том, что они имеют самую низкую самооценку.

Хотя души, предавшие себя Богу, и так кажутся людям ничтожными, еще более жалкими они выглядят в собственных глазах. Во всём, что они делают или переносят, нет ничего, что не казалось бы мелким, унижительным, совершенно непримечательным. Их жизнь — сплошная обыденность. Внутри — тревоги и скорби, снаружи — противоречия и разочарования. Телом они слабы, им постоянно нужны отдых и утешение — полная противоположность той строгости и подвижничеству, которые восхищают нас у святых. У людей, предавших себя Божественной воле, нельзя найти ни великих подвигов, ни строгих постов, ни щедрой милостыни, ни горячий, деятельной ревности о вере. И, хотя они имеют общение с Богом верой и любовью, внутри себя они замечают лишь беспорядок. Сравнивая себя с теми, кого считают святыми, наивысшими к правилам и порядку, имеющими спокойный нрав и внешнюю благообразность, такие люди лишь сильнее презируют свое собственное несовершенство. Их недостатки гнетут их, приводят в смятение и становятся для них почти невыносимыми. Отсюда — вздохи и слезы, выражающие глубину их внутренней скорби.

⁵⁷ Это завуалированная полемика с теми, что обвинял произведение «де Коссада» в квиетизме.

Тут следует помнить, что Иисус Христос — Бог и человек. В Своей земной жизни как человек Он был унижен, хотя как Бог оставался исполнен славы. Души, предавшие себя Богу, видимым образом не имеют доли в Его славе, но полностью разделяют печаль и убожество Его страданий. Люди относятся к ним так же, как Ирод и его придворные — к Иисусу.

Таким образом, эти бедные души постоянно питаются — в чувствах и мыслях — отвратительной для них пищей, не дающей никакого утешения. Они стремятся к совсем иному, но все пути к святости, о которой они мечтают, остаются закрыты для них. Им приходится жить этим *хлебом печали* (Пс. 126:2), этим хлебом с примесью пепла, и испытывать непрерывное внутреннее и внешнее сокрушение сердца.

В их уме сложился образ святости, который причиняет им неутрачиваемую скорбь. Воля стремится к этому идеалу, но не может его воплотить. Но так и должно быть: ведь Бог хочет умертвить в душе то самое тонкое, духовное, самое интимное ее стремление к совершенству — чтобы она, не находя опоры ни в чём земном и не имея ни малейшего удовлетворения, могла возложить всю любовь только на Него одного. Именно Он ведет ее таким путем, чтобы она не нашла радости нигде, кроме как в Нём Самом⁵⁸.

Мне кажется, из всего сказанного нетрудно понять, что души, предавшие себя Богу, не могут заниматься тем же, чем и прочие: строить планы, тешиться желаниями, устраивать испытания совести, привязываться к определенным людям, составлять для себя правила жизни, планы по духовному чтению или принципы поведения. Всё это предполагало бы, что человек по-прежнему распоряжается собой, — а это совершенно несовместимо с состоянием всецелого предания себя Богу. В таком состоянии душа уступает Богу всякое право на саму себя: на свои слова, поступки, помыслы, решения, на употребление времени и на всё, что с этим связано. В ней остается лишь одно желание — исполнить волю своего возлюбленного Владыки, непрестанно прислушиваться к ней и в тот же миг приводить ее в действие.

Нет образа, который лучше передал бы такое состояние, чем слуга, внимательный ко всякому приказанию. Он не тратит время на собственные дела, но оставляет их ради того, чтобы ежеминутно служить своему Господину. Следовательно, этим душам не должно скорбеть о своей немощи, ибо их немощь и есть то, что позволяет им полностью принадлежать всемогущему Владыке, способному творить чудеса самым слабым орудием, если только оно не сопротивляется.

Перенесем же без ропота то унижение, которые причиняют нам наши внешние проявления — унижение как в собственных глазах, так и в глазах людей. Лучше укроемся за этими внешними недостатками и будем радоваться о Боге, что принадлежит нам всецело. Обратим себе на пользу нашу видимую беспомощность, все наши нужды, заботы, постоянную зависимость от поддержки, наш неуспех, презрение других, страхи, сомнения, смятения — и обретем во всём этом единственное наше богатство и единственное утешение: Бога, Который именно таким способом подает нам Себя как наше единственное благо.

Бог хочет принадлежать нам в «бедном» виде, без тех сияющих признаков святости, которые вызывают восхищение у людей, ибо Он желает быть для нас единственной пищей и единственным предметом желания. Мы так слабы, что, если бы мы вдруг стали являть видимым образом духовную ревность, дела милосердия, добровольную нищету, строгость жизни, — мы бы немедленно сделали из этого повод к тщеславию. А ныне всё в нас непривлекательно, чтобы Бог стал для нас всей святостью и всей опорой; чтобы мир отвернулся от нас и оставил нам спокойное обладание сокрытым сокровищем.

Бог желает быть источником всякой святости в нас, и потому то немногое, что зависит от нашего собственного старания и деятельной верности, кажется ничтожным и даже как будто противоречащим святости. На деле ничто не может быть великим в очах Божиих, кроме нашего терпеливого перенесения того, что Он посылает. Посему не будем думать об этом, но оставим наше освящение на попечение Бога, который прекрасно знает, как его совершить. Всё зависит

⁵⁸ Ср. слова Аврелия Августина: «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе» (Исповедь, 1.1.1).

от Его недремлющего промысла и совершается большей частью без нашего ведома, часто неожиданно и вопреки нашим представлениям.

Будем же спокойно исполнять малые обязанности нашей деятельной верности, не стремясь к большому, ибо наши усилия препятствуют тому, чтобы Бог отдал нам Себя. Мы станем святыми Божиими — святыми Его благодати и Его особого промысла. Он Сам знает, какое место нам назначить: предоставим же это Ему. И, не выдумывая ложных представлений о святости и пустых схем, удовлетворимся тем, чтобы непрестанно любить Его и просто идти путем, что Он нам начертал, — путем, почти ничтожным в наших глазах и презренным в глазах мира, но единственно верным.

§ 4. О недоверие к самому себе

Третье искушение пребывающих в состоянии предания себя Богу состоит в неопределенности и в кажущемся противоречии Божественной воле.

Для души, которая желает лишь одного — творить волю Божию, — нет мучительнее страдания, чем невозможность быть уверенной, что она действительно любит Бога. Прежде ее ум, будучи просвещен, видел, в чём состоит путь совершенства; ныне же всё это исчезло. Совершенство приходит к ней вопреки ее прежним представлениям, помимо всякого света, помимо всякого чувства.

Оно дается через скорби, посылаемые промыслом Божиим; через исполнение обязанностей настоящего момента; через внутренние склонности, в которых на первый взгляд нет ничего особенного, кроме того, что они не направлены ко греху, — и потому они кажутся далекими от сияющей высоты святости и необыкновенных подвигов добродетели. Бог и Его благодать приходят тайным, неясным образом: душа чувствует себя слишком слабой под тяжестью скорбей и испытывает неприязнь к своим обязанностям. Ее привлекают лишь самые обыкновенные, простые виды духовного делания. Образ святости, который она носит в себе, словно корит ее за убожество и малость. Жития святых, которые она читает, будто бы осуждают ее состояние — она не находит в них ни малейшего утешения. Перед ее взором сияет высокая, подвижническая святость, и душа сокрушается: у нее нет сил к ней подняться. Она не видит, что сама ее немощь — часть Божия замысла, и считает ее собственным малодушием.

Люди, известные своей великой добродетелью и высокой созерцательной жизнью, смотрят на нее свысока. «Странная это святость», — говорят они. Душа и сама считает также. Истомленная бесплодными попытками подняться над собственным состоянием, она чувствует себя покрытой позором и не находит ни перед собой, ни перед другими ни одного слова в свое оправдание. Она уверена, что погибает.

Размышления больше не помогают ей ни понять себя, ни разглядеть путь. Благодать будто бы оставляет ее. И всё же именно в этой утрате она вновь находит ту же благодать — но в новом образе, возвышающей и очищающей ее гораздо больше, чем раньше, хотя и таинственным образом.

Это — настоящий смертельный удар для души, ибо она теряет видимый образ Божией воли. Она больше не видит ее перед собой: воля Божия как бы отступает назад, чтобы незримо толкать душу вперед, став ее сокровенной движущей силой, а не ясным предметом, который можно наблюдать. Опыт показывает: ничто так не разжигает желания, как очевидность утраты. И вот душа томится, страстно желая соединиться с Божественной волей, и спускает самые глубокие вздохи, не находя утешения нигде. Сердце, которое хочет лишь одного — обладать Богом, не может не привлечь Его к себе. Велико сие тайное действие любви: именно таким образом в душе утверждаются несокрушимая вера и твердая надежда. Здесь верят тому, чего *не видел глаз*, и ожидают того, что *не приходило на сердце* (1 Кор. 2:9).

Как непонятно для самой души это сокрытое действие, в котором она — и орудие, и заготовка! Всё, что она делает, кажется ей случайным, продиктованным естественными склонностями, и это ее глубоко оскорбляет. Когда в душе рождается слово — кажется, что говорит она сама. Душа не различает, каким духом движима. Самый Божественный голос

внушает ей страх. Всё, что она делает или испытывает, кажется ей неправильным и недостойным. Другие представляются ей несравненно выше, и она чувствует себя ничтожной в сравнении с ними. Она не доверяет собственному суждению и ни в одной мысли не может быть уверена. Она покорно принимает малейший совет уважаемого человека. А то, что Бог удерживает ее вдали от всякой великой и блистательной добродетели, погружает ее в еще большее уничижение.

Но и это уничижение не воспринимается душой как добродетель: скорее как справедливое возмездие. Удивительнее всего то, что в собственных глазах души (а также в глазах тех, кому Бог не посылает света) она выглядит движимой чувствами, противоположными добродетели: упрямством, непослушанием, строптивостью, сомнением, гневливостью — и будто бы нет лекарства от этого. Чем усерднее она старается эти состояния победить, тем больше они усиливаются — потому что именно ими Бог разрушает ее самонадеянность и готовит к союзу с Собой.

Но как раз в этом мучительном испытании и скрывается главный подвиг состояния предания себя Богу. Всё вокруг будто бы стремится сбить душу с узкого пути любви и простого послушания. Требуется великая стойкость, чтобы сохранить верность в простых, заурядных обязанностях и продолжать исполнять свою партию в том песнопении, что звучит так, как если бы душа ошиблась и сфальшивила — в то время как благодать втайне поет другой голос. Душа этого голоса не слышит, но, если у нее окажется мужество позволить громам греметь, молниям сверкать и буре бушевать, сохраняя при этом твердость шага — в любви, послушании, в долге и в приверженности своему пути, — то ее можно сравнить с душой Иисуса во время страстей, когда Спаситель твердо шел к тому, чтобы исполнить волю Отца, и любовь налагала на Него труд, казавшийся совершенно несообразным достоинству столь святой души, как Его душа. Сердца Иисуса и Марии во мраке самой страшной ночи также позволяли тучам сгущаться и буре реветь. Столько всего вокруг казалось противным замыслу Божию и бросало вызов их чувствам! Но, лишённые всякой опоры, они не поколебались. Они смотрели только на то, что им надлежало делать, а остальное оставляли Богу — пусть Он поступает, как желает. Они несли весь тяжкий груз Божественного действия. Они стонали под ним, но ни не переставали нести. Они верили: всё будет хорошо, если только они не свернут с пути, а прочее предоставят Богу.

§ 5. О жизни веры

Плодом всех этих искушения становится образ жизни души, послушной Богу.

Из всего сказанного выше ясно, что на пути чистой веры всё происходящее — духовное, телесное, внешнее — имеет в себе признаки смерти. И это неудивительно: такова природа состояния всецелого предания себя Божественной воле. У Бога есть замысел относительно души и под этим покровом Он успешно приводит его в исполнение. Под «покровом» я понимаю неуспехи, телесные недуги и духовную немощь. Всё становится благом в руках Божиих, ибо как раз тем, что тягостно для природы, Он готовит осуществление Своих величайших замыслов. *«Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу»* (Рим. 8:28). Он выводит жизнь из тени смерти; потому, когда природа страшится, вера, принимающая всё в добром смысле, исполнена мужества и уверенности.

Жить верой — значит жить радостью, доверием и твердой убежденностью во всём, что должно нужно сделать или претерпеть в каждый момент согласно Божественному промыслу. Чтобы возжечь и поддерживать такую жизнь, Бог позволяет душе быть захваченной бурными водами страданий, тревог, трудностей, усталости и неудачи, ведь, чтобы найти Бога во всём этом, потребная вера. Божественная жизнь дается ежеминутно — не явно, но вполне определенно — и под самыми различными видами: под видом смерти тела, под видом мнимой утраты души, под видом расстройства всех земных дел. Во всём этом вера находит себе пищу и опору: она пронзает всё и держится за руку Бога, подателя жизни. Всё, кроме греха,

верующая душа принимает с доверием, как покров Бога, близкое присутствие Коего устрашает душу, но в то же время укрепляет ее способности.

И действительно, великий Бог, Утешитель смиренных, в самой мрачной тьме подает душе внутреннюю уверенность в том, что ей нечего бояться, если только она позволит Ему действовать и полностью отдастся Ему. Душа скорбит, считая, что утратила Возлюбленного, но всё же нечто внутри уверяет ее, что она обладает Им. Она тревожится и смущена, но в самой глубине ее есть некие неведомые причины крепко держаться Бога. *«Истинно Господь присутствует на месте сем, а я не знал»* (Быт. 28:16). Ты ищешь Бога, а Он — везде; всё говорит о Нём, всё дарует Его. Он идет рядом, окружает тебя, обитает внутри тебя — там живет, а ты всё ищешь Его. Ты ищешь собственное представление о Боге, тогда как Сам Бог — полностью твой. Ты ищешь совершенства, а оно — во всём, что предстает тебе. Твои страдания, твои действия, твои внутренние движения — это те формы, под которыми Бог подает тебе Себя Самого, тогда как ты тщетно стремишься к возвышенным представлениям, которые Он вовсе не собирается принимать, чтобы пребывать в тебе.

Марфа старалась угодить Иисусу, готовя для Него изысканные блюда; Мария же довольствовалась просто быть с Ним так, как Он Сам желал даровать Себя ей⁵⁹. Но когда Мария искала Его в саду по тому образу, какой сложился у нее в уме, Он уклонился от нее, явившись как садовник⁶⁰. Апостолы видели Иисуса, но приняли Его за призрак⁶¹. Бог скрывается, чтобы возвести душу к состоянию чистой веры, чтобы научить ее находить Его под всяким образом. Когда же душа распознаёт эту Божественную тайну, Бог более не скрывается от нее. Душа говорит: *«Вот, Он стоит у нас за стеною, заглядывает в окно, мелькает сквозь решетку»* (Песн. 2:9).

О, Божественная Любовь! Сокрой Себя, переходи от искушения к искушению, в зависимости от способностей души, разрушай и смешивай все привычные представления. Пусть душа блуждает без света и не знает, каким путем следовать. Прежде она находила Тебя в обычных Твоих обиталищах — в тишине, в молитве, в страдании; даже в утешениях, которые Ты давал другим, — в беседе, в делах. Но ныне, испробовав всё, чтобы угодить Тебе, она должна оставаться в стороне, ни в чём не видя Тебя, как прежде. Пусть бесплодность всех ее усилий научит ее искать Тебя в Тебе Самом — то есть искать Тебя повсюду, во всём без различия и без размышлений. Ибо, о, Любовь, какое заблуждение — не находить Тебя во всём добром и во всяком создании! Зачем искать Тебя под иными образами, нежели те, под которыми Ты Сам желаешь даровать Себя? Чем меньше можно видеть и чувствовать — тем больше места для веры и послушания. Разве Ты не питаешь корень, сокрытый под землей? И не можешь ли Ты, если пожелаешь, сделать плодоносной эту тьму, в которой Тебе угодно меня удерживать?

Живи же, малый корень моего сердца, в глубине невидимого сердца Божия; и Его силой пусть из тебя произрастут ветви, листья, цветы и плоды, которые, хотя ты их не видишь, служат радостью и пищей другим. Без оглядки на собственные стремления, подавай тень, цветы и плоды другим. Пусть всё, что прививается к тебе, получает неведомый сок, узнаваемый лишь по росту привитых ветвей. Сделайся *всем для всех* (1 Кор. 9:22), а в отношении себя оставайся преданной Богу и безразличной ко всему. Оставайся в темной и тесной темнице своего ущербного кокона, словно шелкопряд, покуда тепло благодати не предаст тебе вид и не освободит тебя. Затем вкушай любые листья, какие она тебе предложит, и не жалея — в деятельном самоотвержении — прежней тишины, которую ты утратила. Остановись, когда Божественное действие пожелает остановить тебя, и будь довольна тем, что в чередованиях покоя и деятельности, в непостижимых переменах ты утрачиваешь все прежние представления, правила и пути, чтобы принять те, которые назначает тебе само Божественное действие. Так ты будешь в тайне прясть свой шелк, не видя и не чувствуя, как именно ты это делаешь. Ты будешь осуждать в себе зависть к тем, кто еще неподвижен и словно мертв, —

⁵⁹ См. Лк. 10:38–42.

⁶⁰ См. Ин. 20:11–15.

⁶¹ См. Мф. 14:26 и Мк. 6:49.

потому что они еще не достигли того места, где ты уже пребываешь; ты будешь по-прежнему ими восхищаться, хотя сама давно их превзошла. Пусть твоя печаль в оставленности продолжается, покуда ты прядешь шелк, в который однажды будут облачаться князья мирские и церковные, и самые разные души.

И что же станет с тобой после этого, малый шелкопряд? Каким образом выйдешь ты на волю? О, чудо благодати, указующее душам столь многообразные пути! Кто может угадать, куда поведет тебя благодать? И кто мог бы догадаться, что делает природа с шелкопрядом, если бы не видел того сам? Достаточно дать ему листья — и природа совершает остальное.

Так никакая душа не знает, откуда она приходит и куда идет; из какого замысла Божия вывела ее премудрость, к какой цели ведет. Остается лишь полностью, без лишней суеты предать себя Богу и позволить Божественной премудрости действовать без вмешательства наших раздумий, примеров и способов. Нужно действовать, когда настанет время действовать, и останавливаться, когда настанет час не делать ничего — и пусть всё вокруг рухнет, если так надо. Так, действуя или бездействуя согласно зову Божию, душа, предавшая себя Его воле, незаметно совершает нечто или же оставляет несовершенным, сама не зная, к чему это приведет. И после многих перемен совершенная душа получает крылья и воспаряет к небу, оставив на земле богатый урожай, которым предстоит питаться другим.

Глава IV. О помощи, которую отеческий Божественный промысл подают душам, всецело предавшим себя ему

§ 1. Об уповании на Бога

Чем слабее душа, предавшая себя Богу, ощущает Его помощь, тем сильнее Он ее укрепляет.

Есть такая святость, при которой все Божественные посещения ясны и различимы. Но в состоянии бездеятельности и чистой веры всё, что Бог сообщает душе, чем-то схоже с тою неприступной мглой⁶², что окутывает Его престол; все представления такой души смутны, а иные едва различимы. Душа, пребывающая в этом мраке, нередко страшится, подобно пророку⁶³, что вот-вот налетит на *камень преткновения* и *скалу соблазна* (Ис. 8:14–15).

— Не бойся, верная душа: это твой истинный путь, та дорога, по которой ведет тебя Бог. Нет пути надежнее и безопаснее этой мгливой стези веры.

— Но вокруг так темно, что я не понимаю, куда идти.

— Иди, куда пожелаешь: здесь невозможно сбиться, ибо здесь нет троп — всё в равной мере лежит во мгле; ты не видишь конца, ибо эта мгла непроницаема взгляду.

— И всё же меня охватывает страх. Мне кажется, что в любую минуту я могу сорваться в пропасть. Окружающее гнетет меня. Я знаю, что я всецело предала себя Богу, но временами мне кажется, что есть поступки, которых я не могу совершить, не отступив от добродетели. Мне кажется, что я бесконечно далека от всякой добродетели. Я люблю ее, но невыразимый зов, что влечет меня, словно лишь отдаляет меня от нее. Я всегда следую сему внутреннему зову. Пусть даже я не могу уверить себя, что он ведет меня верным путем, я не могу ему не последовать. Разум ищет света, но сердце погружено во тьму. Мне близки слова благоразумных людей, но, когда я слушаю их речи, мое сердце словно ничего не понимает. Всё мое состояние и путь — лишь внутренний отклик на тот дар веры, благодаря которому я люблю те представления, те истины и дороги, в которых ум не различает ни образа, ни предмета, и перед которыми он дрожит, трепещет и претыкается. И всё же в глубине сердца — не знаю, каким

⁶² Еще одна отсылка к словам Соломона на освящении Иерусалимского храма: «Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле» (2 Пар. 6:1).

⁶³ Имеется в виду пророк Исайя.

образом — я твердо знаю, что этот путь верен: не по свидетельству чувств, но тем ведением, каковое дает мне вера.

Так и должно быть, ибо Бог не станет вести душу, не внушив ей уверенности, что путь ее — путь истинный. И тем тверже эта уверенность, чем в меньшей степени душа полагается на свои чувства. Эта уверенность преодолевает все упреки, страхи, усилия и представления. Напрасно ум вопиет и ищет более надежного пути. Невеста, сама не сознавая того, узнаёт Жениха, но, едва она простирала руку, чтобы удержать Его — Он скрывается. Она чувствует, что Тот, Кому она принадлежит, по праву властвует над нею, и потому она скорее станет блуждать без замысла и устройства, предаваясь Его водительству, нежели искать уверенности, ступая по проторенным путям добродетели.

Пойдем же к Богу, душа моя, предав Ему себя всецело, и признаем: мы не способны стяжать добродетель собственным трудом или усилием, и не позволим при этом отсутствию явных добродетелей уменьшать нашу уверенность. Наш Божественный Вождь не стал бы понуждать нас брести во мгле, если бы не желал Сам понести нас на руках. Зачем же нам свет и разумение, понятия и размышления? Что пользы нам видеть и понимать, если мы уже идем не сами по себе, но вверяем себя в руки промысла Божия? Чем больше на нашем пути мглы, скал, пропастей и пустынь; чем сильнее страхи, жажда, усталость ума, теснота духа, даже отчаяние и образы чистилища и ада — тем больше должны быть наша вера и упование. Один лишь взгляд на Того, Кто несет нас, силен возратить нам мужество посреди величайших опасностей. Мы забудем, как выглядит тропа; забудем собственный образ, и, предав себя без остатка мудрости, благодати и силе нашего Провожатого, будем помышлять лишь о том, чтобы любить Его и удаляться от всякого греха — не только явного, даже самого малого, но и малейшего подобия зла, — и исполнять обязанности своего состояния.

О, Божественная Любовь! Вот единственное бремя, которое Ты возлагаешь на детей Своих, тогда как всё прочее Ты берешь на Себя. И чем более пугающе это выглядит, тем яснее мы ощущаем Твое присутствие. Твоим детям остается только непрестанно любить Тебя и исполнять свои маленькие обязанности. Младенец на материнских руках занят лишь забавами, словно не имеет иной заботы, кроме как быть с матерью. Так и душе надлежит вознестись превыше облаков, ибо *приходит ночь, когда никто не может делать* (Ин. 9:4) — ночь дана для покоя. Свет разума лишь сгущает тьму веры: свет, способный ее рассеять, должен исходить из того же источника, что и сама вера.

В таком состоянии Бог вручает Себя душе как ее *жизнь*, однако как *путь* и *истина* (Ин. 14:6), Он уже неразличим для нее. В этой ночи невеста ищет Жениха своего: она ищет Его где-то впереди и поспешает туда, однако Он — позади, и удерживает ее руками. Он уже не предмет и не образ, но основа и источник всего. Для всех нужд, затруднений, скорбей, падений, потрясений, гонений и сомнений души, потерявшей всякую опору в себе самой и своих делах, — есть сокровенные, вдохновляемые свыше средства, подаваемые Божественным действием, удивительные и неизреченные. Чем безысходнее положение, тем яснее предчувствие благого исхода. Сердце говорит: «Всё хорошо, Бог совершает дело сие, так что нечего опасаться». И сама эта пустота и неопределенность звучат словно бы словами песни мглы⁶⁴. Сколь велика радость слышать, что все строки в нём на своих местах, а в конце звучит «Слава Отцу...»⁶⁵. Так мы продолжаем путь нашего странствия: сама мгла становится для нас светом, а сомнения — твердой уверенностью. Чем труднее было Исааку понять, что именно должно быть принесено в жертву, тем полнее Авраам вверял всё в руки Божественного промысла и тем крепче полагался он на Бога⁶⁶.

⁶⁴ Фр. des versets des cantiques ténébreux.

⁶⁵ «Де Коссад» уподобляет «песнь мглы» традиционным «библейским песням» западного богослужения суточного круга — похожим на псалмы (но взятым из других книг помимо Псалтири) отрывкам Священного Писания. Они, как и псалмы, всегда заканчиваются «малым славословием»: «Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

⁶⁶ Ср. Быт. 22:1–19.

§ 2. О разнообразном действии благодати

Скорби, которые душе приходится претерпевать, — это лишь промысление любящего Бога, и потому однажды принесут ей великую радость.

Души, идущие во свете, поют песни света, а идущие во мгле — песни мглы. И тем, и другим следует позволить исполнить до конца ту партию, которая отведена им Богом в Его великой музыке. К этим партиям ничего нельзя ни прибавить, ни убавить; каждая капля горечи должна свободно изливаться, какой бы ценой это ни давалось. Так было с Иеремией и Иезекиилем, чьи слова прерывались слезами и причитаниями, ибо они не могли найти утешения иначе, как в продолжении своего плача. Если бы течение их скорби прервалось, мы лишились бы прекраснейших слов Священного Писания. Дух, который приносит скорбь, может принести и утешение — и та, и эта вода проистекает из единого источника. Когда Бог предстает гневным, душа трепещет; когда Он грозит, душа ужасается. Божественное не следует сдерживать, ибо вместе с бедой оно несет и исцеление. Потому продолжай плакать и трепетать — пусть непокой и мука овладевают твоей душою. Не стремись освободиться от этих Божественных ужасов, этих небесных скорбей, но открой сердце, чтобы принять сии малые потоки из безмерного моря страданий, что Бог понес в Своей пресвятой душе. *Сей со слезами* (Пс. 125:5) столько, сколько требует благодать, и та же благодать постепенно высушит твои слезы. Мгла рассеется в сиянии солнца, наступит цветущая весна, и плод того, что ты предал себя Божественной воле, проявится в удивительном разнообразии Божественного действия.

Воистину, о чём беспокоиться человеку? Всё, происходящее в нём, похоже на сон. Одно облако гонит другое, словно грезы в уме спящего: одни из них печальны, другие несут утешение. Душа — словно поляна, где эти призраки играют, скоро сменяя друг друга, и, пробудившись, человек понимает, что во всём этом нет ничего, что могло бы ей воспрепятствовать. Когда грезы проходят, душа уже не помнит ни радостей, ни скорбей, что посещали ее во сне.

Господи! Можно поистине сказать, что Ты носишь Своих детей на руках на протяжении сей долгой ночи веры, и что Ты допускаешь бесконечное разнообразие мыслей в их умах — святых и таинственных. В состоянии, в каковое ввергают их ночные грезы, дети Твои действительно испытывают жестокие муки страха, тревоги и немощи, но с наступлением светлого дня вечной славы всё это отступит перед радостью неложной и непреходящей.

Именно в момент пробуждения, и сразу после него, святые души, возвращаясь к себе и имея полное право выносить суждение, никогда не устанут восхищаться и превозносить тонкость, изобретательность и изящество премудрого промысла Божественного Жениха. Они уразумеют, сколь непостижимы Его пути, сколь сложны Его загадки, сколь непроницаемы образы, под коими Он скрывает Себя, и сколь невозможно обрести утешение, когда Ему угодно внушать страх и тревогу.

При этом пробуждении те, кто, подобно Иеремии и Давиду, были безутешны в своей скорби, увидят, что даже в их глубочайшей скорби они были предметом радости ангелов и славы Бога. Невеста спит среди суеты дел и человеческих действий, несмотря на насмешки маловеров. Во сне она вздыхает и вздрагивает, ибо в грезах своих она ищет своего Жениха, Который скрывает Себя, чтобы испытать⁶⁷ ее.

Пусть она грезит; ее страхи порождены лишь сном и сумраком ночи. Когда Жених испытывает душу, которую Он возлюбил, и проявляет в ней то, что выразить может лишь Он, Он доводит до конца смысл этих сновидений и пробуждает ее в назначенное время.

Иосиф заставил Вениамина плакать, а слуги скрывали от его возлюбленного брата его тайну. Иосиф испытывал его, и никакой проницательный ум не мог постичь это испытание. Вениамин и его братья оказались охвачены несказанной скорбью, но Иосиф лишь играл с

⁶⁷ Фр. trompe, букв. обмануть. «Де Коссад» несколько раз повторяет тезис о том, что Бог сознательно «обманывает» душу, заставляя ее испытывать скорбь, ибо знает, что из этого явится великая радость.

ними, хотя бедные братья видели только зло, не разумея, что оно было лишь орудием. Когда же он открылся им и утешил их скорбь, они восхитились его мудростью: он понудил их думать, что всё потеряно, довел их до отчаяния относительно того, что в итоге оказалось источником величайшей радости, какую они только могли испытывать.

§ 3. Об изобилии даров Божиих

Чем более Бог как бы оставляет душу, пребывающую в состоянии предания себя Ему, тем изобильнее Его дары.

Углубимся еще в познание Божественного действия и Его любящего и таинственного промысления. Всё, что Бог отнимает видимым образом, Он в то же время возвращает доброй воле образом невидимым. Он никогда не оставляет душу без потребного ей. Это подобно тому, как если бы благодетель, привыкший поддерживать друга явными дарами, вдруг — ради же пользы того же друга — сделал вид, что больше не может ему помогать, но продолжил бы давать тайно, не открывая себя. Друг, не подозревая об этой благой хитрости, огорчился бы, стал строить догадки и делать самые разные выводы о поведении благодетеля. Но когда бы эта тайна раскрылась, — Бог знает, какие чувства переполнили бы его душу. Радость, приязнь, благодарность, любовь, смущение и восхищение, а за ними — еще более горячая ревность о Боге и любовь к Нему. И такое испытание становится средством укрепления души и приготовления ее к подобным неожиданностям в будущем.

Прикладной смысл сего очевиден. У Бога, чем больше мы как бы теряем, тем больше приобретаем. Чем решительнее Он отсеивает естественное, тем обильнее подает сверхъестественное. Сначала Его любят ради даров, но когда дары перестают восприниматься чувствами, тогда наконец начинают любить Его Самого. И именно этим кажущимся отнятием чувственных утешений Он готовит путь великому дару — самому драгоценному и самому всеобъемлющему, ибо он вмещает в себя все остальные.

Душам, однажды и навсегда предавшим себя Божью действию, следует всегда истолковывать всё, происходящее с ними, в добром смысле. Именно всё, даже потерю лучших духовников и недоверие, которое они невольно испытывают к тем, кто предлагает себя на их место.

И действительно, духовные наставники, которые сами бегут за душами, заслуживают недоверия. Те же, кто воистину вдохновляется Духом Божиим, обычно не проявляют такой настойчивости и самоуверенности. Они не приходят, покуда их не попросят — и даже тогда действуют с осторожностью. Пусть душа, отдавшая себя Богу без остатка, спокойно проходит через все эти испытания, не теряя равновесия. Если она остается верной Божественному действию, то это всемогущее действие совершит в ней чудеса несмотря на любые препятствия.

Бог и душа трудятся вместе, но успех дела всецело зависит от Божественного Мастера и может быть испорчен лишь неверностью души. Когда душа верна, верно и всё прочее, ибо то, что исходит от Бога — Его часть, Его действие, — становится как бы противовесом верности души, завершая всё необходимое. Божественный труд напоминает прекрасный гобелен, создаваемый стежок за стежком с изнаночной стороны. Тот, кто трудится, видит только текущий стежок и иглу, в то время как все стежки вместе складываются в чудесный узор, что станет виден лишь тогда, когда работа будет полностью завершена и лицевая сторона обращена наружу. Пока же работа продолжается, вся красота и совершенство остаются скрытыми.

Так же и с душой, предавшей себя Богу: она видит лишь Его и свой долг. И исполнение этого долга — каждый миг — есть лишь небольшой, едва заметный стежок; но из этих стежков Бог производит чудеса, иногда позволяя увидеть их проблески, но открывая полноту только в великий день вечности. Сколь блаженно и премудро Божественной водительство! Всё прекрасное, славное и возвышенное Он оставил для действия Своей благодати, а душе — при помощи той же благодати — оставил лишь малое, легкое и простое, так что нет на земле

человека, который не мог бы достичь высочайшей степени совершенства, если будет с любовью исполнять самые обыкновенные и заурядные обязанности.

§ 4. О том, что самые простые вещи суть проводники благодати

Когда душа всецело предала себя Божественной воле, Бог тем вернее ведет ее, чем более Он словно бы ослепляет ее.

В отношении душ, которые полностью предали себя Богу, особенно применимы слова апостола Иоанна: «*Вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему*» (1 Ин. 2:27). Чтобы узнать, чего от них требует Бог, таким душам достаточно заглянуть в собственное сердце и внимать зову своего помазания, которое изъясняет волю Божию применительно к обстоятельствам.

Хотя Бог действует сокровенно, Он всё же открывает Свои замыслы — не уму, но сердечному чувству. Он показывает их душе посредством необходимости, не позволяя ей избрать ничего иного, кроме того, что дано ей в настоящий момент; либо посредством внезапного прозрения, некоего сверхъестественного ощущения, побуждающего действовать без предварительного обдумывания; либо, наконец, через внутреннее влечение или, напротив, отвращение, которые, не лишая свободы, всё же склоняют душу принять или отвергнуть то, что встречается на пути. Если судить по внешности, то можно подумать, что последовать подобному влечению — значит поступить вопреки добродетели. Если взять мерилom обычные нормы, то такое поведение идет вразрез с порядком и правилами. Но в действительности это высшая степень добродетели, которой можно достичь лишь в результате продолжительных усилий. Добродетель сего состояния есть добродетель чистая и как бы само совершенство.

Душа подобна музыканту, который соединил в себе совершенное знание искусства и мастерство исполнения, настолько проникнутому музыкой, что, не задумываясь, играет ее безупречно. И если потом разобрать его импровизацию, окажется, что она безукоризненно соответствует установленным правилам. Тогда станет ясно, что он никогда не достиг бы большего, чем тогда, когда играл без принуждения, свободный от правил, которые сковывают талант при слишком буквальном следовании им. Импровизацию такого музыканта даже лучшие мастера справедливо признают шедевром. Так и душа, долго воспитуемая в знании и делании совершенства, под влиянием размышлений и подходов, которыми она пользовалась, чтобы соработничать с благодатью, формирует у себя привычку делать всё по сердечному чувству, вложенному в нее Богом. Она понимает, что лучше всего поступать по первому побуждению, без долгих раздумий, к которым она прибегала прежде. Единственное, что остается, — действовать попросту, когда не на что опереться, кроме действия благодати, которая не может ее ввести в заблуждение. А действие благодати, заметное внимательному взору и тонкому разуму, едва ли чем отличается от чуда.

Без всяких правил — и вместе с тем предельно точно; без наставлений — однако в совершеннейшем порядке; без долгих размышлений — и всё же глубоко; без искусности — и одновременно стройно; без усилий — и всё совершается; без предварительного обдумывания — и при этом никакая неожиданность не становится преградой. В сочетании с Божественным действием духовное чтение часто приобретает смысл, который нельзя было и предположить. Бог пользуется словами и поступками других, чтобы вложить истины, которые иначе остались бы сокрытыми. И если Ему угодно просвещать душу именно так, послушная душа должна открыться перед этим светом. Любое средство, которым пользуется Божественное действие, обладает силой, неизменно превосходящей его очевидные и природные свойства.

Природа состояния всецелого предания себя Богу такова, что душа всегда живет таинственной жизнью, получая великие и чудесные Божии дары через самые обыкновенные вещи — естественные, случайные, или кажущиеся результатом простого стечения обстоятельств, где не видно иного действия, кроме обычного хода мира или стихий. Таким образом, простейшие проповеди, самые обычные разговоры и самые незатейливые книги силой Божественной воли становятся для таких душ источниками знания и мудрости. Потому

такие души бережно подбирают крупички, которые маловеры пренебрежительно попирают. Для них всё драгоценно, всё приносит им благо. Они неизъяснимо безразличны ко всему — и вместе с тем не пренебрегают ничем, почитая всё и пользуясь всем. Поскольку Бог вездесущ, употребление вещей по Его воле есть уже не столько пользование тварями, сколько приятие Божественного действия, подающего Свои дары различными путями. Сами вещи не могут освящать; они освящают лишь как орудия Божественного действия, которое способно сообщать благодать — и нередко сообщает ее простым душам путями и средствами, кажущимися противоположными цели. Оно проливает свет через грязь так же, как через стекло, и ее орудия в каждом случае особенные. Для нее всё равно, чем пользоваться. Вера всегда твердо знает, что ей ни в чём нет недостатка, и никогда не жалуется на отсутствие средств, которые могли бы, по-видимому, ей помочь, ибо Мастер, Который действительно ими пользуется, восполняет Своим действием любую скудость. Божественное действие — сила всякой твари.

§ 5. О том, что и природа, и благодать суть орудия Божии

Чем менее душа в состоянии предания себя Богу способна защитить себя саму, тем надежнее защищает ее Бог.

Единственное и верное действие Бога всегда достигает покорной души в надлежащее мгновение, и она всячески следует Его внутреннему водительству. Душа принимает с миром всё, что уже произошло, всё, что происходит, и всё, что ее касается — кроме греха. Иногда она действует вполне сознательно, иногда — неосознанно, будучи ведомой лишь неопределенным желанием сказать, сделать или оставить нечто, без возможности дать разумное объяснение своим поступкам.

Зачастую обстоятельства и причины действий души принадлежат лишь естественному порядку. Душа, не усматривая в них никакой тайны, действует по простому стечению обстоятельств, по необходимости или удобству, и ее поступок не несет в себе ничего особенного ни в ее собственных глазах, ни в глазах окружающих, тогда как всё это время Божественное действие — через разум, через мудрость или через совет друзей — употребляет самые простые вещи ей во благо. Оно присваивает их себе и столь настойчиво препятствует вредоносным обстоятельствам, что противодействовать ему становится невозможно.

Иметь дело с простой душой — это в некотором смысле то же самое, что иметь дело с Самим Богом. Что можно противопоставить воле Вседержителя и Его непостижимым замыслам? Бог Сам принимает на Себя дело простой души. Ей нет нужды изучать хитрости других, тревожиться их заботами или вглядываться в их поведение; ее Жених освобождает ее от всех этих забот, так что она может с миром и уверенностью покоиться в Нём.

Божественное действие освобождает и избавляет душу от всех тех низких и шумных путей, столь любезных человеческому рассуждению. Подобными путями шли Ирод и фарисеи, тогда как волхвы мирно следовали лишь за своей звездой, а Младенцу Христу довольно было только пребывать на руках у Своей Матери. Его враги более помогали Его делу, нежели мешали ему. И чем настойчивее были их усилия воспротивиться Ему или уловить Его, тем свободнее и спокойнее Он действовал. Он не заискивал перед ними, не прибегал к уловкам, чтобы отвратить их удары; их ревность, подозрения и преследования были Ему предметом использования. Так жил Иисус Христос в Иудее, и точно так же живет Он ныне в простых душах. В них Он щедр, кроток, свободен, мирен, бесстрашен, не имеет потребности ни в чём и зрит всех тварей в руках Своего Отца. А твари при этом обязаны служить Ему: одни — своими преступными страстями, другие — своими святыми делами; первые — противодействием, вторые — повиновением и покорностью. Божественное действие удивительным образом уравнивает всё это: ничто не избыточно и ничто не недостаточно; доброго и дурного — ровно столько, сколько требуется. Воля Божия в каждый момент употребляет средства, наиболее соответствующие цели, а простая душа, наставляемая верой, находит всё должным и не желает ни больше, ни меньше того, что имеет. Она непрестанно

благословляет Божественную десницу, что столь искусно распределяет средства, отвращая всякое препятствие. Она принимает друзей и врагов с таким же равным терпением и приветливостью, с какими Иисус обращался со всеми, — как с орудиями Божиими.

Ей не нужен никто — и вместе с тем нужны все. Божественное действие делает всех людей необходимыми, так что всех их следует принять от Его руки сообразно их качеству и природе, отвечая каждому с кротостью и смирением: простым — просто, грубым — благостно. Этому учит святой Павел, и это совершеннейшим образом исполнил Иисус Христос.

Только благодать может наложить сию сверхъестественную печать, которая для каждого человека своя. Этому нельзя научиться из книг, но из истинного пророческого духа, ибо это — плод особого дара и учения Святого Духа. Чтобы понимать его, нужно пребывать в состоянии полнейшего предания себя Божественной воле, в совершеннейшей свободе от всякого замысла и от всякой привязанности, сколь бы святой она ни была. Нужно иметь перед своим взором единое на потребу — покорное следование Божественному действию. А для сего надо прилежно исполнять обязанности своего состояния и позволять Святому Духу действовать внутри себя, не пытаясь понимать Его действий, но даже радуясь тому, что остаешься в неведении о них. Тогда ты пребудешь в безопасности, ибо лишь тогда, когда душа совершенно покоряет себя воле Божией, всё происходящее в мире не может принести ей ничего кроме блага.

§ 6. О сверхъестественном благоразумии

Душа, пребывающая в состоянии всецелого предания себя Богу, не боится своих недоброжелателей, но находит в них полезных помощников.

Я в большей мере боюсь действия своего и своих друзей, чем действия своих врагов. Нет большего благоразумия, чем то, которое не противодействует врагам и отвечает им лишь тем, что в простоте предаёт себя Божественной воле. Это подобно тому, как если идти против ветра — не остается ничего другого, кроме как сохранять спокойствие и мир. Ничто не противостоит мирскому благоразумию так совершенно, как простота; она отражает все козни, не вникая в них и не размышляя о них.

Божественное действие ведет душу к решениям столь верным, что те, кто пытаются ввести ее в замешательство, сами оказываются в замешательстве. Оно извлекает пользу из всех их козней и возносит душу благодаря самим тем действиям, которые должны были ее принизить. Недоброжелатели суть галерные рабы, что своим тяжким трудом доставляют корабль души в порт. Все препятствия обращаются во благо этой души, и, позволяя ее врагам действовать беспрепятственно, она тем самым понуждает их постоянно служить себе; единственное, чего ей стоит опасаться, — это вмешаться в дело самой, ибо главный тут Бог, а Его враги — лишь орудия. Так что ей остается лишь мирно наблюдать за делом Божиим и следовать с простотой за Его зовом.

Сверхъестественное благоразумие Духа Божия, источник сего зова, непременно достигнет цели. Все обстоятельства складываются так, что душа получает именно то, что предназначено ей, а всё, что может этому повредить, разрушается.

§ 7. О признании собственной немощи

Душа в состоянии всецелого предания себя Богу может воздерживаться от того, чтобы оправдываться словами или поступками, ибо ее оправдывает Божественное действие.

Порядок Божественной воли есть твердая и непоколебимая скала, на которой покорная душа находит покой, защищенная от перемен и бурь. Он постоянно присутствует под покровом страданий и самых обыденных дел. За этим покровом скрыта десница Бога, чтобы поддерживать и укреплять тех, кто всецело предал себя Ему. С того момента, как душа прочно утвердилась в состоянии предания себя Божественной воле, она будет защищена от пересуд,

ибо ей никогда не нужно говорить или предпринимать нечто в свою защиту. Поскольку ее дело принадлежит Богу, нет смысла оправдываться перед кем-то еще. Итоги сего дела сами по себе являются достаточным оправданием. Нужно лишь позволить Богу делать то, что Он делает: «День дню передает слово» (Пс. 18:3, перевод еп. Порфирия (Успенского)). Когда душа более не руководствуется размышлениями, ей незачем призывать слова в свою защиту. Ведь наша речь может выражать только наши мысли; там, где нет замыслов, речь бесполезна. Какая в ней ценность? Дать удовлетворительное объяснение нашим поступкам? Но мы не можем объяснить того, о чём сами ничего не знаем, ибо это незнание заложено в самой основе наших поступков, ведь причина их — неизъяснимый словами высший зов. Следовательно, нужно позволить итогу дела оправдать его причину.

Все звенья этой Божественной цепи остаются твердыми и надежными, и содержание причины каждого дела проявляется в его следствии. Это уже не жизнь в грезах, в мечтах, в многословии. Душа больше не занимается такими вещами и не черпает в них силы; они более не имеют ценности для души и не дают ей опоры.

Душа больше не видит, куда идет, и не может предсказать, к чему придет; размышления больше не помогают ей набраться смелости, чтобы перенести усталость и преодолеть трудности пути. Всё это сметено внутренним признанием собственной немощи. Дорога расширяется по мере продвижения, путь начат и продолжается без колебаний. Будучи совершенно простой и открытой, душа без противления следует путем Божественных заповедей, полагаясь на Бога, Которого встречает на каждом шагу, и Бог, Которого она ищет превыше всего, являет Свое присутствие так, чтобы воздать тем, кто несправедливо ее осуждает.

§ 8. Об ошибочности попыток руководить самим собой

На душу, пребывающую в состоянии всецелого предания себя Богу, Он воздействует такими средствами, которые на первый взгляд кажутся способными ее погубить.

Бывает время, когда Бог становится жизнью души, и Сам тайными и сокровенными путями приводит ее к совершенству. Тогда все ее собственные представления, озарения, труды, размышления и мотивы превращаются в источники иллюзий. После большого печального опыта попыток руководить собой самостоятельно, душа понимает бесполезность сего и замечает, что Бог скрывает и запутывает все пути. Тогда душе ничего не остается, кроме как обратиться к Нему, чтобы обрести жизнь. Убедившись в собственной немощи и в том, что всё, что она черпает из себя, приносит лишь вред, душа предается Богу, чтобы получить всё от Него. Только тогда Бог становится источником ее жизни — не через внутренние озарения или размышления, которые теперь представляются ей лишь заблуждением, а через действие Своей благодати, скрытое под самыми необычными видами.

Божественное действие, оставаясь неведомым душе, сообщает ей свою силу и суть через множество обстоятельств, которые самой душе представляются губительными. То, что Божественное действие душе неведомо, никак не изменить: пусть же оно следует как есть. Ведь это Сам Бог отдает Себя, вместе с Собою подавая всё прочее в сокровенной мгле веры. Душа здесь слепа, она подобна больному, который ничего не знает о свойствах лекарств и ощущает только их горечь. Душа часто думает, подаваемое ей Богом принесет ей гибель. Страдание и немощь, что она при этом испытывает, кажутся ей подтверждением ее опасений. И хотя это выглядит подобно смерти, но душа, принимая лекарства по слову Врача, укрепляет свое здоровье.

Точно так же послушная душа не заботится о своих немощах, кроме как если речь идет об очевидных недугах, которые по своей природе понуждают ее отдыхать и принимать подходящие средства. Если душа предала себя Божественной воле, ее немощь лишь кажется таковой, и ее следует преодолевать с уверенностью. Бог посылает или попускает ощущение немощи, как верное средство, чтобы дать душе возможность укрепляться в вере и в состоянии предания себя Богу. Не обращая внимания на немощь, такие души должны твердо идти своим

путем, следуя в поступках и перенесении страданий Божественному порядку и используя тело так, словно оно — взятый забесплатно конь, нужный лишь для того, чтобы использовать его, покуда он не падет. Это лучше, чем заботиться о здоровье в такой мере, что это причинит вред душе.

Смелый дух способен укрепить немощное тело, и один год жизни, проведенной столь благородно и достойно, ценнее целого века суеты. Нужно уметь даже внешне показывать, что ты пребываешь в состоянии благодати и доброй воли. Разве быть делателем Божественной воли — это что-то дурное? Жизнь человека, который укрепляется ею, должна и внешне быть подвижнической. Страшные испытания, с которыми такому человеку приходится сталкиваться, на самом деле — ничто. Они посылаются лишь для того, чтобы украсить его жизнь большим числом славных побед.

Божественная воля приводит душу в многочисленные затруднения, из которых человеческая мудрость не видит и не может представить выхода. Но именно в них душа ощущает всю свою слабость, и, обнаруживая собственные недостатки, приходит в смятение. И в такой момент Божественная воля проявляет себя во всей силе по отношению к тем, кто отдается ей без остатка. Она избавляет их более удивительными способами, чем то, как вымышленные книжные герои спасаются от своих бед, доводя всё до счастливого конца. Божественная воля с поразительным величием проводит душу через все смертельные опасности, мимо всех чудовищ, да хоть бы и через самый пламень ада, полного злых духов и страданий. Она возносит души к небесным высям, превращая их в героев историй, одновременно подлинных и загадочных, превосходящих красотой и необычностью сюжета всё, что только может породить суетное человеческое воображение.

Ступай же, душа моя, по тропе, полной опасностей и чудовищ, ведомая и укрепляемая могущественной невидимой рукой Божественного промысла. Иди до самого конца, ничего не страшась, в мире и радости, и обращая любые жизненные обстоятельства в новые победы. Мы шагаем под Его знаменем, чтобы сражаться и побеждать: *«И вышел Он как победоносный, и чтобы победить»* (Откр. 6:2).

Сколько бы шагов мы ни сделали, ведомые Им, столько и побед мы и одержим. Святой Дух Божий пишет в открытой книге эту священную историю, еще не завершенную, и не завершится она до конца мира. Эта история повествует о замыслах Божиих о каждом из людей и о том, как Он ведет их. Нам предстоит занять в ней свое место и продолжить ее нить, соединив свои дела и страдания с Его волей. Нет, не ради утраты самих себя мы трудимся и страдаем, но чтобы наполнить страницы сей священной книги, что пишется день за днем.

§ 9. О Божественной любви, каковая есть источник всякого блага

Для тех, кто следует этим путем, Божественная любовь — это всё.

Бог, лишая души, предавшие Ему себя, всего, дает им взамен нечто иное. Вместо света, мудрости, жизни и силы Он дарует им Свою любовь. В таких душах Божественная любовь подобна сверхъестественному сердечному чувству. В природе каждое творение несет в себе то, что ему соответствует: каждому цветку — его особенная красота, каждому животному — его чутье, каждому существу — его совершенство. Так же и в различных благодатных состояниях: каждому — своя особая благодать. Это награда всякому, кто с доброй волей принимает то состояние, в которое его определил Божий промысл.

Душа повинуется Божественному действию с того часа, как в ней утвердился навык доброй воли; и это действие изменяет ее в той мере, в какой она способна предавать себя ему. Всё искусство предания себя Божественной воле — это не более, чем искусство любить, а Божественное действие — ни что иное, как действие Божественной любви. Как возможно, чтобы эти два любящих начала, ищущие друг друга, не соединились, когда встречаются? Как Божественная любовь может отвергнуть душу, чьим стремлением она сама же и руководит? И как душа, живущая только Богом, может отвергнуть Его? Любовь не может отвернуться того, чего сама же и желает, и не может желать того, чего сама же и отвращается.

Божественное действие обращено лишь к доброй воле: способность или неспособность других сил души ни не привлекает и ни отталкивает его. Всё, что ему нужно, — сердце доброе, чистое, справедливое, простое, покорное, сыновнее и благоговейное. Оно овладевает таким сердцем и всеми его способностями, так устраивая всё для его блага, что оно во всём находит свое освящение. То, что разрушило бы другую душу, в этой встретит противоядие доброй воли, лишаящее яд силы. Даже у края пропасти Божественное действие удержит ее; а если и оставит стоять там, — не даст упасть; и, если она упадет, — поднимет ее. Ибо такая душа ошибается лишь по немощи, а такие ошибки любовь почти не принимает во внимание и знает, как обратить их в пользу. Она тайным зовом дает душе понять, что ей следует сказать или сделать в тех или иных обстоятельствах. Этот зов — как лучи света от Божественного разума: *«Разум верный у всех, исполняющих заповеди Его»* (Пс. 110:10). Сей Божественный разум сопровождает такие души шаг за шагом, удерживая их от ошибочных поступков, на которые толкает их простота.

Если они принимают решения, способные привести к чему-то вредному для них, Божественный промысл устроит счастливый случай, исправляющий всё. Все козни напрасны: промысл Божий разрубает узлы, повергает злоумышляющих в смущение и так спутывает их замыслы, что они сами попадают в собственную ловушку. Под Божиим водительством души совершают поступки, которые в тот момент кажутся бессмысленными, но позже избавляют их от бед, которые могли бы обрушиться на них по причине их собственного прямодушия и злонамеренности врагов. Как мудро иметь добрую волю! Как предусмотрительно пребывать в простоте! Как благоразумно обладать невинностью и чистосердечием! Какие тайны и загадки скрывает в себе прямодушие!

Взгляните на юного Товию: он еще молод, но с какой уверенностью идет он вперед, имея архангела Рафаила своим проводником! Ничто его не пугает, ни в чём он не испытывает нужды. Те самые чудовища, что устремляются пожрать его, становятся для него пищей и лекарством; рыба, бросившаяся на него, сама становится средством его спасения. По распоряжению Божественного промысла ему остаются лишь пиры да свадьбы, а всё остальное предоставлено руководству ангельского духа, назначенного ему в помощь. Всё складывает так прекрасно, так благословенно и успешно, как никогда прежде. Правда, его мать плачет и тревожится о его мнимой гибели, но отец остается исполненным веры. И сын, так горько оплакиваемый, возвращается, чтобы утешить семью и разделить ее радость⁶⁸.

Божественная любовь, таким образом, для тех, кто всецело вручает себя ей, есть источник всякого блага. Чтобы приобрести это несравненное сокровище, требуется лишь горячо желать его. Да, Бог просит только любви, и, если искать это сокровище, это царство, где царствует один Бог — ты найдешь его. Если твое сердце без остатка принадлежит Богу, оно само и есть это сокровище и царство, искомое и желаемое. В тот миг, как человек возжелал Бога и Его святой воли, он уже обрел их — и мера, в каковой он ими обладает, соответствует силе его желания.

Желать любить Бога — это уже значит любить Его. И как мы любим Его, так мы желаем стать орудиями Его действия, чтобы Его любовь действовала в нас и через нас. Божественное действие не сообразуется с целями, которые ставит себе святая и простая душа, ни с ее шагами, ни с ее замыслами, ни с тем, как она рассуждает, ни со средствами, которые выбирает, ни с чистотой ее намерения. Во всём этом душа может обманываться, но добрая воля и прямота никогда не обманут душу. Если Бог видит в душе добрую волю, Он может обойтись без всего остального, и вменяет ей всё то, что душа совершила бы, будь у нее, помимо доброй воли, более точное понимание.

Посему добрая воля ничего не должна опасаться. Если она падает, то только под всемогущей десницей, что ведет и поддерживает ее во всех ее блужданиях. Эта десница вновь обращает ее к цели, от которой она уклоняется, вновь ставит на путь, когда она сходит с него.

⁶⁸ Эта история представляет собой содержание Книги Товита, которая в Римско-Католической Церкви признается канонической книгой Ветхого Завета, а в протестантских и православных Церквях — неканонической, но почитаемой.

В ней душа обретает средство против заблуждений, в которые ввергают ее слепые и погрешительные способности. Душа начинает чувствовать, что ей следует полагаться не на эти способности, но только на Бога, предавая себя безусловно Его непогрешимому водительству. Падения, которым подвергаются добрые души, прекращаются благодаря такому преданию себя. Добрую волю невозможно привести в замешательство: то, что всё служит ей ко благу, — это вероучительная истина.

§ 10. О том, что нам следует видеть Бога во всех Его творениях

В состоянии всецелого предания себя Богу душа, подчинившись Божественному действию, обретает больше света и силы, нежели все те, кто противится ему из гордыни.

Какая тебе польза от самых возвышенных озарений, самых Божественных откровений, если ты не имеешь любви к воле Божией? Ведь именно таким образом пал сатана. Владычество Божественного действия, открытое ему Богом через тайну Воплощения, вызвало в нём лишь зависть.

С другой стороны, простая душа, просвещенная лишь верой, никогда не устает восхищаться, хвалить и любить Божий порядок, усматривая его не только в святых созданиях, но даже в самом безобразном хаосе и бесчинии. Одно зерно чистой веры дает простой душе больше света, чем получил сатана в своем высшем разумении. Преданность верной души своим обязанностям, ее тихое послушание внутреннему зову благодати, кротость и смирение по отношению ко всем — всё это ценнее, чем самое глубокое проникновение в тайны.

Если человек увидит в каждой твари, сколь угодно грубой, только действие Божие, он неизменно станет обращаться с нею кротко и почтительно. Грубость таких созданий не нарушила бы для него Божественного порядка, каким бы путем тот ни шел. Нужно лишь усмотреть в этом Божественное действие, даваемое и принимаемое, при условии, что человек не отрекается от доброты и смирения. На то, что они творят, лучше вообще не смотреть, но лишь упорно следовать по своему пути. Подобная кроткая сила способна ломать кедры и сокрушать скалы.

Кто из созданий способен устоять перед верной, кроткой и смиренной душой? Это единственный меч, которым следует опоясаться, если хочешь победить своих недоброжелателей. Сам Иисус Христос вложил его в твои руки, чтобы ты мог защитить себя. Если умеешь владеть им, тебе нечего опасаться. Не дрожи, будь мужественен! Это единственный образ поведения, подобающий тебе как орудию Божию.

Все дела Божии высоки и чудесны. А дела человеческие, когда они идут против Бога, не могут устоять перед Божественным действием в том человеке, который уподобился Ему в кротости и смирении.

Кто такой диавол? Он — чистый дух и был самым просвещенным среди всех чистых духов. Но теперь он ведет войну с Богом и Его владычеством. Тайна греха — лишь следствие этого противостояния, проявляющегося везде и всюду. Сатана, в меру своих возможностей, не остановится ни перед чем, чтобы разрушить то, что создал и устроил Бог. К чему бы он ни приступил — там дело Божия искажается уродством. Чем больше света, знаний и способностей имеет человек, тем опаснее он для себя и других, если только он не имеет основы благочестия — любви к Богу и его воле.

Только благорасположенное сердце соединяет человека с Божественным действием. Без этого всё остается на уровне одной лишь природы и чаще всего противится Божественному порядку. Лишь смиренный человек может стать орудием в руках Божиих. Что же до людей гордых, то и они служат исполнению замыслов Божиих — но лишь как безвольные рабы.

Когда я нахожу душу, живущую и действующую лишь Бога, в подчинении Его установлениям, то, как бы ни была она ограничена во всём прочем, я говорю: «Это душа имеет великий дар служить Богу». Пресвятая Дева Мария и святой Иосиф были именно такими. Любые способности у человека, лишённого этих качеств, внушают мне страх. Я боюсь увидеть

в этом действии диавола. Я пребываю в тревоге и затворяюсь в простоте, словно бы в твердыне, чтобы защитить себя от всего внешнего блеска, каковой для меня — лишь осколок битого стекла.

§ 11. О силе простоты

В состоянии всецелого предания себя Богу душа умеет различать Бога даже в гордецах, противящихся Его действию; все творения — добрые и злые — открывают ей Его.

Всё делание простой души состоит в исполнении воли Божией. Она чтит сию волю даже в тех беспорядочных поступках, которыми гордецы ищут умалить её. Гордое сердце презирает того, кто видит в нём как таковом ничтожество, — ибо простая душа усматривает в нём только действие Божие и Его волю. Нередко гордый думает, будто кротость такой души означает, что она заискивает перед ним. Но на самом деле это лишь знак благоговейного страха перед Богом и Его святой волей, являемой через гордого человека.

Нет, несчастный безумец, простая душа вовсе не боится тебя. Ты вызываешь в ней только сострадание. Когда тебе кажется, что она говорит с тобою, на деле она отвечает лишь Богу. Она верует, что общается с Ним, тебя же воспринимает как одного из Его рабов, а то и просто тень, в которой Он сокрылся. Потому, чем сильнее ты возвышаешь голос, тем ниже становишься в ее глазах, и когда ты рассчитываешь привести ее в замешательство, то она сама ввергает тебя в это состояние. Твоя хитрость и жестокость для нее — милость неба. Гордец не понимает самого себя, но простая душа, просвещенная верой, видит его насквозь.

Умение усматривать Божественное действие во всём, что каждое мгновение происходит в нас и вокруг нас, и есть подлинная наука, приснотекущее откровение истины и непрерывное общение с Богом. Это радость души, пребывающей со своим Женихом — не украдкой, не тайком, не в винохранилищах и виноградниках, но открыто, явно, без оглядки на людское мнение. Это источник мира, любви, радости и исполненности Богом, Которого видишь, познаёшь — или, точнее, в Которого веруешь — как живущего и действующего в совершеннейшем порядке во всех вещах и событиях. Это начало вечного блаженства, еще не вполне наставшего и вкушаемого, но уже сущего сокрытым и таинственным образом.

Дух Божий, Который в сей жизни, действуя непрестанно и плодотворно, тайным образом расставляет всё по своим местам, в час смерти произнесет: *«Да будет свет»* (Быт. 1:3). И тогда откроются сокровища, которые вера скрывала в этой бездне мира и радости о Боге; они обнаружатся в тех самых делах и страданиях, которые душа каждый миг совершала и претерпевала ради Него.

Когда Бог отдает Себя таким образом, всё обыденное становится чудесным, и ничего уже не кажется необычным — ибо сам этот путь по естеству своему необычен. Нет нужды украшать его чудесами, которые ему не свойственны. Он сам по себе — уже чудо, откровение, непрерывная радость, даже с учетом малых человеческих слабостей. По своей сути он не содержит ничего внешне чудесного, но делает чудом самую повседневность.

§ 12. О торжестве смирения

Верным душам Бог обещает славную победу над силами мира и ада.

Если здесь, в дольном мире, Божественное действие сокрыто под видом немощи, то лишь для того, чтобы умножить награду душ, верных Богу; однако его конечное торжество несомненно. История от начала времен — это история борьбы сил мира и ада против душ, смиренно предавших себя Божественному действию.

Во всей этой борьбе кажется, что сила на стороне гордыни, однако победа всегда остается за смирением. Образ мира предстает в подобии истукана из золота, меди, железа и

глины. Этот таинственный образ беззакония, явленный во сне Навуходоносору⁶⁹, представляет собой лишь нелепое смешение всех действий, внутренних и внешних, детей тьмы. То же самое означает и зверь, вышедший из моря, чтобы с начала времен вести войну против внутренней, духовной жизни человека⁷⁰. Всё происходящее в наши дни — лишь продолжение этой войны. Чудовище за чудовищем выходит из бездны, которая их то поглощает, то вновь извергает в клубах дыма.

Борьба между архангелом Михаилом и диаволом, начавшаяся на небесах, продолжается. Сердце некогда прекрасного ангела по причине зависти сделалось неисчерпаемой бездной всякого зла. На небесах он подвиг одних ангелов восстать на других, и со дня творения мира все его силы стремились лишь в тому, чтобы среди людей стало бы больше злодеев, и бездна пожрала бы как можно большее множество. Диавол — вожак тех, кто отрекся послушания Вседержителю. Это и есть *тайна беззакония* (2 Фес. 2:7) — вывернуть Божественный порядок наизнанку, обратив его в порядок, а вернее, беспорядок диавола.

Этот беспорядок называют «тайной», поскольку под ложным видом добра в нём скрывается неисцелимое и бесконечное зло. Каждый злодей, что со дней Каина и до настоящего времени восставал на Бога, внешне смотрелся великим и могущественным, производил в мире шум и был окружен почетом. Но эта внешняя видимость — тайна. На деле всё это были звери, один за другим выходившие из бездны, чтобы разрушить Божий порядок. Но и Божий порядок — тоже тайна, ведь он всегда противостоял диаволу руками подлинно великих и сильных людей, что повергали чудовищ в прах. Всякий раз, как ад извергает новых чудовищ, небо сразу же посылает новых подвижников, чтобы противостоять им. Древняя история — и священная, и обычная — представляет собою летопись этой войны. Порядок Божий всегда препоbreждал тьму, и те, кто становился на сторону Бога, разделяли Его торжество и обретали вечное блаженство. Неправда оказывалась не в силах помочь мятежникам, ведь единственная награда, которую она способна им дать — это смерть, вечная смерть.

Творящие беззаконие мнят себя непобедимыми. Боже! Кто устоит пред Тобою?⁷¹ Если даже против одной-единственной души восстанет весь мир и весь ад, ей нечего опасаться, коль скоро она, всецело вручив себя Богу, становится на сторону Его порядка.

Ужасно зрелище нечестия, облеченного в великое могущество: глава его из золота, тело из серебра, меди и железа. Но это — колосс на глиняных ногах: маленький камень, брошенный в него, разнесет его на четыре ветра небесных.

Как чудесно Дух Святой показал эпохи мира сего! Столько изумительных откровений! Столько славных подвижников, сменяющих друг друга, словно сияющие звезды! Столько дивных событий! Всё это похоже на сон Навуходоносора, что забывается при пробуждении, каким бы устрашающим он не был. Чудовища приходят в мир лишь для того, чтобы возрастить доблесть в чадах Божиих. Ведь когда чада Его укрепляются в отваге, Бог дает им поражать чудовищ, а затем посылает на ристалище и новых подвижников.

Жизнь сия — зрелище для ангелов, источник непреходящей радости на небе, труд для святых на земле и смятение для бесов в аду. Всё, что противостоит Божественному порядку, делает его лишь более удивительным и достославным. Все *делатели беззакония* (1 Макк. 3:6) суть рабы правды Божией, ибо Божественное действие воздвигает Небесный Иерусалим на развалинах Вавилона.

⁶⁹ См. Дан. 2 гл.

⁷⁰ См. Откр. 13 гл.

⁷¹ См. Пс. 75:8.